

АНТИНОМИИ

yearbook.uran.ru/
ifp.uran.ru/ezh/about/

2024

Том 24
Выпуск 1

Вячеслав Васечко

Кант и Библия:
Священное Писание как объект
рационально-критической
рефлексии

Павел Лихтер

Категории прекрасного,
соразмерного, истинного
в учении Платона
как предпосылки формирования
правовой реальности

Леонид Фишман

Эпоха потрясений как шанс
на объединяющую
российскую идентичность

Родион Белькович

Андрей Быстров
Сергей Виноградов

Политическая философия
А.А. Борового: динамизм,
антирационализм, индивидуализм

Ольга Лютова

Налоговые обязанности
в цифровую эпоху: периодизация
правового регулирования

Дмитрий Пономарев

Римское право
без греческой философии:
трудный путь к рождению
догматического правоведения

Российская Академия Наук

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
Уральского отделения
Российской академии наук

АНТИНОМИИ

Том 24

Выпуск 1

Екатеринбург – 2024

Главный редактор

Виктор РУДЕНКО, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), академик РАН, д-р юрид. наук, проф.

Редакционная коллегия

Философия:

Хоакин Х. АЛАРКОН, проф. Университета г. Мурсии (Мурсия, Испания), д-р философии; **Владимир ДИЕВ**, директор Института философии и права Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Юрий ЕРШОВ**, д-р филос. наук, проф. (Екатеринбург, Россия); **Владислав ЛЕКТОРСКИЙ**, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва, Россия, председатель), академик РАН, д-р филос. наук, проф.; **Михаил МАЛЫШЕВ**, проф. Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика); **Шон САЙЕРС**, почетный проф. философии Кентского университета (Кент, Великобритания); **Елена СТЕПАНОВА**, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Елена ТРУБИНА**, проф. Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Цинянь АНЬ**, проф. философии Народного университета Китая (Пекин, КНР).

Политическая наука:

Ольга МАЛИНОВА, проф. МГИМО-Университета, (Москва, Россия) д-р филос. наук, проф.; **Виктор МАРТЪЯНОВ**, директор Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. полит. наук, доц.; **Петр ПАНОВ**, главный научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (Пермь, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Ольга ПОПОВА**, зав. кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Сергей ПОЦЕЛУЕВ**, проф. кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия), д-р полит. наук; **Томас РЕМИНГТОН**, проф. политологии Университета Эмори (Атланта, США), д-р политологии; **Камерон РОСС**, проф. политических наук Университета Данди (Данди, Великобритания), д-р философии; **Ольга РУСАКОВА**, зав. отделом философии Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Ричард САКВА**, проф. Кентского университета (Кент, Великобритания), д-р философии; **Саския САССЕН**, проф. социологии Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), д-р философии; **Кароль СИГМАН**, сотрудник Института политических и социальных исследований Национального центра научных исследований, д-р политологии (Париж, Франция).

Право:

Алексей АВТОНОМОВ, директор Центра сравнительного права НИУ – Высшая школа экономики (Москва, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Олег ЗАЗНАЕВ**, зав. кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Михаил КАЗАНЦЕВ**, зав. отделом права Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Сергей КОДАН**, проф. Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Александр КОКОТОВ**, судья Конституционного суда Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Павел КРАШЕНИННИКОВ**, председатель комитета Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации (Москва, Россия), д. юрид. наук, проф.; **Валентина РУДЕНКО**, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. юрид. наук; **Армандо СЕРОЛО ДУРАН**, проф. Университета г. Сан-Пабло (Сан-Пабло, Испания) д-р права, д-р полит. наук; **Наталья ФИЛИППОВА**, зав. кафедрой государственного и муниципального права Сургутского государственного университета (Сургут, Россия), д-р юрид. наук.

Журнал с 2011 г. включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук (спец.: 5.1.1; 5.1.2; 5.5.1; 5.5.2; 5.7.1; 5.7.2; 5.7.7). Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); КиберЛенинку; базу данных Russian Science Citation Index на платформе Web of Science (RSCI); международные базы данных EBSCO; Ulrich's Periodicals Directory; Directory of Open Access Journals (DOAJ); International Impact Factor Services (IFIS); ERIH PLUS.

Учредитель и издатель

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук

Журнал издается с 1999 г. В 1999–2018 гг. выходил под названием «Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук». С 2019 г. журнал издается под названием «Антиномии». Подписной индекс 43669 через подписное агентство «Урал-Пресс» (контакты ближайших офисов на сайте <https://www.ural-press.ru>).

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-75331 от 05 апреля 2019 г.

ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)

Адрес учредителя, издателя и редакции: 620108, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Тел./факс: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Интернет-сайт журнала: <http://yearbook.uran.ru>

Статьи распространяются на основе публичной лицензии Creative Commons

Russian Academy of Sciences

INSTITUTE OF PHILOSOPHY AND LAW
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

ANTINOMIES

Volume 24

Issue 1

Yekaterinburg 2024

Editor-in-Chief

Viktor RUDENKO – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia).

Editorial Board

Philosophy

Joaquin H. ALARCON – University of Murcia (Murcia, Spain); **Vladimir DIYEV** – Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia); **Yuri ERSHOV** (Yekaterinburg, Russia); **Vladislav LEKTORSKY** – Institute of Philosophy, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Mikhail MALYSHEV** – Autonomous University of Mexico (Toluca, Mexico); **Sean SAYERS** – University of Kent (Kent, Great Britain); **Elena STEPANOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Elena TRUBINA** – Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia); **Qinian AN** – Renmin University of China (Beijing, China).

Political Science

Olga MALINOVA – MGIMO University (Moscow, Russia); **Viktor MARTYANOV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Petr PANOVA** – Perm Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); **Olga POPOVA** – Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); **Sergey POCELUEV** – Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia); **Thomas REMINGTON** – Emory University (Atlanta, USA); **Cameron ROSS** – University of Dundee (Dundee, UK); **Olga RUSAKOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Richard SAKWA** – University of Kent (Kent, UK); **Saskia SASSEN** – Columbia University (New York, USA); **Carole SIGMAN** – Institute for Humanities and Social Sciences, National Center for Scientific Research (Paris, France).

Law

Alexei AVTONOMOV – Center for Comparative Law, Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Oleg ZAZNAEV** – Kazan Federal University (Kazan, Russia); **Mikhail KAZANTSEV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Sergey KODAN** – Ural State Law University (Yekaterinburg, Russia); **Alexander KOKOTOV** – Constitutional Court of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia); **Pavel KRASHENINNIKOV** – State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (Moscow, Russia); **Valentina RUDENKO** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Armando ZEROLO DURAN** – University of San Pablo (San Pablo, Spain); **Natalia FILIPPOVA** – Surgut State University (Surgut, Russia).

Since 2011, the journal has been included into the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate and Doctor of science should be published (specialties: 5.1.1; 5.1.2; 5.5.1; 5.5.2; 5.7.1; 5.7.2; 5.7.7). It is indexed and referenced in the Russian Science Citation Index (RSCI); CyberLeninka; RSCI database on the Web of Science platform; EBSCO; Ulrich's Periodicals Directory; Directory of Open Access Journals (DOAJ); International Impact Factor Services (IIFS); ERIH PLUS.

Founder and Publisher

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

The journal has been published since 1999. In 1999–2018 it was published under the title "Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences". Since 2019, the journal has been published under the title "Antinomies". Subscription index 43669 via Subscription agency "Ural-Press" (contacts of the nearest offices are to be found on the website <https://www.ural-press.ru>).

Registered as the periodical journal by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications.

The Certificate of Registration ПИ № ФС77-75331, April 5, 2019.

ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)

Contacts: S. Kovalevskaya st., 16, Yekaterinburg, Russia, 620108.

Tel/fax: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Web-site: <http://yearbook.uran.ru>

The articles are distributed under a Creative Commons public license

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

- Васечко В.Ю.* Кант и Библия: Священное Писание
как объект рационально-критической рефлексии7
- Лихтер П.Л.* Категории прекрасного, соразмерного, истинного
в учении Платона как предпосылки формирования
правовой реальности26

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

- Фишман Л.Г.* Эпоха потрясений
как шанс на объединяющую российскую идентичность.....39
- Белькович Р.Ю., Быстров А.С., Виноградов С.В.*
Политическая философия А.А. Борового:
динамизм, антирационализм, индивидуализм53

ПРАВО

- Лютова О.И.* Налоговые обязанности в цифровую эпоху:
периодизация правового регулирования73
- Пономарев Д.Е.* Римское право без греческой философии:
трудный путь к рождению догматического правоведения89

C O N T E N T S

PHILOSOPHY

- V. Vasechko.** Kant and the Bible:
Holy Scripture as an Object of Rational-Critical Reflection7
- P. Likhter.** Categories of the Beautiful, Proportionate, and True
in Plato's Doctrine as Prerequisites for the Formation of Legal Reality ... 26

POLITICAL SCIENCE

- L. Fishman.** Era of Upheaval as a Chance for Unifying Russian Identity39
- R. Belkovich, A. Bystrov, S. Vinogradov.**
Alexey Borovoy's Political Philosophy:
Dynamism, Anti-Rationalism, and Individualism 53

LAW

- O. Lyutova.** Tax Obligations in the Digital Era:
Periodization of Legal Regulation73
- D. Ponomarev.** Roman Law Without Greek Philosophy:
A Hard Way Towards a Beginning of Dogmatic Jurisprudence89

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

Васечко В.Ю. Кант и Библия: Священное Писание как объект рационально-критической рефлексии // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 7-25. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_1_7

УДК 130.1:22.01

DOI 10.17506/26867206_2024_24_1_7

Кант и Библия: Священное Писание как объект рационально-критической рефлексии

Вячеслав Юрьевич Васечко

Институт философии и права Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: vyacheslavpetro@yandex.ru

*Поступила в редакцию 12.12.2023, поступила после рецензирования 17.01.2024,
принята к публикации 22.01.2024*

Статья посвящена специфике философского рассмотрения и осмысления книг, приобретающих в определенном социокультурном пространстве статус сакральных. Как в современном философском дискурсе, так и в дискурсе многих прошлых эпох обычно имеет место дистанцирование философов-профессионалов от непосредственного обращения к такого рода текстам. В результате они оказываются почти в монопольном распоряжении интеллектуалов, которые либо игнорируют специфически философские методы исследования, либо произвольно препарируют их применительно к своим конъюнктурным, прагматическим целям, либо ограничиваются традиционной техникой толкования и комментирования Священного Писания. Однако для серьезного мыслителя многие священные книги, рассматриваемые под

© Васечко В.Ю., 2024

особым ракурсом, оказываются при всех возможных и даже неизбежных рисках весьма ценным материалом для проверки на прочность его теоретико-методологического инструментария и морально-этических принципов, которых он придерживается. В статье данная проблема анализируется на примере интерпретации И. Кантом Библии, игравшей в его эпоху роль фундаментального культурообразующего текста. Показано, как философ противопоставляет рационально-критический и доктринально-теологический подходы к ее прочтению, оставляя за читателем право свободного выбора. Основное внимание уделено трем небольшим работам Канта, составляющим своеобразную философскую трилогию. В первой из них – «Предполагаемое начало человеческой истории» – немецкий мыслитель на материале книги Бытия дает свою версию причин выхода человечества из природного состояния и превращения его в суверенного субъекта исторического действия. Во второй работе – «О неудаче всех философских попыток теодицеи» – Кант, опираясь на книгу Иова, решает проблему благодати/неблагодати Бога в свете очевидности зла и страданий как онтологической данности. В третьей работе – «Конец всего сущего» – на основе Откровения Иоанна Богослова трактуется один из важнейших религиозных сюжетов – апокалиптическая гибель человечества (Страшный суд, конец света, прекращение исторического времени). Автор статьи демонстрирует эвристический потенциал кантовской рационально-критической методологии, не утратившей значимость и сегодня.

Ключевые слова: Кант, Библия, рационально-критическая методология, книга Бытия, начало истории, книга Иова, теодицея, книга Откровения, конец истории

Kant and the Bible: Holy Scripture as an Object of Rational-Critical Reflection

Vyacheslav Yu. Vasechko

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russia
E-mail: vyacheslavpetro@yandex.ru

Received 12.12.2023, revised 17.01.2024, accepted 22.01.2024

Abstract. The article focuses on the specifics of philosophical consideration and comprehension of books that acquire the status of sacred within a certain sociocultural space. Both in contemporary philosophical discourse and in the discourse of many past eras, there is usually a distancing of professional philosophers from direct engagement with such texts. As a result, the sacred books end up being almost exclusively handled by intellectuals, who either ignore specifically philosophical research methods, or arbitrarily apply them to their opportunistic, pragmatic goals, or limit themselves to the traditional technique of interpreting and commenting on the Holy Scripture. However, for serious thinkers, many sacred books, examined from a specific perspective, turn out, to be very valuable material for testing the strength of their theoretical and methodological tools and the moral and ethical principles they adhere to, despite all possible and even inevitable risks. The article analyzes this problem on the example of Immanuel Kant's interpretation of the Bible, which played the role of a fundamental culture-forming text in his era.

It is shown how the philosopher opposes the rational-critical and doctrinal-theological approaches to reading the Bible, while leaving the reader the right of free choice. The main attention is paid to three small works by Kant, which make up a kind of philosophical trilogy. In the first of them – the “Conjectural Beginning of Human History” – the German thinker, based on the Book of Genesis, gives his own version of the reasons for mankind’s emergence from the state of nature and its transformation into a sovereign subject of historical action. In the second one – “On the Failure of All Attempted Philosophical Theodicies” – Kant, relying on the Book of Job, solves the problem of God’s goodness/non-goodness in the light of the evidence of evil and suffering as an ontological datum. The third work – “The End of All Things” – deals with the Book of Revelation and treats from a philosophical point of view one of the most important religious topics – the apocalyptic destruction of humanity (the Last Judgment, the end of the world, the cessation of historical time). The article demonstrates the heuristic potential of Kant’s rational-critical methodology, which has not lost its significance even today.

Keywords: Kant, the Bible, rational-critical methodology, the Book of Genesis, the beginning of history, the Book of Job, theodicy, the Book of Revelation, the end of history

For citation: Vasechko V.Yu. Kant and the Bible: Holy Scripture as an Object of Rational-Critical Reflection, *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 7-25. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_1_7

Введение

Настоящий философ, если ему выпало родиться и жить в религиозной среде, рано или поздно осознает, что роль смиренного, наивно-доверчивого и нерассуждающего духовного чада своей церкви явно не для него. Когда мысль человека достаточно свободна, она в определенный момент обязательно подвигнет его задаться вопросами: а на чем, собственно, зиждется моя вера? Каковы разумные основания (если они есть) тех догм, заповедей, ритуалов, в истинность и правомерность которых меня с детства заставляли верить, не особенно интересуясь при этом моим собственным мнением? И на этом пути неизбежно возникнет также вопрос относительно ценности и научного статуса тех сакральных текстов, без которых не может обойтись ни одна конфессия: насколько соотнобразуются с разумом те древние книги, которые объявляются ниспосланными свыше и священными, несмотря на все нестыковки, непонятности и несообразности, которые видны в них уже с первого чтения?

Подобного рода вопросы закономерно интересовали и Иммануила Канта. Имея фундаментальное богословское образование и исходя из того, что его читатели хорошо знакомы с библейскими книгами, он регулярно цитирует как Ветхий, так и Новый Завет в своих работах. Его интерпретация этих книг часто весьма серьезно расходится с точкой зрения официальной лютеранской церкви, что ярче всего проявилось в истории с трактатом «Религия в пределах только разума» (1793–1794), который вызвал особый гнев иерархов и стал поводом для официального выговора знаменитому уже философу со стороны самого прусского короля.

Но есть в разнообразном творческом наследии Канта и работы, специально посвященные библейским текстам. Время от времени, когда

мыслитель отвлекается от создания капитальных сочинений формата трех самых известных «Критик» и обращается к отдельным философским проблемам, оказывается, что сюжет, который занимает его в данный момент, тесно связан с той или иной книгой Библии. Последняя попадает, таким образом, в фокус рационально-философской критики и как бы проходит проверку на прочность. Иначе говоря, выясняется, что есть некоторая проблема (историческая, нравственная, политическая или иная), а то и целый комплекс взаимосвязанных проблем, которые серьезно занимают разум, но при этом уже содержат определенное доктринальное решение в каком-то месте Писания. И философ предлагает своему читателю, наверняка хорошо знакомому с соответствующими догматическими текстами, сравнить два подхода к оценке и осмыслению данной темы – рационально-критический и доктринально-теологический, самостоятельно сделав для себя нужные выводы.

Мы полагаем, что эта тематика – характер и методология интерпретации сакральных книг *именно философам* – имеет отнюдь не только отвлеченно-исторический смысл. И в современном светском философском дискурсе, таком свободном, обширном и разноплановом, до сих пор достаточно редки случаи, когда объектом анализа становится конкретный текст, включенный в тот или иной конфессионально санкционированный свод. Причин такой самоцензуры немало. Это и нежелание подвергнуться остракизму со стороны коллег по цеху за обращение к слишком «профанному» предмету, недостойному серьезного академического интереса в силу заведомого отсутствия в нем (как полагают) сугубо метафизического, эпистемологического, феноменологического, психоаналитического, историософского и прочего содержания. Это и опасения относительно вероятных протестов со стороны штатных теологов (экзегетов, комментаторов, церковных историков, герменевтиков и пр.), внимательно отслеживающих попытки подобного рода экскурсов и всегда готовых встать на защиту буквы Писания, гневно заклеив тех, кто без их разрешения хочет вторгнуться в «чужую епархию». Это и озабоченность по поводу реакции различного рода экзальтированных активистов, блогеров и публицистов, также ревниво относящихся к любого рода рациональной критике подобных книг, которые они сами зачастую едва знают и почти не читают, но готовы, иногда под самым неожиданным предлогом, громко заявить об оскорблении своих религиозных чувств. Это, наконец, просто непопулярность среди значительной части отечественных философов библейской и христианской проблематики, имеющая объяснение в элементарном незнакомстве многих из них с текстами Ветхого и Нового Завета¹.

¹Весьма вероятно, что корни такого отношения уходят в советскую эпоху, когда специалисты по диамату и истмату (в меньшей степени – историки философии) весьма пренебрежительно относились к религиоведам или, как их тогда именовали, «научным атеистам» и их литературной деятельности. По справедливости говоря, эти воинствующие (к тому же еще и пишущие) безбожники, наподобие Е.М. Ярославского с его «Библией для верующих и неверующих», часто вполне заслуживали такого отношения за откровенный сервизм перед официальными властями и примитивное, далекое от всякой научности высмеивание-третирование как религии в целом, так и ключевых сакральных текстов в частности.

Такое избегание и дистанцирование на практике нередко оборачивается, к сожалению, отдаением исследования всего корпуса сакральной литературы на откуп авторам, априорно негативно настроенным в отношении философии. Причем среди них обычно задают тон те, кто изначально профессионально ангажирован и ориентирован в своей работе на собственные корпоративные цели, решает свои задачи, пользуется своими эффективными, пусть и довольно традиционными, методами (не имеющими порой никакого отношения к науке) и руководствуется собственными прагматическими представлениями об актуальности избираемых для теоретического рассмотрения тем.

Однако близкое знакомство с социальными и культурно-историческими реалиями прошлых эпох показывает, что такой расклад характерен не только для наших дней. И раньше были времена, когда философы в силу тех или иных причин старались не иметь напрямую дела с сакрально-догматической литературой как таковой. Эпоха Канта – немецкое Просвещение второй половины XVIII в. – как раз одна из них, при жизни мыслителя так или иначе работали практически все вышеуказанные факторы. Ведь и тогда многие университетские профессора избегали острых тем, чтобы не попасть в поле зрения бдительных святош-цензоров и не лишиться как минимум своей кафедры. И тогда комментаторы Писания старались держаться в рамках официальных церковных догм и очень нерешительно высказывались, когда требовалось отнестись к священному тексту самостоятельно и более или менее критически. И тогда хватало невежественных, но архиблагочестивых активистов, готовых «по зову сердца» броситься в бой с очередным «слишком умничающим безбожником», чуть только проносился слух, что тот нехорошо отозвался о священной книге.

Все это было, но, как показывает пример Канта, необязательно детерминировало поведение философа строго и однозначно. Те его работы, к анализу которых мы приступаем, суть именно такого рода показательные и приятные исключения. Они убедительно демонстрируют, что для честного и идущего до конца мыслителя нет табуированных извне тем и что именно благодаря собственной и тщательно продуманной рационально-логической методологии человек способен увидеть в давно, казалось бы, известных текстах нечто такое, что остается недоступным и непонятным для тех мирян, священников и пастырей, которые не хотят или просто неспособны оперировать философскими понятиями и рассуждениями.

Проблема начала истории

Первая из рассматриваемых нами работ – «*Предполагаемое начало человеческой истории*» (1786), где в центре внимания находится момент времени, когда человек выделяется из царства природы, противопоставляет себя ей и начинает двигаться своим собственным путем, весьма отличным от того, которым идут все прочие живые существа.

Начало человеческой истории, указывает Кант, не нужно выдумывать. Факт этого события, пусть оно и очень далеко отстоит от нас во времени,

выводится из опыта с учетом вполне надежного предположения, что «природа при этом первом начале была не лучше и не хуже, чем теперь, – предположение, соответствующее аналогии природы и не содержащее в себе ничего рискованного» (Кант 1980а: 43). Но, поскольку своя версия этого начала, как известно, содержится в самой первой книге Библии, Кант принимает, как он выражается, «увеселительную прогулку» по тем давно минувшим, но наверняка имевшим место событиям, заручившись священным документом как картой. Читателю предлагается перечитать главы II–VI книги Бытия, проследив, совпадает ли указанный там путь с тем, который философия избирает на основании понятий.

Состояние, в котором пребывают первые люди в Эдеме до своего грехопадения, выглядит с современной точки зрения вполне комфортным, хотя и своеобразным: зрелые люди, не нуждающиеся в материнском уходе, живут в паре (что необходимо для продолжения рода) и в месте, защищенном от нападения хищных зверей и обеспеченном продуктами питания. Подобно животным, человек живет по *инстинкту*, в роли которого выступает *глас Божий*, подсказывающий, какие предметы разрешены для употребления в пищу, а какие, напротив, запрещены. До той поры, пока человек простодушно прислушивается к этому гласу (под которым можно понимать и голос природы), а разум его пребывает в спячке, он чувствует себя совсем неплохо и не сталкивается ни с какими проблемами.

Но как только разум человека пробуждается, мир предстает перед ним совсем в ином свете; выясняется, что одним инстинктом жить уже нельзя. Самый первый шаг был связан с *пищей*: попробован именно тот плод, который, согласно заповеданному свыше инстинкту, есть нельзя; однако разум, невзирая на противодействие природы, все-таки сделал свое первое движение в сторону свободного выбора. Благодаря этому поступку у человека *открылись глаза*: «Человек обнаруживает в себе способность избирать образ жизни по своему усмотрению и не придерживаться, подобно другим животным, раз и навсегда установленного порядка» (Кант 1980а: 46). Правда, за минутным удовольствием последовали тревога и страх: как ориентироваться в бесконечном множестве окружающих предметов? Какие из них полезны, а какие вредны и опасны? Но возврата в прежнее состояние быть уже не могло.

Пробудившийся разум заставил человека по-новому взглянуть и на *инстинкт пола*, которым природа пользуется для продолжения рода (как инстинктом питания для сохранения индивида): влечение (благодаря воображению) становится более продолжительным и постоянным (а не периодическим, как у животных), оно *не пресыщается* и потому гораздо дольше сохраняется. Фиговые листья (Быт. 3:7) – продукт такого нового отношения к половой жизни: это не только *запрет*, подавление сексуального влечения, но и средство продлить влечение и придать ему возвышенную, духовную форму: «Отказ и был тем волшебным средством, превратившим чисто чувственное влечение в идеальное, животную потребность – в любовь, ощущение, просто приятное, – в понимание красоты сначала в человеке, а затем и в природе» (Кант 1980а: 47). Одновременно появляется и

скромность – качество, через которое человек внушает уважение к себе и которое есть первое указание к воспитанию человека как нравственного существа.

Еще одну новацию разума, если мы рационально оценим картину ожидающих человека забот и огорчений, которую рисует согрешившим Адаму и Еве Господь (Быт. 3:13-19), можно определить как *рассудочное ожидание будущего*. Эта способность также отличает человека от животных. Он предвидит будущие тяготы, беды, страдания и потому не только боится их, но и соответствующим образом пытается подготовиться. Он предвидит также и свою *смерть*, появляется *страх* смерти, от которого животные избавлены. В качестве надежды и утешения здесь выступает мысль о *жизни для потомства*, которое, возможно, устроится лучше.

Наконец, еще одно открытие, которое предстает пробудившемуся разуму, – это осознание, что человек есть *цель природы*, с ним в этом вопросе никто и ничто не может соперничать. Человек стал смотреть на других животных тварей как на средства, орудия для себя. Одновременно возникает еще смутная вначале мысль о *равенстве всех людей*, которая со временем примет отточенную форму золотого правила и категорического императива: «Итак, человек вступил в *отношения равенства со всеми разумными существами*, к какому бы классу они ни принадлежали (III, 22)², в силу своего безусловного желания *самому быть целью*, встречать со стороны всякого другого именно такую оценку и не быть употребляемым просто как средство для целей других» (Кант 1980а: 49).

Так или иначе, на этом пункте детство человека закончилось, он был изгнан из рая в мир, где его подстерегали тревоги, горести и незнакомые страдания. Однако он вошел в жестокий мир не совсем безоружным, в его распоряжении оказался «неугомонный разум», с помощью которого предстояло преодолевать все трудности и напасти. Разум склоняет человека «терпеливо переносить ненавистный ему труд, гоняться за презираемым им призрачным блеском и забыть, помимо всех мелочей, утраты которых он еще более боится, даже ужасающую его смерть» (Кант 1980а: 49).

Продолжая свой анализ, Кант замечает, что до пробуждения разума человек пребывал в состоянии нравственной невинности, то есть незнания добра и зла. «Первым шагом из этого состояния в нравственном отношении было, таким образом, *падение*; в физическом отношении следствиями этого падения, следовательно, было множество дотоле неизведанных жизненных невзгод. История *природы*, таким образом, начинается с добра, ибо она *произведение божье*; история *свободы* – со зла, ибо она *дело рук человеческих*» (Кант 1980а: 50). То, что с точки зрения индивида выглядит ущербом,

² Библейский стих, на который ссылается Кант, звучит в русском синодальном переводе так: «И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно» (Быт. 3:22). Очевидно, философ использует намек на существование других богов, который здесь содержится (рецидив древнего иудейского политеизма), как аргумент в пользу того, что есть где-то еще наделенные разумом существа иной природы.

с позиции рода оказывается безусловным приобретением. В силу этой диалектики индивид (памятуя, что благо рода – это и его благо) должен «все претерпеваемые им страдания и совершаемое им зло приписывать собственной вине, но вместе с тем, как член целого (рода), восторгаться и прославлять мудрость и целесообразность мирового порядка» (Кант 1980а: 50).

Эскиз первого этапа человеческой истории, который представлен в главах IV–VI книги Бытия, есть описание свершившегося перехода из эпохи покоя и мира в эпоху труда и *раздора*. Объективный смысл и оправдание тех тягот, насилия и жестокости, которыми изобиловала тогдашняя жизнь, заключается в необходимости объединения отдельных индивидов в общество. Потребность в защите своей земли и плодов своего труда заставляет людей действовать сообща, строить все более крупные и хорошо защищенные поселения, затем города, в которых собираются значительные богатства и возникают зачатки гражданского устройства, искусства и культуры.

Такой подход дает философу основание по-своему взглянуть на описанный в главе IV книги Бытия конфликт между первыми детьми Адама – пастухом Авелем и земледельцем Каином. Кант совсем не склонен здесь однозначно, вслед за Моисеем, номинальным автором Пятикнижия, и в традициях официальной церкви сочувствовать первому и осуждать второго, скорее наоборот – надо учесть, что труд земледельца тяжел, зависит от превратностей погоды, требует постоянного пребывания на одном месте и охраны своей территории. «...Земледелец как будто должен был завидовать пастуху, как пользующемуся большей благосклонностью неба... но в действительности последний, поскольку он оставался в соседстве с земледельцем, стал ему в тягость, потому что пасущийся скот не щадит его растений» (Кант 1980а: 53). Так что кровавая развязка и братоубийство были, в общем-то, предreshены: у земледельца просто не было иного выхода, как употребить силу против вольного скотовода и уйти куда-нибудь подальше от пастухов с их бесчисленными стадами, что, собственно, и сделал Каин, который пошел «от лица Господня; и поселился в земле Нод, на восток от Едема» (Быт. 4:16).

Однако философ констатирует, что тогдашний человеческий род не смог выполнить свое предназначение – властвовать над землей, ибо его жизнь выродилась, с одной стороны, в деспотизм могущественных тиранов, с другой – в рабское служение. Поэтому и потребовался Всемирный потоп, который стер этот род с лица земли, оставив горстку праведников, чтобы от них произвести обновленное человечество. Но для должным образом направленного разума вся допотопная история представляет собой поучительный урок, заключающийся в том, что именно *недовольство Провидением* становится причиной нравственного развращения, которое, в свою очередь, ведет к самым печальным последствиям для всего человечества.

Недовольство своим текущим состоянием может принимать многообразные формы. Это и недовольство *неизбежностью войны*, когда желание мирной, спокойной, бесконфликтной жизни оборачивается застоєм, упад-

ком культуры и потерей свободы³. Это и недовольство *краткостью человеческой жизни* и наивное желание долголетия, которое бы только продлило и умножило нравственные пороки, от которых люди вовсе не желают избавляться. Ригорист Кант весьма суров в оценке моральных достоинств своих современников с их бесконечными сетованиями и малодушным нытьем: «Только ребяческим рассудком человека можно объяснить то, что он боится смерти, не любя жизни, и, когда последняя становится ему невмоготу, продолжает влачить свое существование, как будто удовлетворенный, не переставая, однако, повторять свои жалобы» (Кант 1980а: 57). Наконец, это *тоска по золотому веку* – мнимому состоянию, где будут удовлетворяться лишь естественные потребности людей, будет полное равенство и неизменный мир. Во всех этих случаях человек оценивает цивилизацию лишь с точки зрения личного *наслаждения* и выдвигает свою лень в противовес той *деятельности*, которая одна могла бы сделать его жизнь достойной.

Человек, подытоживает философ, не должен перекладывать ответственность ни на якобы неблагоприятное к нему Провидение, ни на грехи праотцов. Он обязан честно принять, что все поступки – это его собственные поступки, и если они плохи, то причина – злоупотребление разумом: «И таково заключение философски разгаданной древнейшей человеческой истории: необходимо примириться с Провидением и ходом человеческой деятельности в целом, который направлен не от добра ко злу, но постепенно развивается от худшего к лучшему и успехам которого каждый в своей области призван самой природой посылно содействовать» (Кант 1980а: 59)⁴.

Важно подчеркнуть, что с позицией Канта полностью солидаризируются последующие представители немецкого классического идеализма, хотя и делают это, как правило, не ссылаясь прямо на своего гениального

³ Точности ради надо указать, что стимулом к развитию культуры Кант считает не саму войну, а *приготовления* к ней. Также оговаривается, что речь идет о современном этапе истории, оставляя для будущего этот вопрос открытым: «...только (Бог ведает когда) при достижении нами наивысшего предела последнего (прогресса. – В.В.) постоянный мир мог бы быть для нас благодетелем, и только при этом условии он был бы единственно возможен» (Кант 1980а: 57). Конечно, сейчас Канту пришлось бы внести в свою позицию серьезные коррективы.

⁴ Эта позиция оказывается близкой и Л.Н. Толстому, который считает примирение с высшей мудростью необходимым для человека, вставшего на путь самосовершенствования, и потому включает соответствующий фрагмент из Канта в собственной обработке в свой «Круг чтения»: «Мыслящий человек испытывает скорбь, которая может, пожалуй, даже повести к порче нравственности и о которой поверхностный человек не имеет понятия: именно, когда он задумывается над несчастиями, которые так сильно угнетают человеческий род, и, по-видимому, не имея надежды на что-нибудь лучше, он испытывает недовольство Провидением, управляющим мировым порядком. Но не осуждать Провидение (хотя бы оно предназначило нам сейчас в нашей земной жизни такой трудный путь) – в высшей степени важно: частью для того, чтобы мы не теряли среди тягот жизни мужества, частью для того, чтобы мы, сваливая вину на Провидение, не упускали из виду нашей собственной вины, которая, может быть, есть единственная причина всех наших зол» (Толстой 1991: 178).

предшественника. Так, по мнению Фихте, тот путь, который человечество проходит в своем историческом становлении и восходящем приближении к царству разума, – путь необходимый, целиком укладывающийся в божественный проект. Поэтому выход из райской невинности никак нельзя трактовать как печальную и обидную для человеческого рода трагическую случайность. Это путь, который человечество «должно пройти собственными ногами», оно должно сделать себя субъектом исторического действия своими силами, а без утраты этого первоначального состояния человеческая история просто не смогла бы начаться, люди «коснели бы в мертвом, неподвижном и застывшем бытии».

Хотя рай, в котором обитали Адам и Ева до их соращения хитрым змеем, – это идеальное, в известном смысле, общество, общество мира и гармонии, «рай правого делания и правого бытия», но оно спит, в нем разум неотличим от инстинкта, а единство бытия, деятельности и сознания существует лишь постольку, поскольку все эти компоненты еще не развиты, не включились в процесс становления. Чтобы запустить данный процесс, человечество должно пробудиться к жизни: «Едва оно приняло смелое решение отважиться на собственную жизнь, как приходит ангел с огненным мечом принуждения к правой жизни и изгоняет человечество из жилища, где оно жило в невинности и мире» (Фихте 1998: 229). Конечно, в этой жизни с внешней стороны мало привлекательного, она проходит в болезнях, нужде и голоде; люди почти не знают покоя и отдыха. Но зато изо всех этих невзгод и лишений вырастает, наконец, «желанный плод познания», человечество «вкушает последний, и у него открываются глаза и укрепляются руки, и оно само созидает себе рай по образу потерянного; у него вырастает древо жизни, оно протягивает руки к его плоду, вкушает его и живет в вечности» (Фихте 1998: 229).

Подобно Канту и Фихте, Гегель весьма скептичен в отношении библейского мифа о первобытном рае, несмотря на его повсеместное распространение среди различных народов: «В Библии рассказывается о рае. Многие народы верят в то, что подобный рай существовал в прошлом, сожалеют об этом потерянном рае и видят в нем цель, к которой стремятся и которой достигнет человек. В зависимости от ступени образования, достигнутой народом, этот рай в прошлом и будущем наполняется нравственным или безнравственным содержанием» (Гегель 1976: 419). Но первобытное, естественное состояние – это отнюдь не то, о чем следует тосковать и к чему следует стремиться вернуться, а то, что нужно преодолеть и из чего нужно вырваться, чтобы встать на путь обретения подлинной духовной свободы: «В действительности то первое естественное единение в качестве существования есть не состояние невинности, а состояние грубости, вожделения и дикости вообще. Животное – не доброе и не злое, а человек в животном состоянии дик, зол, он таков, каким он *не должен быть*. Таким, каков он от природы, он быть не должен, но должен быть таким, каков он есть посредством духа, посредством знания и воления того, что правильно» (Гегель 1976: 422).

Проблема благодати/неблагодати Бога в свете зла как факта наличного бытия

В статье «*О неудаче всех философских попыток теодицеи*» (1791) Кант обращается к одному из самых загадочных текстов Ветхого Завета – книге Иова, которая, собственно, во многом и инициировала работу философской и богословской мысли в поисках разрешения очевидного противоречия между двумя приписываемыми высшему существу атрибутами – всеблагодатью и всемогуществом.

Теодицея, в толковании Канта, – это защита высшей мудрости Создателя от иска, который предъявляет к ней разум, исходя из того, что не все в мире целесообразно. Хотя выдвижение подобных исков и выглядит претенциозно, но, в принципе, человек как существо разумное имеет право испытать любые утверждения. Вправе он выступить и на другой стороне – в качестве адвоката высшей мудрости: «Сочинитель теодицеи позволяет возбудить такую тяжбу перед судом разума и выражает готовность представлять ответчика в качестве поверенного, педантично возражая на все претензии противника» (Кант 1980b: 60).

Но, как показала многовековая (а если считать с книги Иова, то не менее чем двухтысячелетняя) история теодицеи, ни одно из этих благочестивых возражений не выдержало испытаний разумом. Например, аргумент богозащитников, согласно которому недопустимо отождествлять *наше* представление о целесообразности с высшим, божественным «скорее вызывает досаду, чем даже сама жалоба, не требует никаких возражений, и каждому человеку, не лишенному хоть малейшего нравственного чувства, позволительно испытывать к ней (к такой апологии. – В.В.) стойкое отвращение» (Кант 1980b: 64).

Примерно то же самое следует сказать и про объявление однозначно ложным допущения, что бедствия в судьбе человека перевешивают радости и сладости жизни, или маловразумительное упование на то, что порочного человека наказывает голос совести, преследующей его как фурию. Добродетельный человек, конечно, может как бы ссужать порочному свою собственную духовную природу, но для того, у кого просто нет совести, нет и мучителя, карающего за совершенные злодеяния. Не менее сомнительной для разума выглядит ссылка на то, что страдания в этой жизни искупаются наградой в жизни будущей: «Что до того, будто бы конец этой земной жизни скорее всего не есть конец всей жизни вообще, так эта возможность не должна считаться *оправданием* Провидения, ибо она лишь предписана морально-религиозным разумом как путь, на котором сомневающийся обращается к терпению, но не обретает успокоения» (Кант 1980b: 67).

Бесконечные препирательства между теми, кто выдвигает доводы за и против мудрости и благодати Провидения, можно преодолеть лишь одним путем – достоверно продемонстрировать абсолютную неспособность нашего разума «*проследить отношение, в котором доступный когда-либо опытному познанию мир стоит к высшей мудрости*» (Кант 1980b: 69). Подобная

демонстрация возможна при обращении к критической методологии, которая неоспоримо доказывает, что у нас нет способа согласовать данные о чувственном мире (представленном в опыте) и мире сверхчувственном (интеллигибельном, данном лишь разуму). Стало быть, теоретических доказательств «моральной мудрости миродержителя» ни один смертный не может получить в принципе.

Возможны лишь два способа истолкования декларируемой воли божественного законодателя: а) *доктринальное* – через сопоставление использованных им выражений с известными наперед его же намерениями; б) *аутентичное* – его дает сам законодатель.

Доктринальная теодицея, как бы ни изощрались ее сторонники, терпит неудачу, поскольку пытается из картины мира, взятого как предмет опыта, извлечь понятие о конечной цели Бога, которая всякий раз является моральной, но которая непосредственно в опыте никак не может быть выражена. Правильной может быть только *аутентичная теодицея*, где Бог (через посредство нашего разума) сам становится истолкователем своей воли, обнаруженной в творении. Но это истолкование принадлежит уже не мудрствующему, спекулятивному разуму, а разуму *практическому, властительному*, и оно «может рассматриваться как непосредственная декларация и глас Божий, посредством которого он букве своего творения сообщает смысл» (Кант 1980b: 70). Аллегорическое выражение такой аутентичной интерпретации Кант и находит «в одной старой священной книге» – книге Иова.

В основе сюжета лежит диспут Иова с тремя друзьями – Елифазом, Вилдадом и Софаром, к которым неожиданно присоединяется молодой Елиуй, еще более жесткий антагонист Иова. Диспут этот есть столкновение двух принципиально различных видов теодицеи, морально объясняющей горькую участь Иова – честного и невинного праведника, на которого обрушились невообразимые несчастья по причинам, неизвестным ни ему, ни его мнимым друзьям. Друзья Иова все людские беды в мире объясняют, априорно исходя из божественной справедливости: всякое страдание есть справедливое наказание за какое-либо преступление. Поэтому они уверены, что имеются какие-то умышленно утаиваемые их несчастным другом прегрешения. Они являются *доктринерами* в своей презумпции законности божественного правосудия, постулируя то, что как раз нуждается в доказательстве. Более того, «говорят так, как если бы их втайне подслушивал тот Всемогущий Владыка, чье дело они разбирают на суде своем и чью милость они в глубине души надеются заслужить своим суждением, заботясь о ней более, чем об истине» (Кант 1980b: 71). Коварство состоит в том, что они *симулируют* убеждения и говорят о вещах, о которых не имеют и не могут иметь понятия. Поэтому Иов вполне обоснованно упрекает их в лицемерии и лицепрятии. Вся их теория – это соединение излишне спекулятивного разума с трусливым, показным, набожным смирением.

Напротив, Иов для Канта есть олицетворение *аутентичной теодицеи*. Совесть не делает ему никаких упреков, и он признает, что мог как существо слабое только *ошибаться*, но никак не грешить. Он придерживает-

ся такой системы теодицеи, в которой решение Господне непререкаемо⁵, но, поскольку факт его страданий налицо, а грехи не могут быть тому причиной, он адресует Богу свои возмущенные вопросы, так ужасающие его приятелей. Хотя смысл его эмпирических страданий так и остается для него нераскрытым, но именно он, Иов, удостоивается в ветхозаветной книге божественной милости – удостоивается самым парадоксальным образом и весьма неожиданно для его благочестивых оппонентов. Лично явившись, наконец, участникам дискуссии, после того как они исчерпали все свои аргументы, Господь показывает красоту и целесообразность этого мира, но целесообразность *вышнюю*, не отвечающую обычным человеческим представлениям о добре и мудрости, целесообразность даже губительную, разрушительную. Тем самым доказывается, что «порядок и содержание целого изобличают мудрость создателя, хотя сами неисповедимые для нас пути его в физическом порядке вещей... должны оставаться при этом сокровенными» (Кант 1980b: 72).

Насколько вопросы, поднятые древним автором, остаются актуальными, видно, по мнению Канта, из того бесспорного факта, что Иова, христианского и иудейского святого, праведника, внесенного во все каноны и святцы, «перед любым судом догматической теологии: перед синодом, инквизицией, преподобным классисом или перед любой оберконсисторией нашего времени ждала бы, вероятно, горькая участь» (Кант 1980b: 72-73)⁶. Но приговор Божьего суда в ветхозаветной книге, однозначно отдавший предпочтение искреннему и честному человеку в лице Иова перед благочестивыми льстецами, остается в силе для любой эпохи.

Иов как представитель аутентичной теодицеи духовно близок философу именно своим твердым и последовательным образом мыслей, несоместимым с фальшью и лукавством⁷, ведь именно такой «образ мыслей показывает, что не моральность свою на вере, но веру основывает на моральности; а в таком случае, он принадлежит, однако, к более высокому и почтенному роду, т.е. к такому роду людей, который утверждает религию не в домогательстве милостей, но в добропорядочном образе жизни» (Кант 1980b: 73). Сила таких людей – в честности и искреннем признании

⁵ «Нога моя твердо держится стези Его; пути Его я хранил, и не уклонялся. От заповеди уст Его не отступал; глаголы уст Его хранил больше, нежели мои правила. Но Он тверд; и кто отклонит Его? Он делает, чего хочет душа Его» (Иов 23: 11-13).

⁶ *Классис* и *консистория* – церковно-административные органы реформатов-кальвинистов и лютеран соответственно. Современные исследователи фиксируют наличие в каноническом тексте ряда ортодоксальных редакторских вставок, явно имеющих целью ослабить богоборческий пафос речей Иова и оправдать включение его книги в иудейский, а затем и христианский каноны (Рижский 1992: 90-95). Однако и в древности, и в Средневековье многие богословы принципиально продолжали видеть в данном персонаже лишь скептика, бунтаря против Бога, отрицателя божественного промысла и т.д., но никак не святого (Рижский 1991: 146).

⁷ «Не скажут уста мои неправды, и язык мой не произнесет лжи! Далека я от того, чтобы признать вас справедливыми; доколе не умру, не уступлю непорочности моей. Крепко держал я правду мою, и не опущу ее; не укорит меня сердце мое во все дни мои» (Иов 27:4-6).

бессилия нашего разума, и она всегда ставит их выше тех, кто (неважно, из каких соображений) сплось и рядом готов исказить свои, равно как и чужие, мысли в лживых высказываниях.

Итак, заключает Кант, самое главное – это чистая совесть и вера. Человек может ошибаться относительно объекта своего суждения, но ни в коем случае он не может заблуждаться в вопросе, действительно ли верит в свою правоту или только притворяется. «В озабоченности тем, чтобы осознать эту веру (или это неверие) и не симулировать правоту, которой мы за собой не сознаем, как раз и состоит формальная совестливость, лежащая в основании правдивости» (Кант 1980b: 74).

Проблема конца истории

Пытливую человеческую мысль всегда притягивала проблема не только начала истории, но и ее грядущего или хотя бы вероятного *конца*. Оба узловых пункта нашли отражение в Библии, и у Канта также есть работа, как бы симметричная «Предполагаемому началу человеческой истории», а именно «*Конец всего сущего*» (1794), где он обращается к заключительной книге Библии – Апокалипсису, или Откровению Иоанна Богослова, и к проблеме описанного там конца света.

Эту тему Кант затрагивает также в создававшейся параллельно «Религии в пределах только разума», где оценивает то состояние церкви и человечества, которое обрисовано в последних главах Апокалипсиса. Окончательное отделение добрых от злых, победа божественного государства над всеми внешними врагами (включая земное государство как царство ада), истребление смерти как «последнего врага доброго человека», наконец, соединение праведников («граждан неба») с их небесным учителем и идеальный мир, где «Бог есть все во всем», – все это можно рассматривать как полное завершение и последнее доказательство непоколебимости Царства Божьего. Но если мы представляем его не в *мессианском* смысле (оставаясь в границах конфессиональной веры – христианской либо иудейской), а в *моральном*, то должны отдавать себе отчет в том, что не *обозреваем* здесь конец предвидимой мировой эпохи, а лишь *заглядываем* в это завершение, приближаясь к высшему из возможных на земле благ и определяя, что можем делать для его завершения (Кант 1980c: 209).

В новом мире прекратят свое существование и историческая вера, и ее священное писание (вместе с той книгой, где данный мир предвозвещен), перейдя в чистую, одинаково ясную для всего человечества религиозную веру. Но пока наш удел – лишь приближение этого состояния посредством все большего освобождения религии разума от ее условно-исторической оболочки. «Явление антихриста, хилиазм, оглашение близости конца мира – все это в освещении разума может принимать положительное символическое значение», но должно трактоваться в интеллектуальном смысле, то есть не как предвидимые заранее эмпирические события, а как выражение нашей необходимости всегда быть в готовности к ним и как рассмотрение себя в качестве призванных граждан божественного (эти-

ческого) государства. Именно как наше правильное умонастроение и понимает Царство Божье Иисус в известном месте Евангелия от Луки (Кант 1980с: 209)⁸.

В «Конце всего сущего» Кант разбирает эту проблему более основательно. Страшный суд как грядущий переход из времени в вечность, о котором возвещается в Апокалипсисе, равнозначен *концу всякого времени*⁹. Поскольку вечность – величина, несоизмеримая со временем, мы можем иметь о ней только негативное понятие, и переход в нее должен мыслиться не как смена физических состояний¹⁰, но только как выход в сверхчувственную реальность, где вещи не подлежат иному определению, кроме морального: «Сама идея конца всего сущего ведет свое происхождение от размышлений не о *физической*, а о *моральной* стороне дела. Только последняя может быть соотнесена с идеей сверхчувственного... а значит, с идеей вечности» (Кант 1980d: 280).

Как бы мы ни рассматривали будущую вечность – с «унитарной» точки зрения, где все души, в конце концов, обретают блаженство, или с «дуалистической», где одним суждено вечное блаженство, а другим – такие же вечные муки, мы остаемся на уровне догматических представлений, заведомо превосходящих спекулятивные возможности человеческого разума. В любом случае разум принуждает нас ограничивать свои идеи условиями практического употребления, «ибо перед нами нет ничего иного, что готовило бы нас сейчас к нашей участи в будущем мире, кроме приговора собственно совести...» (Кант 1980d: 282). Сопровождаемые различными ужасами картины светопредставления и апокалиптических страстей, конечно, сильно действуют на воображение людей, но всегда остаются при этом за пределами разумного рассмотрения, выполняя лишь вспомогательную функцию – подкрепление уже имеющихся у нас моральных основоположений.

⁸ В синодальном переводе это место выглядит так: «Быв же спрошен фарисеями, когда придет Царствие Божие, отвечал им: не придет Царствие Божие приметным образом, И не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть» (Лк. 17:20-21). Именно такую дефиницию избирает и Л.Н. Толстой для названия одного из самых фундаментальных своих религиозно-философских трактатов: «Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание» (Толстой 1992).

⁹ «И Ангел, которого я видел стоящим на море и на земле, поднял руку свою к небу И клялся Живущим во веки веков, Который сотворил небо и все, что на нем, землю и все, что на ней, и море и все, что в нем, что времени уже не будет» (Апок. 10:5-6).

¹⁰ Кант благодаря своей хорошей естественно-научной выучке подмечает, что традиционное толкование физических и астрономических событий, описанных в Апокалипсисе, несовместимо с научной картиной мира: «Если *конец сущего* представить себе как конец света в той форме, как он существует ныне, а именно что звезды падут с неба, небосвод рухнет (или рассыплется, как листы книги), и все сгорит, и будет создано новое небо и новая земля как обитель блаженных и ад для грешников, то такой судный день, конечно, не может стать последним, ибо за ним последуют другие дни» (Кант 1980d: 280). Иначе говоря, *такой* конец – это еще не «конец всего сущего».

По Канту, логически возможны три варианта конца всего сущего:

1) *естественный* – соответствующий целям божественной мудрости (как в физическом, так и в моральном плане) и, следовательно, доступный (в практическом отношении) нашему правильному пониманию;

2) *мистический (сверхъестественный)* – происходящий под воздействием причин, *недоступных нашему пониманию*;

3) *противоестественный (извращенный)* – конец, который мы вызываем сами вследствие *неправильного понимания* нами конечной цели.

Первый вариант, самый оптимальный, не содержит в себе, как может показаться, противоречия: признание естественности как цепи непрерывно происходящих изменений, не приносящих будто бы никому окончательного удовлетворения, не исключает установки практического разума именно на нечто вневременное, абсолютное и незыблемое: «В соответствии с этой идеей правило практического употребления разума гласит: мы должны воспринимать наши максимы так, как будто при всех уходящих в бесконечность изменениях от хорошего к лучшему состояние наших моральных убеждений не подвержено действию времени» (Кант 1980d: 286).

Различным *мистическим* вариантам будет предаваться разум, который вместо того, чтобы оставаться, как подобает интеллектуальному существу, в пределах чувственного мира, уходит в *грезы*, произвольно продуцируя разнообразные догматические конструкции, ни одна из которых не может быть ни аргументирована рационально, ни подтверждена эмпирически¹¹. Такие проекты характерны как для восточных религий (например, тибетского буддизма), так и для европейских философских доктрин типа пантеизма или учения об эманации, нивелирующих человеческую личность. Но они возможны и в христианстве, причем их создатели часто руководствуются самыми благими побуждениями, намереваясь, например, содействовать распространению и укреплению религии в народе. Кант пронизательно замечает, что эта, в сущности, бессмысленная и в лучшем случае никчемная с точки зрения морали деятельность, к сожалению, не прекратится и в будущем: «Могут, конечно, возразить: сколько раз существующий план провозглашался лучшим; на нем следует остановиться, он останется навечно... как будто уже наступила вечность и вместе с ней конец всего сущего. Тем не менее снова и снова возникают новые планы, из которых новейший подчас оказывается всего лишь возрождением старого, и в будущем никогда не будет недостатка в еще более окончательных проектах» (Кант 1980d: 289).

Но христианство подстерегает еще одна опасность – выродиться таким образом, чтобы спровоцировать третий, *противоестественный* вариант конца. Ему явно не хватало раньше и не хватает теперь *любви*, которую призваны внушать людям заповеди: «... именно любовь, свободно включающая волю другого в свои максимы, необходимо дополняет несовершен-

¹¹ Среди таких конструкций Кант, видимо, по недоразумению, называет «чужовищную систему Лао-цзы о высшем благе, которое должно представлять собой *ничто*» (Кант 1980d: 287). Такая характеристика гораздо больше подходит не китайскому даосизму, а буддизму махаяны, правда, также широко распространенному, помимо многих других азиатских стран, в Китае.

ство человеческой природы и принуждает к тому, что разум предписывает в качестве закона» (Кант 1980d: 289-290). Если христианство собирается вырастить в сознании людей любовь к осознанию своего долга, то оно должно действовать не как командир, требующий *подчинения* своей воле, а как друг, видящий в людях *свободных* и *суверенных* субъектов, руководствующихся собственными понятиями о добре и зле и имеющих *право на выбор*. Меньше всего должно оно прибегать к угрозам и насилию, даже в своих отвлеченных рассуждениях, не говоря уже о практике¹².

Наказания, о которых часто говорит Иисус в Евангелиях и которые так красочно расписаны в Апокалипсисе, не должны выступать как побудительные мотивы к исполнению христианских заповедей. Это лишь доброжелательные *предостережения*: людям следует знать, что, если они преступают моральный закон, их неминуемо ожидают разнообразные беды. Равно и *блаженства*, обещаемые Иисусом, – это не средства, чтобы *завлечь* человека вести праведный образ жизни, ибо тогда христианство оказалось бы недостойным любви. Христианство должно внушать *бескорыстную* любовь и не требующую награды моральность, только так оно сможет сохранить за собой сердца людей.

Если же христианству суждено утратить достоинства любви (а это неминуемо произойдет, когда место кротости займет, как уже много раз бывало, вооруженный начальственными директивами авторитет), то господствующим образом мышления станет антипатия и отвращение к этой религии. Вот тогда, действительно, произойдет именно то, что предречено Иоанном Богословом: «... *антихрист*, которого считают провозвестником страшного суда, начнет свое (предположительно основанное на страхе и своекорыстии) недолгое правление, а затем, поскольку христианству, *предназначенному* быть мировой религией, судьба не *благоприятствует* стать таковой, наступит в моральном отношении извращенный конец всего сущего» (Кант 1980d: 291). Сбудутся ли когда-нибудь апокалиптические пророчества, зависит, в первую очередь, от поведения самих христиан – как от благочестия и благоразумия мирян, так и от мудрости, прозорливости и нравственности их уважаемых пастырей и архипастырей.

Заключение

В рассмотренной нами философской трилогии, имеющей дело с начальной, одной из центральных и последней книгами Библии, Кант наглядно

¹² По мнению А.В. Гулыги, Кант, говоря о третьем, «противоестественном конце всего сущего», «явно намекал на противоестественный характер тех насильственных мер, которыми министерство Вельнера пыталось укрепить положение религии» (Гулыга 2005: 209). Нам же думается, что философом все-таки двигали более серьезные мотивы, чем банальное и конъюнктурное желание намекнуть тогдашнему прусскому министру юстиции и образования, что его действия неправомерны. Очевидно, что метафизические размышления Канта не ограничиваются пространственно-временными масштабами Пруссии конца XVIII в.; они должны трактоваться в гораздо более широком, даже предельном смысле – как размышления о возможном конце всякого бытия, по крайней мере, бытия человеческого.

демонстрирует эффективность своей рационально-критической методологии. Как и большие трактаты родоначальника немецкого классического идеализма, так и эти его небольшие произведения касаются проблем, имеющих непреходящее значение и встающих перед самостоятельно мыслящим разумом в любой стране и в любую эпоху. Кант и сегодня дает нам (и верующим, и неверующим) ориентиры, как следует относиться к сакральным книгам, и предоставляет средства, чтобы не только постичь их объективный смысл, смысл *в себе*, но и сделать этот смысл понятным и значимым лично *для нас*.

Разумеется, любой философ, если он достаточно оригинален, честен и последователен, остается самим собой и в этом случае. Кантовский критицизм – всего лишь одна из множества философских систем, которые могут что-то заимствовать из него, в чем-то солидаризироваться с ним, а в чем-то идти своим, совершенно другим путем. Образ священной книги, который сложился в сознании одного философа, вряд ли совпадет с тем, который сформируется в сознании другого. Ценность рассмотренных работ Канта не в том, что мы обнаруживаем готовые рецепты и подсказки, а в том, что, знакомясь с тем, как мыслит и действует свободный дух в другом человеке, мы лучше понимаем, как действует тот же самый дух в нас самих. И этот дух вправе иметь свое мнение относительно любой идеи, любой ценности и любой концепции независимо от формы их выражения и того условного статуса, который они обретают в конкретном социокультурном пространстве-времени.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Гегель Г.В.Ф. 1976. Лекции по философии религии // Гегель Г.В.Ф. Философия религии : в 2 т. Москва : Мысль. Т. 1. С. 205-530.
- Гулыга А.В. 2005. Кант. Москва : Молодая гвардия. 280 с.
- Кант И. 1980а. Предполагаемое начало человеческой истории // Кант И. Трактаты и письма. Москва : Наука. С. 43-59.
- Кант И. 1980b. О неудаче всех философских попыток теодицеи // Кант И. Трактаты и письма. Москва : Наука. С. 60-77.
- Кант И. 1980с. Религия в пределах только разума // Кант И. Трактаты и письма. Москва : Наука. С. 78-278.
- Кант И. 1980d. Конец всего сущего // Кант И. Трактаты и письма. Москва : Наука. С. 279-291.
- Рижский М.И. 1991. Книга Иова. Из истории библейского текста. Новосибирск : Наука. Сибирское отделение. 248 с.
- Рижский М.И. 1992. Библейские вольнодумцы. Москва : Республика. 236 с.
- Толстой Л.Н. 1991. Круг чтения: избранные, собранные и расположенные на каждый день Л. Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении. Т. 2. Москва : Политиздат. 399 с.
- Толстой Л.Н. 1992. Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание // Толстой Л.Н. Избранные философские произведения. Москва : Просвещение. С. 190-419.
- Фихте И.Г. 1998. Основные черты современной эпохи // Фихте И.Г. Несколько лекций о назначении ученого; Назначение человека; Основные черты современной эпохи. Минск : Попурри. С. 217-472.

References

- Fichte J.G. Characteristics of the Present Age, *Fichte J.G. Some Lectures concerning the Vocation of the Scholar; The Vocation of Man; Characteristics of the Present Age*, Minsk, Popurri, 1998, pp. 217-472. (In Russ.).
- Gulyga A.V. *Kant*, Moscow, Molodaya gvardiya, 2005, 280 p. (In Russ.).
- Hegel G.W.F. Lectures on the Philosophy of Religion, *Hegel G.W.F. The Philosophy of Religion in 2 volumes*, Moscow, Mysl', 1976, vol. 1, pp. 205-530. (In Russ.).
- Kant I. Conjectural Beginning of Human History, *Kant I. Treatises and Letters*, Moscow, Nauka, 1980, pp. 43-59. (In Russ.).
- Kant I. On the Failure of All Attempted Philosophical Theodicies, *Kant I. Treatises and Letters*, Moscow, Nauka, 1980, pp. 60-77. (In Russ.).
- Kant I. Religion within the Limits of Reason Alone, *Kant I. Treatises and Letters*, Moscow, Nauka, 1980, pp. 78-278. (In Russ.).
- Kant I. The End of All Things, *Kant I. Treatises and Letters*, Moscow, Nauka, 1980, pp. 279-291. (In Russ.).
- Rizhskij M.I. *Biblical Freethinkers*, Moscow, Respublika, 1992, 236 p. (In Russ.).
- Rizhskij M.I. *The Book of Job: From the History of the Bible Text*, Novosibirsk, Nauka. Sibirskoe otdelenie, 1991, 248 p. (In Russ.).
- Tolstoy L.N. *Reading Circle: Many Writers' Thoughts on Truth, Life, and Behavior, Selected, Collected and Arranged by Leo Tolstoy for Every Day*, vol. 2, Moscow, Politizdat, 1991, 399 p. (In Russ.).
- Tolstoy L.N. The Kingdom of God is within You, or Christianity not as a Mystical Teaching, but as a New Life-Conception, *Tolstoy L.N. Selected Philosophical Works*, Moscow, Prosveshhenie, 1992, pp. 190-419. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вячеслав Юрьевич Васечко

доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: 0000-0002-1808-4404;
ResearcherID: K-2505-2018;
SPIN-код: 3610-5534;
E-mail: vyacheslavpetro@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vyacheslav Yu. Vasechko

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia;
ORCID: 0000-0002-1808-4404;
ResearcherID: K-2505-2018;
SPIN-code: 3610-5534;
E-mail: vyacheslavpetro@yandex.ru

Лихтер П.Л. Категории прекрасного, соразмерно-го, истинного в учении Платона как предпосылки формирования правовой реальности // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 26-38. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_1_26

УДК 1(091):340:34.01

DOI 10.17506/26867206_2024_24_1_26

Категории прекрасного, соразмерного, истинного в учении Платона как предпосылки формирования правовой реальности

Павел Леонидович Лихтер

Пензенский государственный университет

г. Пенза, Россия

E-mail: lixter@mail.ru

Поступила в редакцию 13.11.2023, поступила после рецензирования 05.12.2023, принята к публикации 21.12.2023

В статье рассматриваются некоторые идеальные категории как фундирующие основания правовой реальности. Учитывая вариативность возможных предпосылок права, автор ограничивается тремя модификациями блага, выделенными Платоном в диалоге «Филеб»: прекрасное, соразмерное, истинное. Постулируется возможность использования для объяснения взаимосвязи указанных предпосылок и правовых феноменов такого понятия аналитической философии, как супервертность, которое обозначает детерминированность свойств двух сложных систем. Подчеркивается, что традиционно данное понятие употребляется при описании зависимости ментальных феноменов от физических оснований, но также оно имеет методологические перспективы и в юридической науке. Рассматриваются три модификации блага в диалоге «Филеб» и их роль в формировании правовых институтов. В этой связи выделяются несколько уровней эстетики, характеризующих не только стилистическую красоту, но и внутреннее содержание юридических конструкций. Особое внимание уделяется рецептивной эстетике, изучающей опыт восприятия правовых институтов субъектом правоотношений. Согласно данной концепции, правовые феномены должны быть эстетичными и обоснованными для того, чтобы быть принятыми реципиентами. Это особенно важно при закреплении конституционных ценностей: легитимизация фиктивных аксиологических элементов создает риски правовой аномии. Также в статье определяется значимость для онтологии права корреспондентной теории истины, обосновывающей приоритет рационального познания универсалий над чувственным опытом. Для решения поставленных задач используются историко-правовой, логический, структурно-функциональный, нормативно-ценностный, диалектический, прогностический, сравнительный методы и подходы. Исходя из полученных в ходе исследования результатов, автор делает

© Лихтер П.Л., 2024

вывод о самостоятельном онтологическом статусе правовых феноменов, которые обладают признаком реальности как интеллигибельные элементы объективного мысленного бытия участников правоотношений.

Ключевые слова: правовая реальность, предпосылки права, эстетика, соразмерность, истина, супервентность, объективный идеализм, онтология права, рецептивная эстетика, Платон

Categories of the Beautiful, Proportionate, and True in Plato's Doctrine as Prerequisites for the Formation of Legal Reality

Pavel L. Likhter

Penza State University
Penza, Russia
E-mail: lixter@mail.ru

Received 13.11.2023, revised 05.12.2023, accepted 21.12.2023

Abstract. The article considers some ideal categories as foundations of legal reality. Taking into account the diverse potential prerequisites of law, the author focuses on three modifications of the good highlighted by Plato in the dialogue “Philebus”: the beautiful, the proportionate, and the true. The article argues the utility of employing such a concept of analytical philosophy as supervenience, which describes the determinacy of sets of properties in two complex systems, to explain the interplay between these prerequisites and legal phenomena. While traditionally used to describe the dependence of mental phenomena on physical grounds, supervenience also has a methodological relevance within legal science. Three modifications of the good as delineated in “Philebus” and their contributions to the formation of legal institutions are considered. For this purpose, several levels of aesthetics are distinguished, which not only encompass stylistic beauty, but also the substantive content of legal constructs. Special attention is paid to reader-response criticism, which studies the experience of perception of legal institutions by a subject of legal relations. According to this perspective, legal phenomena have to possess aesthetic appeal and justification in order to be accepted by recipients. This is especially important when consolidating constitutional values: the legitimization of fictitious axiological elements creates risks of legal anomie. The article further underscores the significance of the correspondence theory of truth for the ontology of law, justifying the priority of rational cognition of universals over empiricism. To solve research problems, legal-historical, logical, structural-functional, normative, dialectical, prognostic and comparative methods and approaches are used. Based on the findings of the study, the author concludes about the independent ontological status of legal phenomena that have a sign of reality as intelligible elements within the objective mental being of participants in legal relations.

Keywords: legal reality, prerequisites of law, aesthetics, proportionality, truth, supervenience, objective idealism, ontology of law, reader-response criticism, Plato

For citation: Likhter P.L. Categories of the Beautiful, Proportionate, and True in Plato's Doctrine as Prerequisites for the Formation of Legal Reality, *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 26-38. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_1_26

Введение

Вопрос о том, что представляют собой правовые институты на самом базовом уровне, сохраняет актуальность в юридической науке. В разное время магистральные тенденции признавали основными правообразующими предпосылками экономический базис, политическую волю, божественный промысел, этику, социальные отношения и т.д. Однако многообразие вариантов не обеспечило окончательного ответа на поставленный вопрос. В XX в. произошел так называемый антропологический поворот, который предложил объяснение окружающей действительности, исходя из субъективного восприятия человека. В результате юридическая антропология начала поиск оснований правовой реальности, прежде всего, в сознании индивида. Подобная антропологическая абсолютизация сопряжена с рисками крайнего индивидуализма, так как предполагает перенесение на человека любых ценностей внешнего мира (Лосев 1997: 732). Но чем интенсивнее субъективизм, тем более пустой и бессодержательной оказывается объективная реальность.

Вопрос о фундамирующих основаниях правовой реальности остается открытым. Одна из возможных исследовательских стратегий – обращение к классическому наследию континентальной философии, которое предопределило развитие основных школ современной гуманитарной мысли. Не случайно А. Уайтхед отмечал, что «вся европейская философия – не более, чем комментарии к сочинениям Платона» (цит. по: Stengers 2011: 17). Исходя из этого, возможным вариантом методологии исследования будет редуцирование значительного количества рассматриваемых предпосылок формирования права до набора ценностей, находившихся в фокусе внимания мыслителей прошлого, но сохранивших актуальность в современной юриспруденции.

Отправной точкой для поиска фундамирующих оснований права в настоящей статье выбран ценностная иерархия социального взаимодействия, предложенная Платоном. По мнению философа, на ее вершине находится идея блага, которая как солнце освещает явления в мире вещей. В диалоге «Филеб» он уточняет, что в случае невозможности удержания блага в одной идее мы можем выразить его через три идеи – красота/прекрасное (κάλλει), соразмерность (συμμετρία), истина (ἀλήθεια) (Платон 1994b: 75).

Основной целью работы является изучение возможности установления супервентности правовых институтов на определенных идеальных предпосылках. Для этого будут последовательно рассмотрены категории, предложенные Платоном в «Филебе»:

- 1) эстетические основания как фактор формирования онтологических конструкций права;
- 2) соразмерность как базовый процессуальный принцип права;
- 3) истина как познание несокрытой сущности правового феномена.

Посредством историко-правового, логического, структурно-функционального методов планируется выявить и описать эстетические модификации, которые могут определять форму и содержание правовых институтов

(конституционных норм, законов, судебных прецедентов). Нормативно-ценностный, диалектический, прогностический методы необходимы для построения ясных аналогий в структуре возникновения права. Сравнительный метод будет использоваться для сопоставления элементов правового пространства разных стран и исторических периодов, обладающих общими признаками.

Супервентность правовых институтов

На первом этапе исследования взаимосвязи правовых феноменов и их сущностных предпосылок представляется целесообразным уйти от простой логической импликации к отношению супервентности. Данный термин, обозначающий детерминированность двух сложных систем, получил широкое распространение в аналитической философии за счет работ, отвергающих физикализм ментальных процессов (Kim 1993). Согласно Д. Чалмерсу, «Б-свойства супервентны на А-свойствах, если невозможны две ситуации, тождественные в плане А-свойств, но различные в их Б-свойствах» (Чалмерс 2013: 55). В аналитической традиции этот термин обычно используется при изучении соотношения физических предпосылок и основанных на них ментальных феноменов.

В юридической науке термин пока не употребляется, однако он обладает инструментальным значением для описания сложной структуры детерминированности правосознания, правовой реальности и фундирующих их предпосылок. Признак супервентности определяет отношение детерминированности двух сложных систем, которое не следует упрощать до простой импликации (связка «если... то...»). Импликация применяется обычно в логике и является более широким понятием, а супервентность используется при изучении соотношения специфических системных объектов.

Начальный тезис о правовой супервентности можно сформулировать следующим образом: правовые объекты супервентны как на материальных (социально-экономических), так и идеальных предпосылках. Этот тезис предполагает связь с рядом вопросов фундаментальной юриспруденции, в том числе:

- насколько существенными будут различия законодательства (Б-факты), если оно построено на одинаковых идеальных категориях (А-факты);
- будут ли отличаться правовые институты (Б-факты) при изменении эстетических и иных оснований (А-факты);
- в чем будут выражаться эти изменения, и насколько они неизбежны?

Поиск ответов на перечисленные вопросы предполагает разделение супервентности на *логическую* (ее можно помыслить) и *дескриптивную* (фактически сложившуюся). С одной стороны, в каждом государстве действуют свои законы, специфические по структуре и содержанию; с другой – в различных национальных юрисдикциях возникают схожие нормы, например, по охране окружающей среды или смягчению уголовного преследования для некоторых категорий лиц. Причем возникновение идентичных норм в различных странах может быть объяснено уникальными культурными, социальными, религиозными условиями.

Также важно разделять супервентность в зависимости от масштаба изучаемого юридической наукой объекта правовой реальности. При исследовании отдельного правового факта речь идет о *локальной супервентности*. Если же рассматривается влияние различных предпосылок на правовую культуру или правовую систему целого государства, то имеется в виду *глобальная супервентность*.

Признание возможности построения права на идеальных категориях противопоставляется в онтологии права методологическому редукционизму, который признает самостоятельный онтологический статус только за объектами физической реальности. Материалистический подход предполагает восприятие объектов как совокупности элементарных частиц, взаимодействующих согласно определенным физическим законам. Однако в правовой науке такого объяснения недостаточно, так как ее предметную область в основном составляют абстракции. Принципы справедливости, соразмерности, истинности, блага, правовые ценности и идеалы невозможно объяснить через физические характеристики. Как отмечает В.С. Нерсесянц, «объективность права и объективность существования права состоят как раз в его абстрактности, формальности» (Нерсесянц 2020: 46), то есть право представляет собой абстрактную форму фактически сложившихся отношений между людьми. Недопустимо при этом отождествлять правовую реальность и «феноменальный мир» многообразных проявлений жизни.

В целях разработки методологии определения детерминированности правовых институтов сущностными основаниями нами будут рассмотрены три идеальные категории, перечисленные в «Филебе» как составляющие идеи блага: прекрасное, соразмерное, истинное. Перечень фундирующих предпосылок можно расширить за счет категорий справедливости, свободы, равенства и т.д., но холистический принцип всеобщей взаимосвязи и универсальный характер рассматриваемых категорий позволяют показать общий алгоритм формирования правовых феноменов на определенных онтологических основаниях.

Эстетические категории как онтологические предпосылки права

Недостаточно рассматривать правовую реальность дискретно, как набор несвязанных элементов. Для понимания онтологических конструкций важны объединяющие категории соразмерного, гармоничного, прекрасного, совершенного (Лосев 2000: 452). Тем не менее в научной литературе сохраняются тенденции «узкого» подхода к исследованию эстетики права: как правило, эстетические проблемы юриспруденции сводятся к вопросам стиля, внешнего оформления нормативных документов (Сергеева 2010). В то же время можно выделить как минимум формальный и содержательный аспекты эстетики права. Первый подразумевает качество и адекватность отражения смысла в правовых документах, второй предусматривает методологическую основу для взвешивания разнонаправленных элементов правовой реальности. Соответственно, рассматривая влияние идеаль-

ных категорий на формирование правовых феноменов, можно выделить несколько модификаций эстетики: структурную, динамическую, рецептивную, холистическую.

Структурная эстетика предполагает строгую систематизацию категорий права, но содержит риски избыточной классификации, формализации, что может вызвать чувство «доктринальной клаустрофобии».

Динамическая эстетика призвана учитывать внешние технологические, культурные, социально-экономические и иные факторы (Коваль, Лозо, Зенин 2023). Однако право вне структурных рамок теряет функциональность при регулировании социального взаимодействия.

Рецептивная эстетика как герменевтическая концепция возникла в середине XX столетия в рамках анализа процесса взаимодействия читателя с текстом. Она постулирует тезис, что текст сам по себе – это еще не произведение, произведение – смысл текста в восприятии реципиента. Эта концепция в юриспруденции предполагает перемещение фокуса внимания на опыт восприятия правовых институтов субъектом правоотношений.

Различные уровни эстетики помогают систематизировать сущностные предпосылки права и его внешние проявления, которые могут с разной степенью доступности передавать суть феноменов для снижения рисков искажения правовой реальности. Для современной эстетики права сохраняет значение концепция красоты, предложенная в «Филебе», как нераздельное единство внутреннего содержания и внешнего воплощения. Актуально изучение соотношения идеалов прескриптивной теории права и фактически сложившихся правовых институтов (дескриптивной теории). По Платону, исследование разрыва между провозглашенными в законах ценностями и существующими в социальной реальности нормами – основная задача наук об обществе, а преодоление этого разрыва возможно с помощью эстетических инструментов.

По мысли философа, эстетика поглощает этику как учение о добродетели. Надлежащее поведение человека стремится к совершенству, которое прекрасно по определению. Разделение права, политики и этики произошло в истории человечества значительно позднее. Платон при описании оптимального политико-правового устройства и добродетелей гражданина полиса постоянно оперирует категориями гармонии, соразмерности, музыкальности. В свете признака супервентности описанное понимание эстетики сохраняет значение для юридической науки, так как позволяет воспринимать правовые феномены через их сущности (эйдосы). На определенной степени отвлечения супервентность объектов правовой реальности (Б-факты) устанавливается за счет соответствия формы воплощения определенным основаниям (А-факты). При этом супервентность подлежит оценке через призму эстетических категорий, которые одновременно выступают как формообразующие и содержательные предпосылки. Их влияние на правовые феномены создает важный онтологический эффект: через категории эстетического правовой институт воспринимается как элемент объективной реальности, то, что составляет общий предмет интенционального внимания при социальном взаимодействии.

В призме *эстетического холизма* интерсубъективность будет одним из определяющих признаков правовой реальности. Термин «холизм» в данном случае подчеркивает приоритет целого над его частями. Эту реальность могут формировать только интеллигибельные феномены, то есть доступные для общего понимания. П. Шлаг пишет: «...эстетика предлагает нам методологию, с помощью которой мы мыслим право, делаем право и воображаем будущие направления права. Она формируют самую его сущность» (Schlag 2002: 1102). Этот вывод подтверждает теорию Платона об использовании эстетических инструментов для объединения внутреннего содержания и внешнего воплощения феноменов социального взаимодействия.

Эстетический холизм обуславливает важное терминологическое последствие при воплощении сущностных конструкций права. Субъекты в разных ситуациях могут по-разному воспринимать понятие «закон» (как текст, как цель, как санкцию, как угрозу и т.д.), однако использование этого слова в процессе правоотношений создает холистический эффект – фиксацию многомерных связей правовой реальности в конкретной точке за счет объединения различных смыслов. Так реальность воплощения сковывает и дает возможность использования универсалии *ad hoc*.

Подобная объективизация и эйдетизация восприятия доказывает возможность самостоятельного онтологического статуса правовых феноменов. Например, при восприятии вещи в смысле ст. 128 Гражданского кодекса РФ недостаточно идентифицировать совокупность ее различных материальных характеристик. Субъектам права удобнее рассматривать вещь как абстракцию (то есть в определенном смысле как «эйдос» вещи, в котором объединены ее цели и причины). Даже с прагматической точки зрения невозможно сгруппировать все акциденции без привлечения идеальных понятий. Объективность права достигается за счет его абстрактности.

Соразмерность как эстетическая модификация права

Выше постулировался тезис о том, что эстетические модификации выступают факторами формирования правовой реальности. Но в условиях бесконечной вариативности каузальных цепочек этой реальности эстетические категории также выступают ограничивающим ее фактором. Для понимания данного процесса необходимо привлечение второй составляющей идеи блага из «Филеба» – соразмерности.

Для античного мировоззрения характерно представление об окружающем мире как сбалансированном универсуме, подчиненном закономерностям (логос Гераклита, нус Анаксагора) (Warren 2007). Человек является частью универсального космоса, и лучшее, что он может сделать, – соответствовать его размеренному величию. Ценность искусства заключается не просто в красоте подобия, но в закономерном с точки зрения бытия. Соответственно, юридические конструкции должны познаваться не как застывшие формы, но как живые пульсирующие структуры, эстетически обоснованные и создающие логическое пространство для формирования эссенциальных элементов действительности. В подобной перспективе

окружающий мир в его разнообразных проявлениях требует упорядоченности. Термины «мера» и «соразмерность» используются Платоном как противоположность всему хаотическому и небытийственному, то есть эстетические категории опосредуют важную функцию объединения объективного и субъективного, представимого и фактического, реального и идеального. Платон перечисляет следующие модификации, увязывающие идею и образ: мера, число, ритм, гармония, соразмерность. Все они схожи в том отношении, что выступают ценностью сами по себе, но одновременно могут иметь инструментальное значение при формировании сбалансированной системы элементов правовой реальности.

Принцип соразмерности в античной традиции связан с понятием «логос» (λόγος). Первоначально оно означало одновременно «смысл», «слово», «мысль», «число». В более широком контексте стало использоваться при описании устойчивых закономерностей, всеобщих законов развития, отражающих онтологическую сущность мира и определяющих феномены окружающей действительности. Гераклит, с чьим именем связано появление данного термина, использовал его для подчеркивания дистанции между всеобщим законом бытия и алгоритмами человеческого общения. Таким образом, философ постулировал одну из базовых проблем объективного идеализма (которую позднее будет рассматривать Платон в мифе о пещере): люди, постоянно сталкиваясь с космическим логосом, не могут (не хотят) его понять.

Правовые институты неразрывно связаны с внешними факторами окружающего мира. Внутри этого единства «все течет», вещи и субстанции перетекают друг в друга согласно ритму взаимоперехода и законосообразности. Так же как логос остается равным сам себе, право, отражая динамичные общественные отношения, должно сохранять ориентацию на идеальные категории, чтобы обеспечивать стабильность и гармонию разнонаправленных интересов в обществе.

Гераклит настаивал на том, что единство мира не только не исключает столкновение противоположностей, но и с необходимостью его предполагает. Единство мира проявляется в его движении, постоянном становлении и столкновении составляющих его частей. У Гераклита мы находим то, что позднее Гегель назовет законом борьбы и единства противоположностей. Важно учитывать взаимозависимость различных элементов правовой реальности: любой феномен, любая мысль, любой «объект» имеет прямую или опосредованную связь со всем остальным. В контексте правовой суперверности данная когерентность вновь приобретает значение после увлечения юристов идеями редуccionизма, антропологизма, постмодернизма с их атомизацией социальной реальности.

Холистическая методология предполагает в первую очередь разрешение вопроса о самом принципе возможного взаимодействия противоположных элементов правовой реальности и вопроса оценки результатов такого взаимодействия. Ответом на первый вопрос может стать идея соразмерности (логоса), дополненная современными достижениями науки, в том числе концепцией натуралистического дуализма Д. Чалмерса. «Космическая распря» разнонаправленных элементов окружающего мира, по

Гераклиту, обеспечивает их развитие и одновременно взаимное сдерживание. При этом само существование одних явлений возможно только за счет противодействия других элементов реальности. Например, образуют единый континуум переходы дня и ночи друг в друга. В контексте супервентности правовой реальности идеальные предпосылки (А-факты) также «перетекают» в правовые институты (Б-факты), оставаясь единым континуумом. При этом обусловленность Б-фактов А-фактами не означает, что они тождественны, то есть конкретные правовые феномены могут не обладать свойствами эстетических оснований, эстетика не должна быть редуцирована до нормативных схем.

Всякая вещь, по Гераклиту, утверждает и отграничивает себя через борьбу, через сопротивление своим явным противоположностям. Мыслитель подчеркивает, что если подобная распря прекратится, то победитель установит окончательное господство, но система как таковая будет разрушена. Поэтому важной методологической задачей становится поиск меры оптимального «горения конфликта» между противоположностями. Поиск такой пропорции – функциональная задача при закреплении в законодательстве конкурирующих правовых интересов и принципов.

Истина как категория объективного отражения сущности права

Третья составляющая идеи блага в «Филебе» – истина. И если категория прекрасного в этой триаде имеет в большей степени содержательное значение, то истина выступает процессуальным оформлением соответствия представления об объекте его бытийственной сущности.

В современной литературе термин «истина» нередко употребляется для формальной манифестации характеристики правового действия или инициативы. Впрочем, нередко предикативная связка с определением «истинный» скрывает фиктивную сущность правового феномена, за которым стоят корыстные интересы. Поэтому важно не допускать терминологического произвола и корректно использовать рассматриваемое понятие при разрешении проблем верификации соответствия знания факту.

В зависимости от основного отличительного критерия (непротиворечивость, проверяемость, точность, общепризнанность, полезность) в разное время появились когерентная, верификационистская, плюралистическая, прагматическая концепции истины. Платон первым сформулировал классический вариант корреспондентной теории истины¹ в диалогах «Кратил» (Платон 1990: 613-614) и «Софист» (Платон 1993: 297). Практически идентичную формулировку позднее использовал Аристотель в «Метафизике»: «...говорить о сущем, что его нет, или о не-сущем, что оно есть, – значит говорить ложное; а говорить, что сущее есть и не-сущее не есть, – значит говорить истинное» (Аристотель 1976: 141). В дальнейшем содержание теории уточнялось мыслителями, но формулировка сути сохраняется: знание следует признать истинным, если оно отражает объективную реальность.

¹ Название (от лат. *correspondentia* – соответствие) появилось позднее.

В мифе о пещере, который приводится Платоном в седьмой книге диалога «Государство», феноменальный мир без рациональной проверки предстает не более чем набором теней на стене. Соответственно, задача философа – освобождение от оков гносеологического заблуждения и осознание сущности объектов. По сути, миф о пещере в доступной форме обосновывает переход от эмпиризма к рационализму. Знание/эпистема (ἐπιστήμη) подразделяется Платоном на рассудочное/дианою (διάνοια) и интуитивное/ноэзис (νόησις). Последнее дает доступ к истине, так как связано с априорным созерцанием эйдосов, не отягощено балластом чужих мнений и искажениями чувственного восприятия. При этом не отрицается реальность чувственного опыта человека; просто классическая интерпретация корреспондентной теории истины исходит из рационального подхода, так как основные объекты человеческого познания – универсалии, а подобное можно познать только подобным.

Рациональное созерцание объектов мира идей освещается, по Платону, как солнцем идеей блага – основой всего прекрасного, гармоничного и бытийственного (Платон 1994а: 298). В ней заключается не просто истинное бытие, но тот источник света, который способствует уяснению сущности объективной реальности. Поэтому слово ἀλήθεια обычно переводят как «несокрытое». Следует уточнить, что эта несокрытость связана именно с сущностью объекта, а не внешним проявлением его признаков. Ведь то, что бытийственно, не может быть сокрыто от правильной рациональной идентификации, то есть истина здесь понимается не как установление определенного факта в духе позитивизма, но как некое откровение.

Сущностным свойством истины будет ее «открытость» для объективного и строго онтологического понимания. Такой подход подтверждается лингвистическим анализом употребления слова ἀλήθεια. Для классического периода Древней Греции более корректным переводом является не «истина», а «реальность» (Palmer 2009: 89). Позднее М. Хайдеггер в работе «Учение Платона об истине» также указывал на онтологическую природу термина. По Хайдеггеру, несокрытое – это доступное для рационального познания откровенное бытие, которое следует отличать от «очевидного» бытия, доступного чувственному восприятию (Heidegger 1947).

Подобные концепции истины, перемещенные в область онтологии права, неизбежно порождают вопросы. Насколько можно доверять чувственному восприятию правовых феноменов? Зависит ли в принципе истинность юридических фактов от восприятия? А если исходить из первоначального значения слова ἀλήθεια, для гносеологии права ключевым будет вопрос о том, каким образом объекты правовой реальности открываются для познания человека. Для ответа на него с точки зрения объективного идеализма необходимо привлечение теории эйдосов.

Эйдосы обладают самостоятельным онтологическим статусом, так как отражают объективный масштаб, а не субъективное мнение. Соответственно, истинность элементов правовой реальности определяет не субъективное восприятие, а возможность их присутствия (ср.: *Dasein* Хайдеггера) в интерсубъективном пространстве человеческого общения.

Заключение

Вопрос о сущностных предпосылках права остается для науки дискуссионным. В последнее время принято указывать на значимость экономических предпосылок. Сторонники экономического анализа отстаивают тезис о том, что основной целью права является его эффективность, которую всегда можно выразить в экономическом эффекте, причем как на эксплицитных, так и имплицитных рынках. Представитель этой теории Р. Познер является одним из самых цитируемых юристов в мире (Shapiro 2000). Параллельно в рамках постнеклассических концепций провозглашена актуальность постмодернистских принципов разнообразия мнений, отказа от поиска единственной истины, дисперсии, иронии и т.п. Это порождает риски субъективизации права, трансформации его в явление, лишенное фундаментальных оснований. Препградой для подобных траекторий юридических исследований служит внимательное изучение аксиологических концепций, доказавших свою бытийственность на протяжении длительного времени, в том числе перечисленные Платоном в «Филебе» ценности красоты, соразмерности, истины.

Платон резюмирует миф о пещере описанием главной цели человеческого познания: «...идея блага – это предел, и она с трудом различима, но стоит только ее там различить, как отсюда напрашивается вывод, что именно она – причина всего правильного и прекрасного» (Платон 1994а: 298). Далее философ уточняет, что от нее зависят всякое теоретическое знание и сознательная деятельность в общественной жизни. Такая позиция предполагает холистическую и индуктивную направленность. В современном обществе происходит обратный процесс, связанный с последовательной атомизацией знания и человека. Если для античного миропонимания свойственно стремление к объединению различных элементов при осознании окружающей реальности, то современный человек привык рассматривать объекты автономно (Лихтер 2020).

Подводя итог исследованию, сделаем ряд выводов.

1. Категория супервентности как свойство детерминированности сложных систем обладает методологическим потенциалом при установлении фундирующих предпосылок права и самостоятельности их онтологического статуса. Проведенное исследование постулирует тезис о супервентности правовых феноменов на идеальных категориях, к которым следует отнести эстетику, соразмерность, истинность.

2. Признание значения эстетических категорий для формирования права опровергает редукционизм, рассматривающий в качестве реальных только объекты материального мира. Такой подход создает важный онтологический эффект: происходит фиксация многомерных связей объекта правовой реальности *ad hoc* за счет объединения различных его смыслов, что открывает возможность единого понимания универсалий.

3. Рассмотрение влияния идеальных категорий на формирование правовых феноменов позволяет выделить несколько модификаций эстетики – структурную, динамическую, рецептивную. Последняя предполагает ана-

лиз правовой реальности путем перемещения фокуса внимания на опыт восприятия правовых институтов в процессе социальных отношений.

4. Для юридической науки сохраняет актуальность классическая интерпретация корреспондентной теории истины, доказывающая приоритет рационализма над чувственным опытом, поскольку основные объекты человеческого познания – универсалии – недоступны для чувственного восприятия (подобное познается подобным).

5. Категории прекрасного, соразмерного, истинного как предпосылки формирования правовой реальности позволяют постулировать самостоятельный онтологический статус ее объектов, которые могут не являться субъекту в смысле *existere*, но реальны в смысле *est* как интеллигибельные элементы объективного мысленного бытия участников правоотношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аристотель. 1976. Метафизика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. Москва : Мысль. Т. 1. С. 63-367.
- Коваль В.Н., Лозо В.И., Зенин С.С. 2023. Смена парадигмы экологического права в условиях новой реальности // *Lex russica*. Т. 76, № 3. С. 110-123. DOI 10.17803/1729-5920.2023.196.3.110-123
- Лихтер П.Л. 2020. О модели конституции соразмерного развития // *Lex russica*. Т. 73, № 5. С. 18-28. DOI 10.17803/1729-5920.2020.162.5.018-028
- Лосев А.Ф. 1997. Хаос и структура. Москва : Мысль. 831 с.
- Лосев А.Ф. 2000. История античной эстетики : в 8 т. Т. 1. Москва : АСТ. 624 с.
- Нерсесянц В.С. 2020. Философия права. Москва : Норма : Инфра-М. 848 с.
- Платон. 1990. Кратил // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. Москва : Мысль. Т. 1. С. 613-681.
- Платон. 1993. Софист // Собрание сочинений : в 4 т. Москва : Мысль. Т. 2. С. 275-345.
- Платон. 1994а. Государство // Собрание сочинений : в 4 т. Москва : Мысль. Т. 3. С. 79-420.
- Платон. 1994б. Филеб // Собрание сочинений : в 4 т. Москва : Мысль. Т. 3. С. 7-78.
- Сергеева С.Л. 2010. Проявление эстетики в праве, ее культурная и социальная ценность // Актуальные проблемы российского права. № 3. С. 21-26.
- Чалмерс Д. 2013. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории. Москва : Либроком. 512 с.
- Heidegger M. 1947. Platons Lehre von der Wahrheit. Brief über den Humanismus. Bern : A. Francke. 119 s.
- Kim J. 1993. Supervenience as a Philosophical Concept // Kim J. Supervenience and Mind: Selected Philosophical Essays. Cambridge : Cambridge University Press. P. 131-160.
- Palmer J. 2009. Parmenides and Presocratic Philosophy. Oxford : Oxford University Press. 428 p.
- Schlag P. 2002. The Aesthetics of American Law // *Harvard Law Review*. Vol. 115, iss. 4. P. 1047-1118. DOI 10.2307/1342629
- Shapiro F.R. 2000. The Most-Cited Legal Scholars // *The Journal of Legal Studies*. 2000. Vol. 29, iss. 1. P. 409-426. DOI 10.1086/468080
- Stengers I. 2011. Thinking with Whitehead: A Free and Wild Creation of Concepts. Cambridge : Harvard University Press. 552 p.
- Warren J. 2007. Presocratics. New York : Routledge. 240 p.

References

- Aristotle. *Metaphysics*, Aristotle. *Collected Works in 4 volumes*, Moscow, Mysl', 1976, vol. 1, pp. 63-367. (In Russ.).
- Chalmers D. *The Conscious Mind. In Search of a Fundamental Theory*, Moscow, Librocom, 2013, 512 p. (In Russ.).
- Heidegger M. *Platons Lehre von der Wahrheit. Brief über den Humanismus* [Plato's Doctrine of Truth. Letter on Humanism], Bern, A. Francke, 1947, 119 p. (In German).
- Kim J. Supervenience as a Philosophical Concept, *Kim J. Supervenience and Mind: Selected Philosophical Essays*, Cambridge, Cambridge University Press, 1993, pp. 131-160.
- Koval V.N., Lozo V.I., Zenin S.S. Changing the Paradigm of Environmental Law in a New Reality, *Lex Russica*, 2023, vol. 76, no. 3, pp. 110-123. (In Russ.). DOI 10.17803/1729-5920.2023.196.3.110-123
- Likhter P.L. The Model of the Constitution of Proportionate Development, *Lex Russica*, 2020, vol. 73, no. 5, pp. 18-28. (In Russ.). DOI 10.17803/1729-5920.2020.162.5.018-028
- Losev A.F. *Chaos and Structure*, Moscow, Mysl', 1997, 831 p. (In Russ.).
- Losev A.F. *The History of Ancient Aesthetics in 8 volumes*, vol. 1, Moscow, ACT, 2000, 624 p. (In Russ.).
- Nersesyants V.S. *Philosophy of Law*, Moscow, Norma & Infra-M, 2020, 848 p. (In Russ.).
- Palmer J. *Parmenides and Presocratic Philosophy*, Oxford, Oxford University Press, 2009, 428 p.
- Plato. Cratylus, *Plato. Collected Works in 4 volumes*, Moscow, Mysl', 1990, vol. 1, pp. 613-681. (In Russ.).
- Plato. Philebus, *Plato. Collected Works in 4 volumes*, Moscow, Mysl', 1994, vol. 3, pp. 7-78. (In Russ.).
- Plato. The Republic, *Plato. Collected Works in 4 volumes*, Moscow, Mysl', 1994, vol. 3, pp. 79-420. (In Russ.).
- Plato. The Sophist, *Plato. Collected Works in 4 volumes*, Moscow, Mysl', 1993, vol. 2, pp. 275-345. (In Russ.).
- Schlag P. *The Aesthetics of American Law*, Harvard Law Review, 2002, vol. 115, no. 4, pp. 1047-1118. DOI 10.2307/1342629
- Sergeeva S.L. Manifestation of Aesthetics in Law, Its Cultural and Social Significance, *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2010, no. 3, pp. 21-26. (In Russ.).
- Shapiro F.R. The Most-Cited Legal Scholars, *The Journal of Legal Studies*, 2000, vol. 29, no. 1, pp. 409-426. DOI 10.1086/468080
- Stengers I. *Thinking with Whitehead: A Free and Wild Creation of Concepts*, Cambridge, Harvard University Press, 2011, 552 p.
- Warren J. *Presocratics*, New York, Routledge, 2007, 240 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Павел Леонидович Лихтер

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры частного и публичного права Юридического института Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия; ORCID: 0000-0001-8950-4325; ResearcherID: B-6082-2018; Scopus AuthorID: 57250157300; SPIN-код: 3124-1207; E-mail: lixter@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pavel L. Likhter

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Private and Public Law, Institute of Law, Penza State University, Penza, Russia; ORCID: 0000-0001-8950-4325; ResearcherID: B-6082-2018; Scopus AuthorID: 57250157300; SPIN-code: 3124-1207; E-mail: lixter@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Фишман Л.Г. Эпоха потрясений как шанс на объединяющую российскую идентичность // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 39-52. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_1_39

УДК 32.019.5:327

DOI 10.17506/26867206_2024_24_1_39

Эпоха потрясений как шанс на объединяющую российскую идентичность

Леонид Гершевич Фишман

Институт философии и права Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: lfishman@yandex.ru

*Поступила в редакцию 10.01.2024, поступила после рецензирования 28.02.2024,
принята к публикации 29.02.2024*

Статья посвящена роли катастроф, травм и жертв в становлении национальной идентичности. Их значимость в европейской и отечественной культуре невозможно преувеличить: рождение нации, как и рождение индивида, – это почти всегда травма. Другими словами, катастрофа, сопровождающаяся принесением жертв, мученичеством, страданиями, играет важнейшую роль в формировании новых общностей или трансформации уже существующих. Однако роль жертвы как претерпевающего, обиженного, угнетенного субъекта всегда была уравновешена ролью субъекта борющегося, сбрасывающего оковы, героического, приносящего жертву во имя будущего торжества. По мнению автора статьи, в эпоху европейского постнационализма роль

© Фишман Л.Г., 2024

жертв по-прежнему исключительна, хотя акцент зачастую делается не на героический, а претерпевающий аспект жертвенности. Ситуация катастрофы, дающая шанс на пересмотр и обновление национальной идентичности (или ее аналога), нередко связана с войной. Национальная общность получает возможность скорректировать имеющуюся идентичность на более актуальную, отвечающую современному состоянию дел. В этом обновлении ключевое значение имеет придание ясного смысла приносимым жертвам, страданиям и подвигам, поскольку сами по себе они не влекут автоматически ни поддержки существующей идентичности, ни формирования новой. В статье на примере Германии и России как стран, переживших или переживающих повторную катастрофу, показано, какие проблемы и двусмысленные ситуации возникают на этом пути. В России крушение СССР не вполне осознано как катастрофа, требующая коррекции идентичности. Российская политика памяти до сих пор стремится замаскировать разломы в отечественной истории XX–XXI вв., утверждая «преемственность» между ее периодами. Однако, как полагает автор статьи, текущая историческая ситуация дает нашей стране повторный шанс на формирование более «правильной», то есть исходящей из реалий сегодняшнего дня, национальной идентичности.

Ключевые слова: национальная идентичность, катастрофа, жертва, Россия, Германия

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00427, <https://rscf.ru/project/23-18-00427/>

Era of Upheaval as a Chance for Unifying Russian Identity

Leonid G. Fishman

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russia

E-mail: lfishman@yandex.ru

Received 10.01.2024, revised 28.02.2024, accepted 29.02.2024

Abstract. The article focuses on the role of catastrophes, trauma and victims in the formation of national identity. Their importance in European and Russian culture cannot be exaggerated: the birth of a nation, like the birth of an individual, is almost always a trauma. In other words, a catastrophe accompanied by sacrifice, martyrdom, and suffering plays a huge role in the formation of new communities or the transformation of existing ones. However, the role of a victim as a subject suffering, offended, and oppressed has always been balanced by the role of a subject struggling, casting off fetters, and making heroic sacrifices for the sake of future triumph. According to the author, in the era of European post-nationalism, the role of victims is still exceptional, although the emphasis is often placed on the undergoing rather than the heroic aspect of sacrifice. The situation of catastrophe, which offers a chance to revise and renew national identity (or its counterpart), is often associated with war. The national community gains the opportunity to adjust the existing identity to a more contemporary one. Giving clear meaning to the sacrifices, sufferings, and exploits is a key to the renewal of identity, since they do not automatically entail either the support of an existing identity or the formation of a new one. The cases of Germany and Russia as countries that have experienced or are experiencing recurring

catastrophes show what problems and ambiguities arise along the way. In Russia, the collapse of the USSR has not yet been fully understood as a catastrophe requiring an identity adjustment. Russian memory politics has so far sought to mask the fractures in domestic history of the 20th and 21st centuries by asserting “continuity” between its periods. The author believes that the current historical situation offers our country a second chance to form a more “appropriate” national identity based on the realities of today.

Keywords: national identity, catastrophe, victim, Russia, Germany

Acknowledgements: The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation grant No. 23-18-00427, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00427/>

For citation: Fishman L.G. Era of Upheaval as a Chance for Unifying Russian Identity, *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 39-52. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_1_39

Катастрофы, жертвы и национальная идентичность

Начиная с возрастных и религиозных инициаций в глубокой древности, основания пророческих религий, городов-государств, идеологий и заканчивая возникновением наций и национальных государств, катастрофы, сопровождающиеся принесением жертв, мученичеством, страданиями, играют огромную роль в формировании новых общностей или трансформации уже существующих. Сообщества, отстаивающие свою идентичность (или впервые приобретающие ее), акцентируют внимание на испытанных ими страданиях и принесенных жертвах. Роль жертв и жертвоприношений в европейской и отечественной культуре невозможно преувеличить. Даже если мы не рассуждаем цинично вслед за Т. Иглтоном, что большинство цивилизованных режимов являются плодом резни, лишения собственности, оккупации, узурпации или истребления и основателям наций нет смысла рассказывать о первородном грехе (Eagleton 2018), то все равно фундамент цивилизации для нас «держится благодаря крови – этому самому вязущему, самому цементирующему веществу – закладной жертвы Христа»¹.

Не в последнюю очередь это касается ситуаций, связанных с обретением национальной идентичности в Новейшее время. Первым признаком, который приходит в голову Э. Ренану, когда он пытается в своей знаменитой речи определить принадлежность к нации, является пролитие за нее крови. Мало общей славы, нужны общие сожаления и страдания, общие жертвы, ибо «общие страдания соединяют больше, чем общие радости. В деле национальных воспоминаний траур имеет большее значение, чем триумф: траур накладывает обязанности, траур вызывает общие усилия. ...Нация – это великая солидарность, устанавливаемая чувством жертв, которые уже сделаны и которые расположены сделать в будущем»². И даже когда Ренан

¹ Савчук В.В. Жертва // Anthropology. Web-кафедра философской антропологии. 07.01.2006. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/savchuk-vv/zhertva> (дата обращения: 09.01.2024).

² Ренан Э. Что такое нация? Доклад, прочитанный в Сорбонне 11 марта 1882 г. // Lib.ru: «Классика». 26.10.2014. URL: http://az.lib.ru/r/renan_z_e/text_1882_chno_takoe_natzia.shtml (дата обращения: 09.01.2024).

говорит, что сущность нации заключается в том, чтобы ее члены «многое позабыли», это значит, что они должны забыть те жертвы, которые для со-зидания нации были либо излишни, либо вредны: «...всякий гражданин Франции должен забыть Варфоломеевскую ночь, убийства на Юге в XIII веке»³. Но забыть эти жертвы следует так, чтобы одновременно помнить их как предостерегающий пример «неправильных» жертв, которые неизбежны *в отсутствие нации*.

Как бы то ни было, рождение нации, как и рождение индивида, – почти всегда травма. Иногда эта травма просто катастрофическая, как Холокост. Показательно, что право на обретение национальной государственности за евреями было признано именно после такой катастрофы. Но то же самое, пусть и в менее выраженной степени, относится к любой нации, обретшей идентичность в ходе гражданской, освободительной или иной войны. Об этом свидетельствуют хотя бы события отечественной истории, начиная со Смутного времени, продолжая трагическим двадцатым веком и заканчивая сегодняшним днем.

Временами нации оказываются в ситуации восстановления и даже исправления собственной идентичности. В восстановлении прежней идентичности, которая была утрачена в связи с причинами внешнего или внутреннего характера (например, завоевание, революция или преступление, индивидуальное или коллективное, ставшее причиной грехопадения), большую роль играет мученичество как искупительная жертва. В данном случае восстановление утраченной, правильной и желанной идентичности означает разрыв с (нередко навязанной извне) идентичностью неправильной и даже греховной. Надо заметить, что в ряде случаев обретение новой идентичности переплетается на уровне дискурса с восстановлением уже изрядно мифологизированной старой. Так происходит, к примеру, во время великих буржуазных революций, когда рождение нации осмысливается как возвращение ею утраченных прав ввиду нарушения королями общественного договора. С тем же самым на протяжении XX–XXI вв. мы имеем дело, когда речь заходит о распаде империй и формировании национальных государств. В случае политико-территориальных и культурных общностей, чья история насчитывает не одно столетие, можно утверждать, что, до известной степени, один народ сменяется другим, причем без явственной смены этнического состава. В наибольшей степени это применимо к ситуации крутых переломов, которые, возможно, не меняют принципиально особенностей национального или социального характера в понимании В. Шубарта (Шубарт 2000), но способствуют выдвиганию вперед отдельных его черт. В этой связи можно вспомнить о различном облике, например, русской, немецкой, японской, китайской и прочих наций, отразившемся на протяжении последних трех столетий в популярных стереотипах об особенностях их национального характера. И практически во всех случаях такие перемены были связаны с катастрофами, страданиями, мученичеством, жертвами.

³ Там же.

Так или иначе, в общественном сознании, по крайней мере народов европейской цивилизации и культуры, право на обретение и смену национальной идентичности (в том числе искупительную смену) тесно связано с катастрофой, «триумфом и травмой» и даже с преступлением (Giesen 2004). Разумеется, это касается не только смены национальной идентичности: жертва служит оправданием смены всякой идентичности, равно как и другие радикальные перемены в жизни. Многие общности, которые хотят добиться преимущества, в наше время подчеркнута позиционируют себя в качестве жертвы, на основании чего утверждают свою идентичность, а также право на привилегии и ренты (Gergen 1999), поскольку если бы у людей не было выгоды от статуса жертвы, то и стремление обрести идентичность жертвы не получало бы широкого распространения (Jacoby 2015). Наиболее бросающиеся в глаза примеры – сексуальные меньшинства и расовые группы в США и европейских странах; на национально-государственном уровне – страны бывшего соцлагеря, СНГ, прежние колонии, национальные меньшинства, претендующие на обретение государственного суверенитета, и т.д.

При этом следует заметить, что в прошлом фактор катастрофического при обретении национальной идентичности не исчерпывался статусом жертвы в современном политически ангажированном понимании. Роль жертвы как претерпевающего, обиженного, угнетенного субъекта всегда была уравновешена ролью субъекта борющегося, сбрасывающего оковы, героического, приносящего жертву во имя будущего торжества. Иначе приобретенная таким образом национальная, да и любая другая, идентичность выглядела ущербной⁴. Поэтому следует различать современный дискурс виктимизации и традиционный (до сих пор актуальный) культ жертв и героев. Дискурс виктимизации – это, по сути, требование компенсации за страдания неких субъектов, чья субъектность в относительно недавнем прошлом не была вписана в модерновые нарративы нации, гражданского общества и т.д. Это дискурс от имени всегда пассивных жертв, жертв не добровольных, не за что-то и т.д. Если его следствием может быть новая идентичность, то она всегда частная, не объединяющая, подобно национальной или классовой, не подразумевает, что нечто надо забыть ради этого.

Во второй половине прошлого века, когда героическая жертвенность нередко оказывалась тесно связанной с дискредитировавшими себя ценностями, режимами, идеологиями, ее значимость была поставлена под сомнение. Вследствие этого стало не просто возможным, но едва ли не единственно легитимным представить формирование новых идентичностей исключительно как результат перенесенных несправедливостей

⁴ Так, например, ветеран движения афроамериканцев за гражданские права Ш. Стил отмечал, что герои эпохи борьбы за гражданские права позиционировали себя не как жертвы, а как воины. См.: Shelby Steele on Race and the Exhilaration and Terror of Freedom // The Federalist. 27.05.2014. URL: <http://thefederalist.com/2014/05/27/shelby-steele-on-race-and-the-exhilaration-and-terror-of-freedom/> (дата обращения: 09.01.2024).

и страданий, за которые теперь требуется компенсация, то есть как следствие получения статуса жертвы. По словам Э. Яна, «если в старые времена в чести были победы, героизм и храбрость, то в последние десятилетия роль жертвы все более считается доказательством моральной силы и превосходства. С ее помощью легче выдвигать свои морально-политические притязания против других народов, иногда объяснять наличием у представителей одного народа общего национального сознания их участие в установлении преступного режима или сотрудничество с ним» (Ян 2014: 60).

Исключительное значение получения статуса жертвы для обретения новой или переизобретения старой идентичности можно увидеть на примере послевоенной Германии, которая к маю 1945 г. второй раз за 30 лет потерпела сокрушительную катастрофу. Феномен Германии до некоторой степени уникален и заключается в следующем. До относительно недавних пор немецкому обществу навязывалось представление о нем как о получившем передаваемое из поколения в поколение несмыслаемое клеймо. В глазах других такое стигматизированное общество «представало лишенным или утратившим статус “нормальности”» (Сыров и др. 2019: 69). Однако подобная ситуация воспринималась как нетерпимая, и из нее был найден выход таким образом, чтобы исходное положение стигматизированной нации формально не подвергалось сомнению. Современное поколение немцев принимает на себя ответственность за *грехи прошлых поколений*, чтобы в настоящем не просто получить искупление, но даже некоторую долю праведности в сравнении с более греховными народами наподобие российского. В сущности, это разновидность стратегии позиционирования себя не только преступником, но и жертвой, которая остается в силе с 1945 г.

Н. Старгардт отмечает, что «к моменту образования трех государств – наследников Третьего рейха в 1949 г. во всех них чувство принесенной немцами жертвы затмевало собой любое чувство разделенной ответственности за мучения жертв Германии» (Старгардт 2021: 571). Роль жертвы служила «удобной моральной позицией, ибо она защищает от ответственности за прошлые или недавние преступления» (Ассман 2016: 159). Поскольку не получилось прямым путем и сразу избежать стигматизации, нашелся окольный путь самовиктимизации⁵. По словам Б. Гизена, дело подавалось так, будто Гитлер, харизматичный герой нацистской Германии, превратил своих последователей в жертв, которые, очнувшись ото сна, должны были признать, что его крестовый поход не оставил после себя ничего, кроме пепла и руин. Демонизация нацистского правления вывела нацию из сферы моральной ответственности и вины, а ссылка на опьянение, оболыщение и слепоту позволяла немцам даже считать немецкую нацию истинной жертвой нацизма (Giesen 2004: 123-124).

⁵ Заметим, что путь самовиктимизации не является уникально германским. Аналогичным образом японский пацифистский нарратив и поддерживающее его осмысление военного опыта вскоре после войны стали исходить из образа себя как жертвы, пренебрегая сознанием себя как палача (Orr 2001: 3).

Новое послевоенное поколение, которое не хотело быть частью нации с клеймом преступников, перешло на другую сторону и отождествило себя с жертвами, вплоть до названия своих детей еврейскими именами (Giesen 2004: 130). Так прокладывался путь от коллективной вины за коллективный грех через коллективную ответственность и жертву к коллективному искуплению и даже праведности. В конце концов, как считает Б. Гизен, такого рода виктимизация приводит к формированию специфической «суверенной субъективности», которая «в самых сокровенных мечтах» ассоциируется с «героем-победителем» (Giesen 2004: 56-57). Ритуалы коллективного покаяния ведут не просто к восстановлению разорванной национальной идентичности. От «героя-победителя» сокровенных мечтаний недалеко и до праведника, учитывая, что на нынешних поколениях немцев вины за прошлое фактически нет, а наказание все еще есть, то есть страдают они зря. Но именно такое несправедливое страдание, страдание за других, и вознаграждается святостью. Жертвам приятно не само по себе угнетение, которому они (или те, с кем они себя отождествляют) когда-то подверглись: они получают удовлетворение именно от своей «победоносной добродетели»⁶. Поэтому, как точно заметил Ф.А. Лукьянов, «в последние десять-пятнадцать лет в Германии происходит выворачивание комплекса вины – раз мы были очень виноваты, но осознали и раскаялись, теперь мы имеем моральное право учить других, что они тоже должны так сделать»⁷. *Но даже в таких случаях именно дискурс, посвященный осмыслению принесенных жертв, служит неустрашимым основанием рефлексии по поводу национальной идентичности.*

Национальная идентичность и повторная катастрофа

Возвращаясь к вопросу о катастрофах и национальной идентичности, мы можем предположить, что между ними существует и обратная связь: если происходит катастрофа и граждане государства массово гибнут, в первую очередь на войне, то в ряде случаев этому придается смысл, который может повлечь укрепление, пересмотр или изменение национальной идентичности. Гибель людей должна иметь смысл, превращающий смерть в священные и героические жертвы. Бессмысленная гибель перестает быть жертвой в сакральном смысле слова. Смерть и муки, которые ничего не утверждают и не подкрепляют, остаются голым страданием, имеющим лишь индивидуальное значение. Пример Германии показывает, что даже в самой катастрофической ситуации жертвы приобретают высокий смысл если не сразу, то спустя некоторое время. Проигранная война (как в случае Германии) или распад государства (как в случае СССР) служат триггером обесмысливания жертв.

⁶ Bartlett J. The Dangerous Allure of Victim Politics // Little Atoms. URL: <http://littleatoms.com/society/dangerous-allure-victim-politics> (дата обращения: 09.01.2024).

⁷ Не милитаризм, но уже и не пацифизм. Итоги Лектория СВОП // Россия в глобальной политике. 12.04.2023. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ne-militarizm-ne-pacifizm/> (дата обращения: 09.01.2024).

Здесь мы должны сделать необходимое отступление, чтобы избежать вопросов, вызванных сравнением СССР с Германией. Прежде всего, данное сравнение не имеет ничего общего с порочной установкой на отождествление СССР и нацистской Германии в силу якобы общей для них «тоталитарной» природы. Общее тут заключается в постигшей, по разным причинам и в разных обстоятельствах, эти государства катастрофе, сопровождавшейся жертвами сопоставимого порядка⁸. Под катастрофой в данном случае подразумевается ситуация крушения политического режима и его идеологической надстройки, а также связанной с ними самоидентификации и самооценки, устоявшихся представлений о своей роли в мировой истории. К этому добавляются еще более значимые последствия, связанные с радикальным изменением мирового порядка, которые в случае крушения Германии и ее союзников оформили на долгий период послевоенное биполярное устройство мира, а в случае крушения СССР закрепили распад этого устройства, идеологическое и цивилизационное господство Запада и глобального капитализма. В настоящее время это господство ставится под сомнение, глобальный порядок претерпевает трансформацию, последствия которой в полной мере трудно предвидеть. Данный процесс является катастрофичным и для России, поскольку вновь влечет за собой радикальную трансформацию внутренней и внешней политики, значимые изменения в идеологической области, смену глобального порядка и человеческие жертвы. Все это создает предпосылки для существенной трансформации российской национальной идентичности.

Принципиально здесь то, что сами по себе жертвы не влекут за собой ни поддержки существующей идентичности, ни формирования новой. Если в какой-то исторический момент разворачивается катастрофа, то сопровождающая ее массовая гибель людей может стать причиной для очередного пересмотра моральных, идеологических, культурных обоснований того, ради чего это происходит. Но никакой гарантии нет. Иными словами, даже если жертвы приносятся самым очевидным образом, они далеко не всегда становятся жертвами за Родину, для этого их надо соответствующим образом осмысливать.

Сегодня Россия переживает катастрофический опыт, который *может быть трансформирован* в формирование новой национальной или функционально схожей с ней идентичности. Нашей стране *понадобилась повторная катастрофа* для получения шанса обретения «правильной», то есть соответствующей реалиям сегодняшнего дня, а не питающейся преимущественно мифами прошлого, национальной идентичности. Пер-

⁸ Стоит напомнить, что признание распада СССР именно катастрофой, повлекшей за собой многочисленные жертвы в результате военных конфликтов, крушения социальной сферы, «криминальной революции», спада рождаемости, роста смертности и иных негативных последствий, является официальной позицией. См.: Путин объяснил, почему считает распад СССР крупнейшей катастрофой XX века // РИА Новости. 13.06.2017. URL: <https://ria.ru/20170613/1496353896.html?ysclid=lrvt3y91uk579179971> (дата обращения: 27.02.2024).

вая катастрофа – распад СССР – не была использована должным образом. Не в последнюю очередь это произошло потому, что, когда Россия оказалась перед необходимостью конструирования новой идентичности, исходящей из реального положения нашей страны в мире, было решено слегка модернизировать старые советские учебники, пойдя путем «наименьшего сопротивления» (Сыров и др. 2019: 166). Одним из следствий стало то, что распространенные у нас исторические дискурсы, вопреки первому впечатлению, скорее, умаляют жертвы. Это проявляется, например, в скептицизме относительно количества жертв Большого террора. Принесенные жертвы рассматриваются как средство поддержания текущей идентичности.

Несмотря на то что распад СССР на самом высоком уровне был признан величайшей катастрофой XX столетия, в действительности в России он не был в полной мере осознан в качестве таковой, что могло бы положить начало формированию обновленной национальной идентичности. Вместо этого российская официальная риторика с самого начала стремилась замаскировать разломы в отечественной истории XX–XXI вв., утверждая «преемственность» между ее периодами. Это было бы оправдано, если бы к 1991 г. мы подошли в качестве уже сложившейся нации, от монолита идентичности которой катастрофы могут в худшем случае отколоть какие-то куски. Но к тому времени у нас был распадающийся «советский народ». По его ухудшенному образцу до сих пор пытаются сделать «многонациональный российский народ», представляя дело так, что принципиальной разницы между ними нет.

Действительно, Россия – страна почти с тем же гимном и почти с теми же «традиционными ценностями», а все жертвы, которые требуется принести на алтарь российской идентичности, были уже принесены нашими предками в их борьбе с нацизмом. Сегодня жертвы приносятся, скорее, ради того, чтобы законсервировать прежнее состояние. Возможно, для коррекции существующей идентичности, для достижения большей ее цельности, нам, как заявлял Ренан, следовало бы что-то «забыть» – что-то такое, что мы согласились бы считать для своей национальной идентичности вредным. В конце концов «политика забвения является частным случаем государственной исторической политики, призванной сформировать у граждан “правильную” историческую память как основу их обновленной коллективной идентичности» (Русакова 2022: 81). Ближайшим кандидатом на применение «политики забвения» могли бы стать известные травмирующие события советского периода, в первую очередь революции, гражданской войны, Большого террора и т.д. Отчасти это и пытались сделать в 1990-е и 2000-е гг. по отношению к празднику Великой Октябрьской социалистической революции, советской символике знамени Победы и т.д.

Однако эти попытки не достигли успеха. Мы не хотим ни от чего отказываться и ничего забывать, возможно, потому что «национал-большевистскому» эквиваленту нашего «национального нарратива» альтернативы до сих пор не сложилось (Гутнер 2017: 107), да и тревожить его опасно для общественного спокойствия. Словом, российская официальная

политика памяти не вытекает из действительного признания случившейся в 1991 г. катастрофы и вытекающего из нее разрыва с прошлым. Можно сказать, *она основана на принципиальном игнорировании этой катастрофы именно как поражения, результатом осмысления которого мог бы стать существенно иной образ российской идентичности*. И теперь, когда мы в очередной раз переживаем катастрофу, причем глобального масштаба, ее потенциал не используется для формирования российской национальной идентичности, *соответствующей современным реалиям*.

В российской политике памяти до событий 2022 г. доминировало чувство безопасности граждан ядерной державы, которая «не может проиграть». Тут не было ни значимого места для понимания необходимости и неизбежности жертв, ни в конечном счете проработки смысла жертв для сегодняшнего, а не вчерашнего и позавчерашнего дня. Российская Федерация совсем не планировала вести войн за свое существование, которые бы поставили ребром вопрос о смысле жертв для большинства ее граждан. Наша страна в своих основаниях является государством, в котором высшей ценностью объявляется жизнь и благосостояние граждан. Но еще со времен Т. Гоббса вопрос о правомерности требований государством жертв от своих подданных на войне не имеет вразумительного рационального обоснования: нельзя требовать жертвовать жизнью и благосостоянием для их же защиты. Однако в дискурсе исторической памяти как череды побед все необходимые жертвы уже принесены предками. Более того, просматривается уверенность, что и все предстоящие жертвы будут как бы автоматически работать на уже существующую российскую идентичность, пусть даже идентичность «многонационального российского народа» и выглядит весьма нечеткой.

Присутствует некая самоуспокоенность, как бы гарантированная принесенными жертвами во время Великой Отечественной войны. Это ложное чувство вытекает, по-видимому, из возвышающего в собственных глазах отождествления себя с предками, миссии их поколения (борьба с фашизмом и нацизмом) с миссией нашего (борьба с украинским фашизмом) и, наконец, из отождествления их вчерашнего морального превосходства с нашей сегодняшней моральной позицией. Как замечал Б. Гизен, «перенятие архаического наследия жертв может привести к навязчивому воображению травмы предков, которое преобразуется в чувство первозданной чистоты и даже морального превосходства со стороны потомков» (Giesen 2004: 57). Рассуждения о моральном превосходстве русских перед давно прогнившим Западом имеют давнюю традицию. Отсюда ведут свое начало феномены массовой культуры и официальной пропаганды наподобие «можем повторить», попытки представить цели проводимой специальной военной операции (СВО) практически идентичными целям легендарной войны с нацизмом. Правда, современный дискурс победы уже не провозглашает допустимость любых жертв («за ценой не постоим»). Напротив, он не слишком стремится акцентировать внимание на жертвах, по крайней мере военных. Другим проявлением этого дискурса самоуспокоенности является многократно повторяемый тезис, что Россия

еще не начинала воевать всерьез⁹, что ядерная держава не может проиграть. Но такой дискурс оправдан лишь в случае, когда история нации как история непрерывных побед не сталкивается с опытом катастрофических неудач и поражений, который она еще должна уметь переработать на пользу укрепления своей идентичности.

Как бы то ни было, описанная выше квазисоветская идентичность с характерной для нее политикой памяти не вполне отвечает потребностям сегодняшнего дня. Об этом в первую очередь свидетельствует осознаваемая и российским государством весьма ограниченная степень готовности общества к действительно массовой мобилизации и серьезным лишениям ради победы. Другими словами, нашему обществу не хватает национализма или чего-то аналогичного ему по мобилизационному потенциалу. То, что так и не смогли выработать в течение 30 лет, прошедших со времени распада СССР, потребовалось сегодня. И, казалось бы, СВО в совокупности с радикальным сдвигом во внешней политике, как повторная катастрофа, сопровождаемая неизбежными потерями и жертвами, должна способствовать формированию национализма или его функционального аналога.

Однако если государство не предпринимает последовательных усилий по приданию в рамках национального дискурса потерям смысла священных жертв, не предлагает разделяемого большинством населения «мобилизационного мифа», то эти жертвы объективно приносятся ради не слишком понятных большинству целей вроде построения нового мира американо-китайской биполярности¹⁰ и «работают» на укрепление каких-то других идентичностей. В качестве последних может оказаться недееспособная смесь общинного «постнационализма», транснационального фундаментализма (Ram 2008) и постнационализма во вполне европейском духе, освобожденного от всяких намеков на милитаризованную этничность в пользу либерально-демократических ценностей (Хабермас 2003). В конце концов именно в эту сторону ведет отторжение официальной России от стратегии конструирования национализма в пользу поздней, ослабленной и беззубой версии советского интернационализма.

Заключение

Ключевым фактором ситуации повторной катастрофы для России является то, что люди продолжают умирать. Но за что? В век становления европейского национализма люди жертвовали собой скорее за «общечеловеческие ценности», нежели за нацию в более позднем смысле этого слова. «Нация в ее современном понимании не была мотивом для борьбы

⁹ Путин ответил желающим победить Россию в бою фразой «пусть попробуют» // РБК. 07.07.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/07/2022/62c70e879a79476e0f5eff67?ysclid=lrxf114qzo115268277&from=soru> (дата обращения: 27.02.2024).

¹⁰ Борис Межуев: «Мы кровью, ресурсами и надрывом заплатили за легитимацию миросистемного подъема Китая» // Бизнес Online. 21.05.2023. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/594349> (дата обращения: 09.01.2024).

и самопожертвования» (Hippler 2014: 28). И сейчас фактически возможно самопожертвование не обязательно за «нацию», но за некую вдохновляемую идеей общность, ради которой люди считают приемлемым жертвовать собой. Иными словами, речь идет о жертвах, обладающих ясным смыслом и вследствие этого претендующих на статус героических и священных, а не просто о потерях. Суть жертвенного акта, как пронизательно замечает Т. Иглтон, касается перехода ничем не примечательного, ставшего жертвой существа от слабости к силе (Eagleton 2018). Но если смысл жертвоприношений утрачен или затуманен, то нет и никакого перехода к силе; есть только потери.

России история дает шанс переосмысления своей идентичности – в виде повторной катастрофы и сопровождающих ее неизбежных жертв. Но в официальном патриотическом дискурсе эти жертвы являются, скорее, тенью жертв, принесенных советским народом в Великой Отечественной войне, а нынешнее военно-политическое противоборство с Западом – не более чем продолжением борьбы советского народа с германским нацизмом¹¹. Там же, где *сегодняшние* потери не выглядят как осмысленные священные и героические жертвы, возрастает роль претерпевающей жертвенности: притесняемая Россия вынуждена отбиваться от половины мира, воюя за не слишком понятные для большинства ее граждан цели. И, возможно, в этом отношении наша страна ближе к Европе, чем может показаться. У нас также формируется нечто похожее на идентичность жертвы, которая основана, скорее, на не имеющей к ней непосредственного отношения истории страданий и подвигов предков. Эти страдания и подвиги имели ясный смысл, который мы хотим присвоить без должных оснований.

Приносимые сегодня Россией жертвы можно оправдывать, исходя из различного рода экономических и геополитических соображений. Наиболее популярным объяснением является то, что мы прокладываем путь к новому облику мира. И вполне вероятно, что наша страна, как это уже бывало не раз в ее истории, выполнит миссию глобальной важности. Но эта миссия не будет выполнена до конца, если Россия не подаст примера морально-политического обновления, заключающегося в том, чтобы не рассматривать ни себя, ни оппонента через призму ложно понятой греховности или праведности. Как и некоторым странам Запада, нам еще предстоит преодолеть искушение основать свою нынешнюю идентичность на сомнительном отождествлении себя с героями и жертвами прошлого. Новая идентичность, скорее, должна вытекать из нашего реального места в современном мире. Иначе говоря, следует признать, что жители современной России имеют такое же отношение к праведному подвигу своих прадедов, как жители Германии к чудовищным преступлениям своих предков, а нынешние белые американцы к истреблению индейцев. Из раскаяния в грехах предков отнюдь не вытекает праведность их потомков. В неменьшей степени это

¹¹ Путин отметил, что российские бойцы в ходе СВО сражаются с прямыми последователями нацизма // ТАСС. 17.05.2023. URL: <https://tass.ru/politika/17765775> (дата обращения: 27.02.2024).

справедливо и для тех, чьи предки совершили великий подвиг избавления мира от нацизма. Грехи, святость и праведность – все это является принадлежностью только тех поколений, следствием чьих действий они непосредственно являются. Все остальное следует рассматривать как результат неспособности или нежелания предложить идущим на смерть ясное понимание их *собственной* исторической миссии. А она, быть может, несколько не менее значима, чем миссия предков. Повторяющиеся катастрофы, как ни горько подобное признавать, дают шанс осознать это, и им надо воспользоваться. Сможем ли мы это сделать?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ассман А. 2016. Новое недовольство мемориальной культурой. Москва : Новое литературное обозрение. 232 с.
- Гутнер Г.Б. 2017. Национальный нарратив и национальная ответственность // Этическая мысль Т. 17, № 1. С. 94-109. DOI 10.21146/2074-4870-2017-17-1-94-109
- Русакова О.Ф. (ред.) 2022. Официальный дискурс российской политики памяти о советском прошлом: стратегии интерпретаций, акторы, коммеморативные практики. Екатеринбург : Дискурс-Пи. 378 с.
- Старгардт Н. 2021. Мобилизованная нация: Германия 1939–1945. Москва : Колибри. 688 с.
- Сыров В.Н., Головашина О.В., Аникин Д.А., Овчинников А.В., Линченко А.А. 2019. Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности. Томск : Томский государственный университет. 224 с.
- Хабермас Ю. 2003. Постнациональная констелляция и будущее демократии // Логос. № 4–5. С. 105-152.
- Шубарт В. 2000. Европа и душа Востока. Москва : Русская идея. 446 с.
- Ян Э. 2014. Спорные политические вопросы с точки зрения современной истории. Москва : Политическая энциклопедия. 358 с.
- Eagleton T. 2018. Radical Sacrifice. New Haven ; London : Yale University Press. 216 p.
- Gergen K.J. 1999. Social Construction and the Transformation of Identity Politics // End of Knowing: A New Developmental Way of Learning / ed. by F. Newman, L. Holzman. New York : Routledge. URL: https://www.swarthmore.edu/sites/default/files/assets/documents/kenneth-gergen/Social%20Construction_and_the_Transformation.pdf (дата обращения 09.01.2024).
- Giesen B. 2004. Triumph and Trauma. New York : Routledge. 207 p.
- Hippler T. 2014. Heroism and the Nation during the French Revolutionary and Napoleonic Wars and the Age of Military Reform in Europe // Heroism and the Changing Character of War: Toward Post-Heroic Warfare? / ed. by S. Scheipers. London : Palgrave Macmillan. P. 21-32.
- Jacoby T.A. 2015. A Theory of Victimhood: Politics, Conflict and the Construction of Victim-based Identity // Millennium: Journal of International Studies. Vol. 43, iss. 2. P. 511-530. DOI 10.1177/0305829814550258
- Orr J. 2001. The Victim as Hero: Ideologies of Peace and National Identity in Postwar Japan. Honolulu : University of Hawai'i Press. 281 p.
- Ram U. 2008. Why Secularism Fails? Secular Nationalism and Religious Revivalism in Israel // International Journal of Politics, Culture, and Society. Vol. 21. P. 57-73. DOI 10.1007/s10767-008-9039-3

References

- Assmann A. *New Discontent with Memorial Culture*, Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2016, 232 p. (In Russ.).
- Eagleton T. *Radical Sacrifice*, New Haven & London, Yale University Press, 2018, 216 p.
- Gergen K.J. Social Construction and the Transformation of Identity Politics, Newman F., Holzman L. (eds.) *End of Knowing: A New Developmental Way of Learning*, New York, Routledge, 1999, available at: https://www.swarthmore.edu/sites/default/files/assets/documents/kenneth-gergen/Social%20Construction_and_the_Transformation.pdf (accessed January 9, 2024).
- Giesen B. *Triumph and Trauma*, New York, Routledge, 2004, 207 p.
- Gutner G.B. National Narrative and National Responsibility, *Eticheskaya mysl'* [Ethical Thought], 2017, vol. 17, no. 1, pp. 94-109. (In Russ.). DOI 10.21146/2074-4870-2017-17-1-94-109
- Habermas J. The Postnational Constellation and the Future of Democracy, *Logos*, 2003, no. 4–5, pp. 105-152. (In Russ.).
- Hippler T. Heroism and the Nation during the French Revolutionary and Napoleonic Wars and the Age of Military Reform in Europe, Scheipers S. (ed.) *Heroism and the Changing Character of War: Toward Post-Heroic Warfare?* London, Palgrave Macmillan, 2014, pp. 21-32.
- Jacoby T.A. A Theory of Victimhood: Politics, Conflict and the Construction of Victim-based Identity, *Millennium: Journal of International Studies*, 2015, vol. 43, no. 2, pp. 511-530. DOI 10.1177/0305829814550258
- Jahn E. *Controversial Political Issues from the Perspective of Contemporary History*, Moscow, Politicheskaya enciklopediya, 2014, 358 p. (In Russ.).
- Orr J. *The Victim as Hero: Ideologies of Peace and National Identity in Postwar Japan*, Honolulu, University of Hawai'i Press, 2001, 281 p.
- Ram U. Why Secularism Fails? Secular Nationalism and Religious Revivalism in Israel, *International Journal of Politics, Culture, and Society*, 2008, vol. 21, pp. 57-73. DOI 10.1007/s10767-008-9039-3
- Rusakova O.F. (ed.) *The Official Discourse of the Russian Politics of Memory on the Soviet Past: Interpretation Strategies, Actors, Commemorative Practices*, Yekaterinburg, Diskurs-Pi, 2022, 378 p. (In Russ.).
- Schubart V. *Europe and the Soul of the East*, Moscow, Russkaya ideya, 2000, 446 p. (In Russ.).
- Stargardt N. *A Nation Under Arms: Germany from 1939 to 1945*, Moscow, KoLibri, 2021, 688 p. (In Russ.).
- Syrov V.N., Golovashina O.V., Anikin D.A., Ovchinnikov A.V., Linchenko A.A. *Conceptual Foundations of Politics of Memory and Prospects for Post-national Identity*, Tomsk, Tomskij gosudarstvennyj universitet, 2019, 224 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Леонид Гершевич Фишман

доктор политических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: 0000-0001-5062-8291;
ResearcherID: K-2346-2018;
Scopus AuthorID: 36191617100;
SPIN-код: 8725-9656;
E-mail: lfishman@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Leonid G. Fishman

Doctor of Political Science, Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia;
ORCID: 0000-0001-5062-8291;
ResearcherID: K-2346-2018;
Scopus AuthorID: 36191617100;
SPIN-code: 8725-9656;
E-mail: lfishman@yandex.ru

Белькович Р.Ю., Быстров А.С., Виноградов С.В.
Политическая философия А.А. Борового: дина-
мизм, антирационализм, индивидуализм // Анти-
номии. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 53-72. [https://doi.org/
10.17506/26867206_2024_24_1_53](https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_1_53)

УДК 321.01:329.285:340.12

DOI 10.17506/26867206_2024_24_1_53

Политическая философия А.А. Борового: динамизм, антирационализм, индивидуализм

Родион Юрьевич Белькович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
г. Москва, Россия

E-mail: rbelkovich@hse.ru

Андрей Сергеевич Быстров

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
г. Москва, Россия

E-mail: abystrov@hse.ru

Сергей Валерьевич Виноградов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
г. Москва, Россия

E-mail: svinogradov@hse.ru

*Поступила в редакцию 13.10.2023, поступила после рецензирования 19.01.2024,
принята к публикации 25.01.2024*

В статье предпринимается попытка интерпретации малоизвестной антиэтатистской концепции начала XX столетия – анархо-гуманизма А.А. Борового. Во введении обосновывается значимость изучения «второстепенных» фигур в наследии анархистской мысли как для более глубокого понимания места анархизма в интеллектуальной истории, так и для развития современной политической теории. В первой части статьи обрисовывается круг вопросов, поднятых в отечественной академической литературе применительно к анархо-гуманизму, проводится краткий экскурс в его историю, выделяются основные этапы становления взглядов А.А. Борового, очерчивается круг персоналий и течений, определявших трансформации его мироощущения (К. Маркс, Ф. Ницше, М. Бакунин, А. Бергсон и др.). Основная часть исследования посвящена детальному анализу философских оснований социального и политического учения русского мыслителя. Рассматриваются концептуальные основы анархо-гуманизма, реконструируются наиболее важные философские принципы, определившие политико-правовые воззрения теоретика. Авторы статьи

© Белькович Р.Ю., Быстров А.С., Виноградов С.В., 2024

полагают, что ключевыми философскими характеристиками анархо-гуманизма выступают динамизм (апология постоянного движения жизни), антирационализм (отказ от завершенных интеллектуальных схем) и индивидуализм (апология личного освобождения и роста). В качестве центральной проблемы, определяющей развитие концепции А.А. Борового, рассматривается феномен антиномии личности и общества как неразрешимого противостояния между двумя полюсами человеческой экзистенции. Подчеркивается, что приоритетом для мыслителя в этом конфликте обладает индивид, обреченный на вечные поиски эмансипации и не способный к полному освобождению от общества и коллективных интересов. Раскрывается критика детерминизма, механистического редукционизма, характерная для взглядов А.А. Борового. Результатом проведенного исследования является детальная концептуализация философских оснований анархо-гуманизма, дающая ключ к пониманию политико-правовых взглядов одного из наиболее оригинальных либертарных теоретиков начала XX столетия.

Ключевые слова: А.А. Боровой, анархизм, анархо-гуманизм, свобода, индивидуализм, диалектика, антирационализм, динамизм, личность

Благодарности: Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Alexey Borovoy's Political Philosophy: Dynamism, Anti-Rationalism, and Individualism

Rodion Yu. Belkovich

National Research University Higher School of Economics (HSE University)
Moscow, Russia
E-mail: rbelkovich@hse.ru

Andrey S. Bystrov

National Research University Higher School of Economics (HSE University)
Moscow, Russia
E-mail: abystrov@hse.ru

Sergey V. Vinogradov

National Research University Higher School of Economics (HSE University)
Moscow, Russia
E-mail: svinogradov@hse.ru

Received 13.10.2023, revised 19.01.2024, accepted 25.01.2024

Abstract. The article attempts to interpret the little-known anti-statist conception of the early 20th century – anarcho-humanism of Alexey A. Borovoy. The introduction of the research paper justifies the relevance of studying “secondary” figures in the anarchist tradition, both for a better understanding of Anarchism itself in a broader context of intellectual history, and for the advancement of contemporary political theory.

The first part of the article outlines the issues raised in Russian academic literature regarding anarcho-humanism, provides a brief historical overview of its evolution, identifies the main stages in the formation of Borovoy's views, and delineates the influence on him of key ideological currents and authors (Karl Marx, Friedrich Nietzsche, Mikhail Bakunin, Henri Bergson, etc.). The main body of the study is devoted to a detailed analysis of the philosophical foundations of Borovoy's social and political doctrine. It examines the conceptual grounds of anarcho-humanism, reconstructs the crucial philosophical principles, and elucidates the political and legal perspectives of the theorist. The authors argue that the core philosophical features of Borovoy's anarcho-humanism include dynamism (apology for the perpetual movement of life), anti-rationalism (rejection of rigid intellectual frameworks), and individualism (apology for personal emancipation and development). The central problem shaping the development of Borovoy's theory is interpreted as the antinomy between the individual and society, an irreconcilable antagonism between the two poles of human existence. It is emphasized that for Borovoy, an individual holds primacy in this conflict, and is engaged in an eternal struggle for emancipation, yet unable to achieve complete liberation from society and collective interests. The authors reveal Borovoy's critique of determinism and mechanistic reductionism as a characteristic trait of his thought. The research outcome is a detailed conceptualization of the philosophical foundations of anarcho-humanism, providing insight into the political and legal views of one of the most ingenious libertarian theorists of the early 20th century.

Keywords: Alexey A. Borovoy, anarchism, anarcho-humanism, freedom, individualism, dialectics, anti-rationalism, dynamism, individual

Acknowledgements: This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

For citation: Belkovich R.Yu., Bystrov A.S., Vinogradov S.V. Alexey Borovoy's Political Philosophy: Dynamism, Anti-Rationalism, and Individualism, *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 53-72. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_1_53

Введение

Исследователи истории политических и правовых учений чаще всего обращают внимание на три основных течения общественно-политической мысли – либерализм, консерватизм и социализм (Денисенко 2005: 15). Этот гипертрофированный интерес историков мысли к доминирующим идеологическим моделям Нового времени влечет за собой дисбаланс в нормативной политической теории. В тени политического анализа оказывается целый ряд значимых проблем, так как, несмотря на все различия либерализма, консерватизма и социализма, эти течения признают де-факто сложившуюся ведущую роль государства в политической системе, в связи с чем в области политической практики апеллируют, прежде всего, к нему. Государство рассматривается как само собой разумеющаяся форма политической организации общества¹ и преподносится, как писал П. Бурдьё, в качестве «точки зрения на точки зрения» (Бурдьё 2016: 93-94). Однако в действительности существуют альтернативные системы мировоззрения, которые не разделяют

¹ Критику такого подхода в юриспруденции см.: (Назмутдинов 2020).

эту догму и подвергают этатизм критике. В первую очередь речь идет об анархизме.

Многие современные процессы (например, рост числа непризнанных государств и усиливающееся влияние транснациональных корпораций) бросают вызов традиционным этатистским научным моделям. В этих обстоятельствах альтернативный антиэтатистский взгляд, в том числе анархистский, может предоставить такие концептуальные инструменты политического анализа, которые позволят извне взглянуть на государственное устройство и выявить «слепые пятна» политической теории.

Значимую проблему для развития такой антиэтатистской «критики извне» в современном политико-философском дискурсе представляет недостаточная концептуальная разработка историками мысли пестрого многообразия анархических учений. Термином «анархизм» политическая теория обычно объединяет большое количество разнородных тезисов, вместе представляющих скорее не консистентную идеологию, а удобное для этатистской критики «соломенное чучело». В наиболее общем смысле под анархизмом можно действительно понимать (вслед за одним из наиболее влиятельных русских анархистов князем П.А. Кропоткиным) учение о необходимости ликвидации любого принудительного управления и власти человека над человеком (Кропоткин 1920: 47). Однако при более внимательном изучении выясняется, что зонтичный термин «анархизм» объединяет множество крайне разнообразных и непохожих версий. Их различия касаются не только практических вопросов актуальной политической борьбы, но и фундаментальных конфликтов, присущих человеческой жизни: противостояние индивидуализма и коллективизма, идеализма и материализма, интуитивизма и рационализма. Так, например, к современному западному анархизму можно одновременно отнести и социальных экологов (М. Букчин), и левых анархо-синдикалистов (Н. Хомский), и правых анархо-капиталистов (М. Ротбард), и радикальных критиков анархизма «изнутри» (Б. Блэк).

Впрочем, для исследователей анархизма было бы непростительной ошибкой сосредоточить свое внимание исключительно на теоретических конструкциях западных мыслителей. Именно русские политические философы внесли огромный вклад в развитие политико-правовых основ анархизма. При этом русское влияние на мировую анархическую мысль прослеживается гораздо более явно, чем в случае других политико-правовых течений. Как резюмировал в начале XX столетия Н.А. Бердяев, «анархизм есть главным образом создание русских» (Бердяев 2016: 175). В научной дискуссии о русском анархизме чаще всего упоминают известные и влиятельные фигуры – П.А. Кропоткина, Л.Н. Толстого и особенно М.А. Бакунина (Рябов 2009: 289), несправедливо оставляя в стороне других представителей анархической мысли.

К числу наиболее интересных «забытых» русских анархистов следует отнести Алексея Алексеевича Борового (1875–1935). Его учение представляется в большей степени актуальным для современной политической теории, чем теории классического русского анархизма. Как видный представи-

тель постклассического направления анархической мысли весомую часть своей критики он направляет на ставшую значимой к началу XX в. тему технического прогресса и его влияния на политические процессы. Боровой обнажает конфликтогенный потенциал технического прогресса и в то же время исследует ставшие возможными благодаря ему альтернативные способы политического участия. При этом он, будучи юристом, с большим вниманием относится к анализу правовой проблематики в политической философии. В отличие от многих других анархистов он не ограничивается обличением принудительного характера государственных законов, но обращается к изучению социальной природы общественных норм, ищет живое право свободных человеческих сообществ.

Однако потребность в изучении наследия Борового продиктована не только «практической» значимостью, своевременностью его взглядов, перспективами дальнейшего развития его идей уже нашими современниками. Прежде всего, эта потребность вытекает из задач, которые стоят перед историко-философской наукой как таковой. Методологические разработки последних ста лет достаточно однозначно указывают на необходимость большей контекстуализации предмета в процессе изучения тех или иных течений мысли. Принципы исследований, актуальные, например, для теории и истории литературы, являются столь же применимыми и в области истории политической философии: понимание большой формы, масштабного движения, крупного автора оказывается невозможным без построения широкой сети интеллектуальных связей, анализа глубокого пласта идейной работы, ведущейся в каждом конкретном поколении не только «гениями», но и авторами самых разных масштабов таланта и разной степени влияния.

Недостаточное внимание академической среды к «фигурам второго плана» влечет за собой формирования искаженной, бедной картины идейной жизни, пригодной в лучшем случае лишь для «учебного» изложения материала. Упрощенное, схематичное преподнесение анархизма, в частности, сводит как минимум два века его существования к набору предельно общих тезисов, приписываемых некоему анархизму в целом. Тогда как истинная жизнь этого течения мысли обладает внутренним богатством, ни в чем не уступающим социализму или либерализму. Все это не означает, однако, признания Борового второстепенным автором, скорее, наоборот: мы считаем, что подобные «табели о рангах» есть лишь печальное следствие методологически упрощенного подхода к изучению интеллектуальной истории. «Введение в оборот» фигур, долго находившихся в тени великих мыслителей, способствует и уточнению нашего взгляда на творчество последних, выявлению новых сторон их работ, которые проявляются именно в рамках диалога, ведущегося не с очевидными оппонентами, но внутри более узкого круга авторов. Именно в диалоге с Боровым, например, проявляются новые аспекты учения Кропоткина, а отчасти даже и некоторая злость его подхода.

Однако богатое политическое и правовое наследие Борового при первом приближении может показаться запутанным, полным видимых

противоречий. Именно поэтому требуется предварительный анализ философских оснований его мысли – поиск ключа к верной интерпретации. Значимая работа в данном направлении уже проделана С.Ф. Ударцевым, определившим место Борового на интеллектуальной карте анархизма XX в. (Ударцев 1992), и П.В. Рябовым, последовательно проанализировавшим важные философские влияния на мысль Борового: неокантианство (Рябов 2010а), ницшеанство (Рябов 2010b), бергсонизм (Рябов 2010с). Вместе с тем сложный синтез Боровым этих разнородных философских учений все еще не осмыслен должным образом.

Ключевая задача настоящей статьи – не просто систематизировать политические взгляды А.А. Борового, реконструировав основные положения его учения, но выявить философские основания его мировоззрения, задающие ориентиры для корректной трактовки его политико-правовых тезисов. В первой части работы очерчены ключевые этапы формирования анархо-гуманистического учения Борового и обозначено его место в интеллектуальном контексте эпохи. Вторая часть посвящена раскрытию понятий динамизма и антирационализма как ключевых философских характеристик политической системы анархо-гуманизма. В третьей и четвертой частях предложен анализ роли революции в философии Борового и места человека в системе его социально-политических воззрений. Раскрывается понимание антиномии личности и общества, обосновывается роль индивидуализма как ключевой характеристики анархо-гуманизма.

Место А.А. Борового в истории русского анархизма

Будущий анархист родился в 1875 г. в семье статского советника. За свою жизнь он перепробовал множество видов деятельности: философию, историю, право, педагогику, литературоведение и даже музыку. Несмотря на разнообразие интересов, делом его жизни стало развитие собственной концепции анархизма, которую С.Ф. Ударцев называет *анархо-гуманизмом* (Ударцев 1992: 164) – отдельным течением в отечественном анархизме. К собственной теории Боровой пришел далеко не сразу. В студенческие годы он увлекался марксизмом, в который, по его собственным словам, «поверил религиозно» (Боровой 2010: 141). Эта истовая вера охладевает, когда он знакомится с творчеством Ф. Ницше, заставившим его усомниться в теоретических положениях диалектического материализма (Быстров 2016: 187). Этот процесс не дался Боровому легко. Он болезненно переживал развенчание прежних идеалов и в то же время не мог найти исчерпывающей позитивной программы в ницшеанстве.

В 1904 г. Боровой, который на тот момент был приват-доцентом факультета права Московского университета, уезжает в командировку в Европу. Эта поездка стала одним из важнейших событий в его жизни: именно в этот период он радикально пересматривает свои взгляды, знакомится с трудами анархистов и принимает активное участие в организации анархистского движения. Он обнаруживает, что у его собственных идей много

общего со взглядами немецкого анархиста М. Штирнера, который отличался крайним индивидуализмом².

Со временем взгляды Борового начинают меняться: он все более критично относится к теориям Ницше и Штирнера (Боровой 2011: 17-18) и уделяет больше внимания анархо-синдикалистским концепциям. Значительное влияние на него оказал «защитник общей воли» Ж.-Ж. Руссо. Как и французский мыслитель, Боровой критикует представительную демократию. В работе 1907 г. «Революционное творчество и парламент. (Революционный синдикализм)» он обращается к аргументам Руссо в пользу прямой демократии (Боровой 1917: 12).

На формирование идей Борового значительное влияние оказали отечественные интеллектуалы, особенно М.А. Бакунин и его концепция бунтарского, революционного, романтического анархизма. По словам самого философа, Бакунин был абсолютным и непререкаемым образцом для подражания (Рябов 2013: 178). В своих работах Боровой неоднократно обращался к отечественной интеллектуальной традиции, в частности, к А.И. Герцену³.

В 1911 г. Боровой покидает Россию из-за политического давления со стороны руководства Московского университета и царских властей. В период эмиграции он знакомится с творчеством А. Бергсона, французского философа-интуитивиста и представителя философии жизни. Бергсонизм становится четвертым (после марксизма, ницшеанства, бакунизма) и финальным столпом, на которые опирается анархо-гуманистическое учение. Окончательно свои постулаты Боровой сформулирует уже после возвращения в Россию в связи с амнистией 1913 г. Теоретическое обобщение его политико-философские взгляды получают в труде 1918 г. «Анархизм» (Боровой 2011). Уже в советское время, после ареста и ссылки, Боровой попытается переосмыслить анархо-гуманистическую концепцию в итоговом труде своей жизни – «Этике анархизма», однако так и не завершит его из-за смерти в 1935 г.

Классификация взглядов Борового в контексте мирового и русского анархизма – непростая задача в силу своеобразия и эклектичности его идей. Он ориентируется на работы интеллектуалов, разительно отличающихся друг от друга, и его позиция по одному вопросу может причудливым образом сочетаться с позицией по другому вопросу. Например, проблему личной свободы Боровой решает как индивидуалист, стоящий на защите примата свободы личности, но в отношении частной собственности выступает как коллективист и социалист, считающий ее источником порабощения одним человеком другого.

Его взгляды сочетают одновременно прогрессистские и антирационалистские установки, индивидуализм и синдикализм, интуитивизм и антирелигиозность. Анархо-гуманизм Борового нельзя признать целостной

² Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 38.

³ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 1а.

политической идеологией, но он и не стремился создать статическую, непротиворечивую, догматическую систему. Напротив, как пишет П.В. Рябов, Боровой был «мыслителем-поэтом, далеким от системосозидания и выражающим себя посредством мыслеобразов и метафор» (Рябов 2012: 420). Несмотря на это, неверно было бы утверждать, что Боровой *не смог* создать законченную и всеобъемлющую философскую систему и оставил будущим поколениям лишь набор разрозненных цитат. Он *намеренно избегал* принудительного разрешения некоторых противоречий, помещая в основание своей философии фундаментальную антиномию между человеком и обществом. В этом отношении Боровой стоит отдельно от других анархистов его эпохи, а динамический и антирационалистский элементы анархогуманизма заслуживают подробного изучения, поскольку выступают необходимым ключом к интерпретации его политических и правовых идей.

Динамизм и антирационализм

Одним из наиболее важных принципов, лежащих в основании философской парадигмы Борового, следует считать *динамизм*. Как полагает мыслитель, окружающий мир и живущие в нем индивиды пребывают в процессе бесконечного и непрерывного развития, то есть находятся в динамике, поэтому человек неизбежно является носителем динамического мирозерцания (Боровой 2011: 154).

Эта идея находит продолжение в области политической философии Борового. Как он сам отмечает, «анархизм есть миропонимание – и в этом его основное отличие от остального общественного миропонимания – подлинно динамическое»⁴. Философ отвергает идею «возвращения к природе» – откату в развитии к некоему первобытному идеалу. Не соглашается он и с концепцией завершенной утопии, которая предполагает полную реализацию эмансипирующего политического проекта и остановку в развитии. Боровой отрицает возможность волшебного преобразования человеческого естества, более того, он исходит из тезиса, что «исторический прогресс есть в то же время прогресс личности» (Боровой 1907: 54). Анархизм предполагает бесконечный прогресс по пути от несвободы к свободе. Как ребенок по мере взросления становится все менее зависимым от своих родителей, так и личность, развиваясь, становится все менее зависимой от государства.

У этой теоретической концепции есть и конкретные практические следствия. Боровой считает, что возникавшие ранее инструменты сопротивления власти тиранов – это не более чем временные несовершенные меры, и сама логика бесконечного освобождения требует отказа от них в будущем (Рублев, Рябов 2011: 237). В качестве примера он приводит идею парламента, который появляется в результате буржуазной революции, то есть очередного этапа динамического развития, но в руках новой власти превращается в инструмент закрепощения и реакции (Боровой 1917: 64).

Для Борового имеет значение именно движение, а не цель. Более того, он не считает, что цель в принципе достижима, поэтому и не пытается ее

⁴РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 9.

определить. «Анархизму мир представляется пластическим, далеко не завершенным, в котором творческим способностям человека дана возможность самостоятельно дополнять и совершенствовать вселенную» (Боровой 1920: 42), тогда как «исторические материалисты всегда легко и охотно погрешали в этом смысле, превращая социологическое “если” в абсолютные законы развития»⁵.

Одной из существенных черт человеческой природы, по мнению Борового, является тяга к преодолению любого рода ограничений, лежащих на пути раскрытия личностных потенциалов. Ограничений не только внешнего, объективного толка, но и психологических, создаваемых человеком для самого себя. Процесс подобного освобождения, однако, не может быть заранее описан, уложен в ясную схему. Более того, неизвестен и его результат – не существует должного положения вещей, к которому всякий обязан прийти в процессе преодоления препятствий на пути самосовершенствования. То же касается и социальной организации в целом. Как и в случае с индивидом, формулирование безусловных «пунктов назначения» для общества не только не продуктивно, но и попросту губительно для дела свободы: «Конструирование “конечных” идеалов антиномично духу анархизма» (Боровой 1920: 41).

Своим союзником в борьбе против финализма Боровой видит Бакунина, предлагая собственную интерпретацию философии классика: «...для него не могло быть и позитивного общественного строя, который бы ставил точку на дальнейшей эволюции человеческих обществ. Бакунин нигде этого прямо не формулировал. <...> Тем не менее, мысль о невозможности конечного анархического идеала, мысль о “перманентной революции” должна, по моему убеждению, быть естественным выводом из общей философской концепции Бакунина» (Боровой 1926: 137).

Другой важный столп философской парадигмы Борового – *антирационализм*. Он скептически относится к продуктам интеллекта, оторванным от реальной жизни и действительности. Сухое просвещенческое рации оборачивается для человека победой абстракции над живой реальностью. Результат строгих логических схем предзадан, но это значит, что человек лишь фундаментально бессилён «схватить» разумом столь разнообразную, не поддающуюся предсказанию сложность собственного существования (Боровой 2011: 52). По словам мыслителя, «идея всегда – отвлечение и потому всегда – отрицание реальной жизни. Наука живет отраженной, несамостоятельной жизнью; она констатирует представления, понятия жизни, но не самую жизнь. <...> Наука мыслит о жизни, но не мыслит самую жизнь» (Боровой 1926: 144-145).

Нельзя сказать, что Боровой тотально отрицает рациональность. Напротив, он считает, что человеческому разуму доступна невообразимая сила теоретического восприятия материальной реальности, он способен к открытию самых фундаментальных и впечатляющих законов и истин, лежащих в основании вселенной. Но даже этих средств оказывается недостаточно для приручения разумом живой силы психической реальности человека,

⁵ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 136. Л. 12.

подчинения им личного восприятия мира: «Мировоззрение не складывается только путем рациональным. Нельзя убедить себя или переубедить, если убеждение было крепким, только путем логической аргументации»⁶.

Как уже отмечалось, на политико-философскую систему Борового серьезное влияние оказали известные представители антирационализма в европейской мысли. Но самые убедительные логические аргументы против рационализма уступают по своей силе аргументам иной природы – великой силе художественной литературы. Боровой признается: «Достоевский незримо, незаметно для меня самого, сыграл в образовании моего мировоззрения – исключительную роль» (цит. по: Рябов 2015а: 122). Для антирационалиста Борового в литературе Достоевского первостепенны «не мертвые и застывшие “измы”, оторванные от человека, но музыкальные “лейтмотивы” и “устремленность”» (Рябов 2015а: 127). Вся философия Борового строится вокруг неприятия слепой веры в способность рационального познания человека, критики спекулятивного анализа личности, вытесняющего теоретическими схемами ее подлинное понимание: «Жизнь – иррациональна. Логика подменяет действительность понятием» (цит. по: Рябов 2015b: 128).

Впрочем, философ видит в рационализме и другой, не менее важный недостаток. По его мнению, разум создает догмы, которые ограничивают свободу и действия человека, заставляют его находиться в плену «глубоко консервативной» системы научных истин⁷. Из этого он делает вывод, что в будущем человечество должно освободиться и от оков рационализма. Борьбу с культом разума Боровой рассматривает не как реакционный, а как революционный, а значит, положительный порыв.

С практической точки зрения антирационализм Борового во многом перекликается с его критикой юридического позитивизма. Основатель анархо-гуманизма не приемлет превращения позитивной нормы права в «мертвую» закрепощающую догму, которая мешает «живому», динамическому развитию общества. Он выступает в поддержку концепции «живого права» в качестве альтернативы догматизму (Bystrov 2019: 97-98).

Человек, общество и революция

Существенным фактором, определяющим состояние общества и самым непосредственным образом влияющим на его прогресс, является мировоззрение. В анархо-гуманизме эта категория становится частью своеобразной философии истории. С точки зрения Борового, в истории мы наблюдаем своего рода пульсацию общественных форм, продиктованную поочередной сменой двух типов мировоззрения. Эпохи, в которые господствует *революционный дух*, сменяются периодами торжества утилитарного, конформистского мировоззрения (Боровой 1907: 15). По мнению С.Ф. Ударцева, самой «сутью анархизма» для Борового является «коррекция общественного сознания» – изменение мировоззрения позволяет сменять формы власти, общественное устройство (Ударцев 1992: 416).

⁶РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 170. Л. 1.

⁷РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 113. Л. 118.

В представлении Борового революционный дух – импульс, который выводит общество из стагнации и вновь запускает процесс развития. В связи с этим стоит отметить, что концепция анархо-гуманизма предполагает постоянное диалектическое противостояние двух сил в обществе – *пессимизма* и *оптимизма*. Как считал философ, пессимизм является естественной реакцией на освобождение. Негативное отношение к будущему происходит из тоски по утраченному прошлому, поэтому пессимизм называется «неизбежным психическим спутником естественной эволюции человеческих обществ»⁸. Но и пессимизм, по Боровому, может быть разным. Помимо фаталистического отношения к жизни, представленного, например, в творчестве А. Шопенгауэра, он может находить совсем иное, «актуальное» выражение, характерное для ницшеанства или революционного синдикализма. В таком варианте он «отвергает настоящее во имя радостей будущего, в свою очередь, ожидающих отрицания»⁹, становится локомотивом прогрессивного движения общества.

Революционный дух, как считает Боровой, выступает в схожей роли. Революционер жертвует настоящим для того, чтобы приблизить воплощение общественных идеалов в будущем, зная, что до конца эту цель все равно невозможно достичь. В этом проявляется противоречие, свойственное анархо-гуманизму, в котором индивидуализм соседствует с жертвенностью индивида во благо общества. Индивидуалист Боровой призывает жертвовать собой во имя идеала, жертвовать одним человеком во имя всего человечества (Боровой 1907: 25).

Боровой смотрит на общество как на меняющуюся «живую» систему, развитие которой требует периодической революционной встряски, рождающейся не из субъективного произвола политических акторов, а из действительных, но подавленных народных потребностей: «...именно потому, что революция пришла стихийной силой, вспоенная лишениями и страданиями народа, что она не укладывалась ни в какие теоретические сметы, обманула расчеты всех партий, она была живой, действенной, неотразимой» (Боровой, Бармаш, Рогдаев 1928: 24)¹⁰. В отличие от других мыслителей, которые рассматривали революцию как средство достижения финального утопического результата, Боровой видит в ней проявление динамизма, бесконечного движения.

По мнению основателя анархо-гуманизма, масштабные общественные движения, например войны и революции, поглощают индивидуальные цели. Они меняют личность через стихийный опыт и тем самым пробуждают ее, делают возможным усвоение мировоззрения. Впрочем, Боровой считает, что это пробуждение необязательно приводит к общему освобождению.

⁸ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 137. Л. 24.

⁹ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 137. Л. 26.

¹⁰ Книга «Большевистская диктатура в свете анархизма. Десять лет советской власти», подготовленная А.А. Боровым при участии В.В. Бармаша и Н.И. Рогдаева, была издана в Париже без указания имен авторов заграничной организацией русских анархистов-коммунистов «Дело труда». Более подробно см.: (Рублев, Рябов 2011).

В частности, он критикует большевизм как порождение революции, прежде всего, за усиление централизации государства, развитие бюрократизма и догматизма (Боровой, Бармаш, Рогдаев 1928: 117-120).

Индивид и коллектив

Политико-правовая мысль Борового в значительной части построена вокруг противопоставления безликого, бездушного и стремящегося к рационализации бюрократического аппарата государственной власти и органически существующей, зачастую иррациональной жизни индивидов в обществе. Анархо-гуманистическая теория имеет своей целью обнаружить и сделать наглядными многочисленные противоречия, проистекающие из попытки подчинения человеческого существования порядку национальных государств модерна. Но это, казалось бы, центральное для всякого анархиста противопоставление индивида государству оказывается лишь верхним слоем политической критики Борового. Корень данного противоречия теоретик анархо-гуманизма видит глубже – в антиномии личности и общества, в неизбежном противопоставлении частных и коллективных интересов, в конфликте которых вынужден постоянно существовать свободный по своей природе человек.

Важно, что выбор между индивидуальностью и коллективностью существования не может быть сведен к единомоментному экзистенциальному решению человека, совершаемому на том или ином этапе его жизненного пути: он преследует индивида постоянно, заложен в саму природу личности. Потому и общества, решающие на том или ином этапе своего исторического развития абсолютизировать, фетишизировать фигуру отдельного индивида или же коллективной сущности (народа, нации, класса), должны быть чужды истинному анархистскому движению. Причиной тому непреодолимость заложенной в человеке антиномии, состоящей, по определению Борового, «в необходимости для личности последовательного отрицания всех избираемых и утверждаемых ею форм общественности при неизбежности для нее общественного состояния» (Боровой 1920: 23).

Влияние общества на человека отрицать невозможно: «Фатально лишенный выбора, человек естественными корнями прикреплен к обществу, которым он рожден; последнее налагает на него неизгладимую печать» (Боровой 1926: 150). Но это влияние не абсолютно; человек не сводится к социальным отношениям, существенная часть его личности остается автономной, индивидуальной. Этот неразложимый «остаток» личности есть вечный бунтарь против общественности» (Боровой 1920: 24-25).

Представление о неизбежном конфликте между личностью и коллективом лежит в самом основании теории анархо-гуманизма. Оно играет в концепции Борового, пожалуй, даже более весомую роль, чем упомянутый ранее динамизм. Последний оказывается только неизбежным проявлением этой антиномии. Индивид и коллектив предстают для философа феноменами столь же неразрывно связанными, сколь и враждебными друг другу. В работе 1918 г. «Анархизм» он предпринимает попытку исследовать про-

тиворечия между индивидуализмом и коллективизмом, между социальной природой человека и индивидуалистским сопротивлением нормативному гнету коллектива. В качестве решения предлагается компромиссный вариант – анархизм в синдикалистской интерпретации, который учитывает и индивидуальные, и коллективные интересы (Быстров 2016: 198).

Боровой принимает положение, что противоречия между индивидом и коллективом носят непреодолимый характер, и в этом заключается еще один парадокс его концепции. Философ исходит из того, что индивид обладает стремлением освободиться от коллектива, но не может достичь этой цели по причинам онтологического характера. Примирить данные противоречия Боровой пытается с помощью идеи бесконечного движения, то есть динамического мировоззрения, согласно которому движение по направлению к недостижимому идеалу является истинным содержанием жизни.

В 1920-е гг. Боровой продолжает исследовать взаимосвязь индивида и социума. В этот период он публикует работы «Роль личности в истории»¹¹ и «Детермизм и фатализм»¹², подвергает критике и «индивидуалистическое», и «социологическое» направления общественно-политической мысли. По его мнению, в вопросе о роли личности в историческом процессе оба течения оказываются «равно несостоятельны», несмотря на «их логическую стройность и обилие аргументации»¹³. В их основании обнаруживаются произвольные, не отрефлектированные критически посылки и недоказуемые положения – «своеобразная мистика». Отстаивая ценность личности, реальность ее присутствия в мире и ее суверенный характер, Боровой, однако, признает, что окончательное освобождение от влияния среды и абсолютная автономность от масс недоступны даже гению: «Так в самых творческих отрицаниях своих они были обусловлены теми положительными утверждениями, которые были сделаны не ими и до них и которые были некоторым данным, от которого они отходили в своей деятельности»¹⁴.

Сама попытка разрыва со средой, ее отрицание, противопоставление ей личных устремлений и порывов лишь свидетельствуют о глубокой интенсивной связи, существующей между индивидом и его окружением. «Индивидуалистическое» видение мира, по мнению Борового, несовместимо с задачами научного познания, так как безосновательно гипертрофирует «случайное в истории», не замечает объективные закономерности, а значит, «искажает правильное представление о творческой природе человека»¹⁵. Личность формируется исключительно в контексте своего общественного существования, а значит, концептуальная изоляция индивида, его обособление от масс парадоксальным образом оказываются умалением значения самой личности.

Боровой, с одной стороны, не допускает возможность «самопроизвольного зарождения нового в личности»¹⁶, но в то же время отрицает

¹¹ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 131.

¹² РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 136.

¹³ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 7.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 8.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 5.

и социологизаторские представления о человеке как случайном и беспомощном продукте «стихийно возникающего, органически вырастающего коллектива»¹⁷. В этом отношении он спорит с традиционными социологами (например, О. Контом, Г. Спенсером, Л. Гумпловичем), для которых человек предстает лишь членом группы, выполняющим ту или иную общественную функцию. Дискутирует он и со сторонниками сугубо материалистического подхода, обнаруживающими в личности человека только отражение классовых интересов. «Различие в том, что у “чистых социологов” – мистика масс, у исторических материалистов – мистика производительных сил»¹⁸, – резюмирует ученый.

Боровой уделяет особое внимание роли личности в истории. Интерпретаторы марксизма (Г.В. Плеханов, В.И. Ленин, Н.И. Бухарин) заявляют, что индивид представляет «определенную силу» (Плеханов 1948), однако, по мнению Борового, не дают ответа, в чем заключается эта сила. Философ приходит к выводу, что здесь марксизм противоречит себе и допускает влияние случая на общественные процессы. Также он критикует исторический материализм за то, что тот не пытается исследовать личность как таковую, а изучает вместо этого общественные условия, которые ведут к появлению определенной личности. Как считает ученый, этот подход подменяет предмет дискуссии и умаляет свободу личности. В споре с марксистами он определяет уникальность личности в первую очередь тем, что в одних и тех же условиях возникают принципиально разные человеческие типы – лидеры и те, кто за ними следует.

Отметим, что Боровой не смог найти ответа на вопрос о взаимовлиянии общества и личности: насколько общество предопределяет появление той или иной личности, и как личность, в свою очередь, предопределяет процессы в обществе. Основатель анархо-гуманизма по этому поводу пишет: «...познать и проанализировать до конца *humanum mixtum compositum* пока невозможно»¹⁹. Как считает Боровой, в определенных условиях личность, под которой он понимает личность лидера, и общество начинают в равной степени влиять друг на друга. В результате складываются диалектические отношения: «Массы подготавливают и организуют вождей. Вождь организует массы, накладывает на свою организаторскую работу печать личного своеобразия»²⁰.

Боровой не считает, что общественные процессы предопределяются чем-то абстрактным: «абсолютным духом», «исторической необходимостью» или трудом. Подобный взгляд умалял бы субъектность личности. В то же время он признает, что общество оказывает влияние на выдающуюся личность лидера. В результате отсутствует окончательный вывод о том, что является двигателем истории. Философ отмечает, что будущее безгосудар-

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 8.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 13.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 14.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 22.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 56.

ственное общество предполагает максимальное уравнение прав и возможностей личностей, но это не означает, что само общество будет защищено от влияния личности²¹. Боровой допускает, что ни анархизм, ни синдикализм не смогут защитить общество от подчинения воле гения.

Другой крайне важный вопрос для Борового – свобода личности и ее пределы. Он вновь спорит с марксизмом, подвергая критике концепцию «свободы как познанной необходимости»²². Мыслитель указывает на противоречие, лежащее в основе марксистской теории, в которой социальный процесс оказывается одновременно и предопределенным, и зависящим от волевого действия конкретного индивида: «Необходимость, которая оказывается во власти произвольной деятельности индивидов, не может называться необходимостью»²³. Философ отмечает, что марксистское понимание необходимости как определяющей силы, которая стоит выше произвольных действий отдельного человека, несовместимо с понятием истинной свободы, даже если человек добровольно делает то, что считает необходимым²⁴. Боровой пытается найти «соломоново решение», которое непротиворечивым образом примиряло бы возможность прогресса человечества в отношении достижения свободы с контекстом заданных внешне ограничений. Он считает неприемлемой противоречивую концепцию, согласно которой историческая необходимость предопределяет общественный процесс, но сохраняет за индивидом свободу выбора поведения²⁵.

Боровой в своих рассуждениях в значительной степени опирается на теорию Бергсона об ошибочности приравнивания длительности и протяжения в философском понимании терминов. Французский мыслитель отказывается от метафорического представления о времени как о пространстве. Вместо этого он предлагает смотреть на него как на «чистую длительность» (Бергсон 1992). Время – это не упорядоченный набор отдельных точек в хронологии моментов, а непрерывный и прогрессивный, необратимый поток событий. Бергсон переосмысливает представление о причинной определенности событий и отказывается от скепсиса по отношению к свободе воли. Он категорически не согласен с теорией детерминизма, согласно которой событие вызывает переживание, которое вызывает чувство, а то, в свою очередь, побуждает к действию. Эта теория предполагает предопределенность действий человека, и Бергсон, категорически не принимая ее, предлагает другой взгляд. Он постулирует органическое единство психических состояний человека, взаимопроникающих друг в друга, и непрерывно, ежемоментно определяющих траекторию развития субъекта. По Бергсону, эта целостность, возникающая из динамического потока психологических переживаний, и образует личность. Предопределенность действий человека всем спектром переживаний составляет свободу его воли.

²¹ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 55.

²² РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 55.

²³ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 136. Л. 4.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 136. Л. 8.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 136. Л. 12.

Боровой развивает бергсопианский взгляд на свободу воли, противопоставляя логическое и психологическое познание действительности. Схватенное в теоретическом мышлении будущее является предопределенным, и ни борьба, ни примирение свободы с необходимостью не являются логически возможными. Но они примираются в психике человека, потому что «наше отношение к будущему... мы осознаем в себе как продукт нашего свободного выбора»²⁶. Для философа свобода оказывается субъективным отношением к рационально познанной объективной необходимости: за человеком сохраняется выбор, принять или не принять ее.

Это преодоление строго механистической картины мира через субъективную психическую жизнь человека позволяет Боровому соединить материализм с идеализмом: «Вопреки осознанной теоретической необходимости, мы сохраняем способность к практически свободному действию»²⁷. Сама способность человека быть свободным оказывается неизбывной характеристикой личности, неотчуждаемой чертой человеческого бытия – рациональное понимание и объяснение сил, детерминирующих решения индивида, теоретическое осознание человеком причинно-следственной обусловленности собственных решений не могут освободить практику его жизненного опыта от необходимости выбора.

В принципиальной субъективной непознаваемости собственного будущего, невозможности отстраниться от необходимости практического выбора для Борового кроется природа «свободы» – субъективной «свободы выбора» личного отношения к необходимости, царящей в материальном мире. Знание объективных процессов развития природы и социума, исторической обусловленности действий индивидов и обществ не лишает человеческое сознание его мировоззренческой свободы. Даже если извне можно бихевиористски объяснить причины психического отношения индивида к процессам реальности, все эти теоретические догмы не обрушат его внутренней свободы восприятия.

Заключение

Структура политико-философской системы анархо-гуманизма может быть описана через своеобразную триаду ключевых принципов, совокупность которых определила особенное «звучание» теории Борового и неизбежность его разрыва с классическими версиями анархизма. Во-первых, динамизм – тезис о господстве движения (индивида, общества, мысли) над статикой. Во-вторых, антирационализм – преодоление наивной веры наследников Просвещения в неограниченные способности разума в пользу стихийной, деятельной практики, в пользу самой жизни. В-третьих, индивидуализм – приоритет задачи обретения личной свободы над любыми проектами коллективного будущего. Для Борового нет иного «ядра», вокруг которого могла бы сформироваться истинная политическая философия,

²⁶ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 136. Л. 11.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 136. Л. 12.

кроме конкретной личности, направляющей все свои силы на самоопределение, преодоление зависимости от внутренних и внешних обстоятельств. В результате концепцию индивидуализма Борового невозможно представить в отрыве от его концепции динамизма. Кроме того, из динамизма вытекает и антирационализм. Вера Борового в динамическую, органическую, постоянно развивающуюся жизненную силу предполагает отказ от сковывающих статических рамок чисто интеллектуального, рационалистского мышления. В свою очередь, свобода от рамок, хоть и не абсолютная, является определяющей чертой взглядов Борового на свободу личности.

Своеобразный подход Борового полон парадоксов. Философ сознательно отказывается от жесткой понятийной кодификации, не пытается загнать свое видение анархизма в «мертвую» законченную схему. Вместо этого он исходит из идеи, что путь к свободе является постоянным движением, постоянным изменением. В то же время он тратит много сил на то, чтобы философски обосновать свое видение, в том числе обращается к трудам выдающихся интеллектуалов прошлого. Столь кропотливая интеллектуальная работа, итогом которой является фактический отказ от систематизации, – лишь один из парадоксов Борового. В качестве источника других парадоксов выступает его диалектика, в первую очередь диалектика индивида и коллектива – противостояние, которое не может завершиться окончательной победой одной из сторон.

В современном мире статические, завершенные объяснительные модели, в том числе политико-правовые, не поспевают за быстро меняющейся реальностью. Они не всегда могут дать ответ на новые вызовы, и приверженцам этих схем приходится постоянно пересматривать основы их воззрений, каждый раз «строить дом заново». Анархо-гуманистические идеи не требуют принятия раз и навсегда данного набора тезисов: они обращены к действительности живого опыта, а не к конкретным его формам. Боровой предлагает не столько идеологию, сколько специфический метод интерпретации самой человеческой ситуации. Метод, который мог бы оказаться полезным в мире, ушедшем от относительной ясности модерна, но до сих пор не нашедшем ей полноценную социально-философскую альтернативу. Политический анархизм Борового оказывается лишь логическим следствием его гуманизма, потребность в котором ощущается сегодня еще острее, чем сто лет назад.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бергсон А. 1992. Опыт о непосредственных данных сознания // Бергсон А. Собрание сочинений : в 4 т. Москва : Московский клуб. Т. 1. С. 45-155.

Бердяев Н.А. 2016. Русская идея. Миросозерцание Достоевского. Москва : Издательство «Э». 512 с.

Боровой А.А. 1907. Революционное миросозерцание. Москва : Логос. 86 с.

Боровой А.А. 1917. Революционное творчество и парламент. (Революционный синдикализм). Москва : Союз труда. 84 с.

Боровой А.А. 1920. Личность и общество в анархистском мировоззрении. Петербург ; Москва : Голос труда. 99 с.

Боровой А.А. 1926. Бакунин // Михаилу Бакунину (1876–1926). Очерки истории анархического движения в России / под ред. А.А. Борового. Москва : Голос труда. С. 131-169.

Боровой А.А. 2010. Моя жизнь. Воспоминания // Человек. № 3. С. 137-153.

Боровой А.А. 2011. Анархизм. Москва : Либроком. 168 с.

Боровой А.А., Бармаш В.В., Рогдаев Н.И. 1928. Большевистская диктатура в свете анархизма. Десять лет советской власти (коллективное исследование). Париж : Дело труда. 141 с.

Бурдые П. 2016. О государстве. Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). Москва : Дело. 720 с.

Быстров А.С. 2016. Политико-правовые взгляды Алексея Алексеевича Борового (анархо-гуманизм) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. № 6. С. 184-211.

Денисенко Н.А. 2005. Политология. Новосибирск : НГТУ. 110 с.

Кропоткин П.А. 1920. Современная наука и анархия. Петербург ; Москва : Голос труда. 316 с.

Назмутдинов Б.В. 2020. Критические концепции государства и их значение для российской юриспруденции: введение в проблематику // Lex russica. Т. 73, № 6. С. 122-138. DOI 10.17803/1729-5920.2020.163.6.122-138

Плеханов Г.В. 1948. К вопросу о роли личности в истории. Москва : Госполитиздат. 47 с.

Рублев Д.И., Рябов П.В. 2011. Алексей Алексеевич Боровой: человек, мыслитель, анархист // Россия и современный мир. № 2. С. 221-239.

Рябов П.В. 2009. Философия постклассического российского анархизма –terra incognita для историко-философских исследований (к постановке проблемы) // Преподаватель XXI век. № 3. С. 289-297.

Рябов П.В. 2010а. Российское кантианство и неокантианство начала XX века в неопубликованных мемуарах А.А. Борового // Кантовский сборник. № 4. С. 97-103. DOI 10.5922/0207-6918-2010-4-10

Рябов П.В. 2010б. Алексей Боровой и философия Фридриха Ницше (из истории русского ницшеанства в начале XX века) // Преподаватель XXI век. № 2. С. 217-225.

Рябов П.В. 2010с. Анархическая философия Алексея Борового (из истории русского бергсонизма) // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. № 6. С. 24-33.

Рябов П.В. 2012. Романтический анархизм Алексея Борового (из истории русской философии жизни) // Историко-философский ежегодник 2011. Москва : Институт философии РАН. С. 416-435.

Рябов П.В. 2013. Алексей Алексеевич Боровой и Александр Иванович Герцен // Прямухинские чтения – 2012. Анархизм: от теории к движению, от движения к обществу / под ред. С.Г. Корнилова, А.М. Корниловой, П.В. Рябова и др. Москва : Футурус. С. 170-191.

Рябов П.В. 2015а. «Человек без кавычек» и «джентльмен с насмешливой физиономией» в «хрустальном дворце» (о неопубликованной книге А.А. Борового «Достоевский»). Ч. I // Философские науки. № 6. С. 121-132.

Рябов П.В. 2015б. «Человек без кавычек» и «джентльмен с насмешливой физиономией» в «хрустальном дворце» (о неопубликованной книге А.А. Борового «Достоевский»). Ч. II // Философские науки. № 7. С. 127-139.

Ударцев С.Ф. 1992. Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва. 538 с.

Bystrov A.S. 2019. The Forgotten Anarchist: Political and Legal Aspects of Alexei Borovoy's Anarcho-Humanism // Journal on European History of Law. No. 2. P. 86-100.

References

- Berdyayev N.A. *The Russian Idea. Dostoevsky's Worldview*, Moscow, Izdatel'stvo "E", 2016, 512 p. (In Russ.).
- Bergson H. An Essay on the Immediate Data of Consciousness, *Bergson H. Collected Works in 4 volumes*, Moscow, Moskovskij klub, 1992, vol. 1, pp. 45-155. (In Russ.).
- Borovoy A.A. *Anarchism*, Moscow, Librokom, 2011, 168 p. (In Russ.).
- Borovoy A.A. Bakunin, *Borovoy A.A. (ed.) Mikhail Bakunin (1876–1926). An Outline of the History of Anarchist Movement in Russia*, Moscow, Golos truda, 1926, pp. 131-169. (In Russ.).
- Borovoy A.A. My Life. Memoirs, *Chelovek [The Human Being]*, 2010, no. 3, pp. 137-153. (In Russ.).
- Borovoy A.A. *Revolutionary Creativity and Parliament. (Revolutionary Syndicalism)*, Moscow, Soyuz Truda, 1917, 84 p. (In Russ.).
- Borovoy A.A. *Revolutionary Worldview*, Moscow, Logos, 1907, 86 p. (In Russ.).
- Borovoy A.A. *The Individual and Society in the Anarchist Worldview*, Petersburg & Moscow, Golos Truda, 1920, 99 p. (In Russ.).
- Borovoy A.A., Barmash V.V., Rogdaev N.I. *Bolshevik Dictatorship in the Light of Anarchism. Ten Years of Soviet Government (collective research)*, Paris, Delo truda, 1928, 141 p. (In Russ.).
- Bourdieu P. *On the State. Lectures at the Collège de France (1989–1992)*, Moscow, Delo, 2016, 720 p. (In Russ.).
- Bystrov A.S. Political and Legal Views of Alexei A. Borovoy (Anarcho-Humanism), *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie [Proceedings of Higher Educational Institutions. Jurisprudence]*, 2016, no. 6, pp. 184-211. (In Russ.).
- Bystrov A.S. The Forgotten Anarchist: Political and Legal Aspects of Alexei Borovoy's Anarcho-Humanism, *Journal on European History of Law*, 2019, no. 2, pp. 86-100.
- Denisenko N.A. *Political Science*, Novosibirsk, NGTU, 2005, 110 p. (In Russ.).
- Kropotkin P.A. *Modern Science and Anarchy*, Petersburg & Moscow, Golos truda, 1920, 316 p. (In Russ.).
- Nazmutdinov B.V. Critical Concepts of the State and Their Significance for Russian Jurisprudence: Introduction to the Problem, *Lex Russica*, 2020, vol. 73, no. 6, pp. 122-138. (In Russ.). DOI 10.17803/1729-5920.2020.163.6.122-138
- Plekhanov G.V. *The Role of the Individual in History*, Moscow, Gospolitizdat, 1948, 47 p. (In Russ.).
- Rublev D.I., Ryabov P.V. Aleksey A. Borovoy: Man, Thinker, Anarchist, *Rossiya i sovremennij mir [Russia and the Contemporary World]*, 2011, no. 2, pp. 221-239. (In Russ.).
- Ryabov P.V. "The Man Without Quotation Marks" and "The Gentleman with the Mocking Physiognomy" in the "Crystal Palace" (on the A.A. Borovoy's unpublished book "Dostoevsky"). Part 1, *Filosofskie nauki [Russian Journal of Philosophical Sciences]*, 2015, no. 6, pp. 121-132. (In Russ.).
- Ryabov P.V. "The Man Without Quotation Marks" and "The Gentleman with the Mocking Physiognomy" in the "Crystal Palace" (on the A.A. Borovoy's Unpublished Book "Dostoevsky"). Part 2, *Filosofskie nauki [Russian Journal of Philosophical Sciences]*, 2015, no. 7, pp. 127-139. (In Russ.).
- Ryabov P.V. Alexei A. Borovoy and Alexander I. Herzen, *Kornilov S.G., Kornilova A.M., Ryabov P.V. and others (eds.) Pryamuhinskie chteniya – 2012. Anarhizm: ot teorii k dvizheniyu, ot dvizheniya k obshchestvu [2012 Pryamuchino Readings. Anarchism: From Theory to Movement, from Movement to Society]*, Moscow, Futuris, 2013, pp. 170-191. (In Russ.).

Ryabov P.V. Alexey Borovoy and the Philosophy of Friedrich Nietzsche (From the History of Russian Nietzscheanism at the Beginning of the 20th Century), *Prepodavatel' XXI vek* [The 21st Century Teacher], 2010, no. 2, pp. 217-225. (In Russ.).

Ryabov P.V. Philosophy of Russia's Post-classical Anarchism – Terra Incognita for the Historical and Philosophical Studies (to the Problem), *Prepodavatel' XXI vek* [The 21st Century Teacher], 2009, no. 3, pp. 289-297. (In Russ.).

Ryabov P.V. Romantic Anarchism of Alexei Borovoy (From the History of Russian Philosophy of Life), *Istoriko-filosofskij ezhegodnik 2011* [Historical and Philosophical Yearbook 2011], Moscow, Institut filosofii RAN, 2012, pp. 416-435. (In Russ.).

Ryabov P.V. Russian Kantianism and Neo-Kantianism of the Beginning of the 20th Century in the Unpublished Memoirs of A.A. Borovoi, *Kantovskij sbornik* [Kantian Journal], 2010, no. 4, pp. 97-103. (In Russ.). DOI 10.5922/0207-6918-2010-4-10

Ryabov P.V. The Anarchist Philosophy of Alexei Borovoy (From the History of Russian Bergsonianism), *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta* [Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University], 2010, no. 6, pp. 24-33. (In Russ.).

Udartsev S.F. *Political and Legal Theory of Anarchism in Russia: History and Contemporary Realities*: D.Sc. thesis, Moscow, 1992, 538 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Родион Юрьевич Белькович

кандидат юридических наук, доцент департамента теории права и сравнительного правоведения факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия;
ORCID: 0000-0003-0519-859X;
ResearcherID: L-2577-2015;
SPIN-код: 7272-7097;
E-mail: rbelkovich@hse.ru

Андрей Сергеевич Быстров

кандидат юридических наук, доцент департамента теории права и сравнительного правоведения факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия;
ORCID: 0000-0002-6855-5817;
ResearcherID: A-8433-2016;
SPIN-код: 2648-4122;
E-mail: abystrov@hse.ru

Сергей Валерьевич Виноградов

аспирант; преподаватель департамента права цифровых технологий и биоправа факультета права; стажер-исследователь лаборатории комплексных междисциплинарных проектов Центра фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия;
ORCID: 0000-0001-8621-3637;
ResearcherID: GRO-1650-2022;
SPIN-код: 9071-3294;
E-mail: svinogradov@hse.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rodion Yu. Belkovich

Candidate of Law, Associate Professor, School of Theory of Law and Comparative Law, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0003-0519-859X;
ResearcherID: L-2577-2015;
SPIN-code: 7272-7097;
E-mail: rbelkovich@hse.ru

Andrey S. Bystrov

Candidate of Law, Associate Professor, School of Theory of Law and Comparative Law, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0002-6855-5817;
ResearcherID: A-8433-2016;
SPIN-code: 2648-4122;
E-mail: abystrov@hse.ru

Sergey V. Vinogradov

PhD Student; Lecturer, School of Digital Law and Bio-Law, Faculty of Law; Junior Research Fellow, Laboratory for Comprehensive Interdisciplinary Projects, Centre for Fundamental Research, National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0001-8621-3637;
ResearcherID: GRO-1650-2022;
SPIN-code: 9071-3294;
E-mail: svinogradov@hse.ru

Лютова О.И. Налоговые обязанности в цифровую эпоху: периодизация правового регулирования // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 73-88. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_1_73

УДК 347.73

DOI 10.17506/26867206_2024_24_1_73

Налоговые обязанности в цифровую эпоху: периодизация правового регулирования

Ольга Игоревна Лютова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
г. Москва, Россия
E-mail: olyutova@hse.ru

*Поступила в редакцию 31.07.2023, поступила после рецензирования 30.12.2023,
принята к публикации 22.01.2024*

Современный период развития российского права тесно связан с процессами цифровизации, существенным образом меняющими ландшафт правового регулирования многих сфер общественных отношений. В частности, цифровая эпоха предполагает поэтапную трансформацию налогового права, и каждый из этих этапов отличается видом цифровых технологий, используемых субъектами налоговых правоотношений. Происходящие изменения затрагивают как правовое регулирование налогообложения в целом, так и отдельные институты налогового права, прежде всего, институт налоговой обязанности, играющий в системе отрасли ключевую роль. В статье проводится анализ теоретических подходов к периодизации развития правового регулирования налоговых отношений в целом, а также института налоговой обязанности. Подчеркивается, что подобная периодизация напрямую связана с поступательным внедрением цифровых технологий в сферу налогообложения. Предлагается трехэтапная модель цифрового развития института налоговой обязанности, которая формируется в настоящее время и включает в себя

© Лютова О.И., 2024

автоматизацию, цифровизацию и роботизацию. Первый этап предполагает автоматизацию налоговых обязанностей – использование субъектами налоговых отношений онлайн-сервисов, внедрение и развитие системы электронного документооборота и иных IT-проектов Федеральной налоговой службы России. Это, в свою очередь, приводит к оптимизации процесса исполнения налоговых обязанностей. На втором этапе происходит внедрение блокчейна и других цифровых технологий, что влечет за собой качественную трансформацию налогового администрирования и задействует новых участников налоговых правоотношений. Роботизация налоговых обязанностей как результат внедрения технологии искусственного интеллекта находится на начальной стадии своего развития. В статье анализируется потенциальная возможность и риски введения налога на искусственный интеллект, а также вероятные изменения системы исчисления страховых взносов вследствие замены роботами отдельных профессий и категорий работников.

Ключевые слова: цифровая эпоха, цифровые технологии, налоговые обязанности, автоматизация, цифровизация, блокчейн, роботизация, искусственный интеллект

Благодарности: Статья подготовлена в рамках задания Администрации Президента России по проведению научного исследования «Экспертно-аналитическое обеспечение Референтуры Президента Российской Федерации».

Tax Obligations in the Digital Era: Periodization of Legal Regulation

Olga I. Lyutova

National Research University Higher School of Economics (HSE University)

Moscow, Russia

E-mail: olyutova@hse.ru

Received 31.07.2023, revised 30.12.2023, accepted 22.01.2024

Abstract. The current stage of development of Russian law is closely connected with the processes of digitalization, which significantly change the landscape of legal regulation in many spheres of public relations. The digital era, in particular, implies the gradual development of tax law, with each stage differing in the type of digital technologies used by subjects involved in tax legal relations. These ongoing changes affect both the overall legal framework of taxation and specific institutions within tax law, most notably, the concept of tax obligations, which plays a key role in the tax system. The article analyzes theoretical approaches to the periodization of the development of legal regulation of tax relations in general, as well as the institution of tax obligations. Emphasis is placed on the direct correlation between periodization and the gradual integration of digital technologies in the field of taxation. A three-stage model of digital development of the institution of tax obligations is proposed, which is currently being formed and includes automation, digitalization and robotization. The first stage entails the automation of tax obligations – the use of online services by subjects involved in tax legal relations, the introduction and development of an electronic document management system, and other IT projects of the Federal Tax Service of Russia. This, in turn, leads to optimization of the process of fulfilling tax obligations. At the second stage, blockchain and other digital technologies are being introduced, which entails a qualitative transformation of tax administration and involves new participants in tax legal relations. The robotization of tax obligations through

the introduction of artificial intelligence is still in its early stages of development. The article analyzes the potential opportunities and risks associated with implementing a tax on artificial intelligence, as well as probable changes in the insurance premium calculation due to the replacement of certain professions and categories of employees by robots.

Keywords: digital era, digital technologies, tax obligations, automation, digitalization, blockchain, robotization, artificial intelligence

Acknowledgements: The article was prepared as part of the assignment of the Presidential Executive Office of Russia to conduct the research “Expert and Analytical Support for the Presidential Speechwriting Office”.

For citation: Lyutova O.I. Tax Obligations in the Digital Era: Periodization of Legal Regulation, *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 73-88. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_1_73

Введение

Процесс цифровизации имеет не только содержательные характеристики, которые влекут за собой глубинную трансформацию государства и общества, но и временные рамки, выражающиеся в поэтапном внедрении цифровых технологий в государственное управление, различные сферы производства и общественной жизни. Что касается правовой доктрины, то современный этап ее развития именуется цифровой эпохой, или эпохой «электронной цифры» (Хабриева 2018: 6), причем это справедливо как в отношении отдельных отраслей права, так и его институтов (Галиев 2018; Пашенцев, Залоило 2019; Серова 2019; Грачева 2020; Силкин 2021; Ковлер 2022; Кравец 2023). В этой связи актуализируется вопрос периодизации – выделения этапов – цифрового развития правовой системы и ее элементов, поскольку любая эпоха, представляя собой длительный временной период, в течение которого происходит ряд важных, значимых событий¹, характеризуется стадиями, отражающими поступательное развитие соответствующих процессов и явлений.

Одной из наиболее динамичных сфер в контексте цифрового развития выступает налогообложение, что требует выработки новых подходов к реализации многих налоговых норм и, прежде всего, к институту налоговой обязанности, выступающему при этом в качестве действенного инструмента оценки адекватности правовых реформ налогового законодательства (Лютова 2022а: 116). Безусловный исследовательский интерес представляет периодизация цифрового развития содержания обязанностей налогоплательщика. На наш взгляд, в данном случае возможно конструирование модели, устанавливающей соотношение между этапом цифровой эпохи и видом налоговых обязанностей, развивающихся в результате применения соответствующих технологий².

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. 1994. Толковый словарь русского языка. Москва : АЗЪ. С. 899-900.

² В контексте настоящего исследования понятие «этап» имеет в большей степени «технический» смысл, поскольку не предполагает установления четких временных рамок, однако позволяет отследить динамику внедрения различных технологических решений с точки зрения их влияния на изменение структуры и содержания тех или иных налоговых обязанностей.

Разработка подобной периодизация имеет важное теоретическое и практическое значение. Для правовой доктрины это обеспечит возможность осмысления до настоящего времени практически не исследованных крупных научно-теоретических проблем в рамках заявленного горизонта цифрового развития правового регулирования и правоприменения в сфере налогообложения. Прикладная значимость исследования заключается в решении ряда практико-ориентированных задач, например, установлении возможностей применения тех или иных цифровых технологий к каким-либо обязанностям налогоплательщиков с точки зрения правового обеспечения соответствующего процесса.

Статья состоит из двух частей. В первом разделе характеризуются теоретические подходы к периодизации развития правового регулирования налоговых отношений в целом и налоговых обязанностей в частности в контексте применения к ним понятия «цифровая эпоха». На основе сделанного вывода о трехэтапности внедрения цифровых технологий в исполнение налоговых обязанностей во втором разделе статьи прослеживается цифровая трансформация соответствующего правового института и формулируются ключевые особенности каждого этапа.

Подходы к периодизации цифрового развития правового регулирования налогообложения и налоговых обязанностей

Развитие правового регулирования и системы государственного управления в условиях цифровизации в контексте выделения ее этапов активно обсуждается в правовой литературе, в результате чего традиционно выделяют такие периоды, как автоматизация (информатизация), собственно цифровизация и роботизация на основании внедрения технологии искусственного интеллекта (Южаков, Талапина, Ефремов 2018: 237; Кузякин, Кузякин 2023: 56-57).

Однако периодизация развития налогового права и отдельных его институтов в качестве самостоятельного исследования ранее не проводилась. Надо полагать, что это связано с распространенным мнением о непродолжительности периода внедрения цифровых технологий в налогообложение (см., напр.: Евневич, Иванова 2023). Действительно, несмотря на лидирующие позиции в области налогового администрирования, временной диапазон цифровизации налогообложения в России составляет 25–30 лет, что существенно меньше, чем в зарубежных странах.

Тем не менее имеются отдельные оценки, позволяющие говорить о признании самого факта этапности развития налогово-правовых институтов, происходящего в результате реализации цифровой повестки (Покачолова, Беликов 2022; Цинделиани 2023). По поводу автоматизации можно встретить утверждение, что «Налоговая служба с 1990 г. занимается автоматизацией своей работы. За 30 лет был пройден путь от печатной машинки налогового инспектора до информационной системы, охватывающей почти все направления деятельности Службы, и современных центров обра-

ботки данных»³. Также встречаются отдельные упоминания автоматизации функций налогового администрирования в связи с разработкой интернет-сервиса «Личный кабинет налогоплательщика»⁴ и созданием автоматизированной системы налогового контроля за исчислением и уплатой налога на добавленную стоимость (Трунцевский, Курмаев 2015; Смирнова 2017; Коваленко, Леонов 2021).

В научной литературе по налоговому праву цифровизация обычно ассоциируется с автоматизацией различных процессов налогообложения и видов налоговых обязанностей (Анисина 2019; Мошкова 2021). Вероятно, причина заключается в том, что цифровизация налогообложения как качественное изменение структуры и содержания налоговых отношений в результате применения новейших технологий возможна только в случае автоматизации функций налоговых органов, связанных с налоговым администрированием. Например, внедрение и использование налогоплательщиками мобильных приложений результативно при условии предварительной автоматизации процедур налоговой отчетности и обеспечения информационного взаимодействия полномочий налоговых органов.

Что касается выделения периодов развития налоговых отношений и налоговых обязанностей, то о них упоминали спикеры конференции «Налогообложение в условиях цифровой реальности: вызовы налогового администрирования и решения для бизнеса», состоявшейся в апреле 2019 г. в рамках Российской налоговой недели. Так, А.В. Брызгалин выделил в этом процессе три этапа:

1) модель «цифровой зрелости» – веб-сайты, персональные электронные сервисы, электронный документооборот (далее – ЭДО) и отчетность;

2) «полностью цифровая организация» процессов администрирования (мобильные приложения, индивидуальные проактивные сервисы);

3) «адаптивная платформа» (2025 г.), соединяющая IT-платформы Федеральной налоговой службы (далее – ФНС) и налогоплательщиков в режиме реального времени, когда исполнение налоговых обязательств происходит в автоматическом режиме и «без усилий»⁵.

Временные рамки при этом указаны только для периода платформизации налогообложения, и не учитывается этап роботизации, актуальный для текущих условий развития налогового администрирования. Полагаем, что такая периодизация характеризует, скорее, стадии цифровизации, а не цифровой эпохи как более масштабного и продолжительного явления.

³ Михаил Мишустин: цифровизация налоговых органов позволяет строить экономико-госу доверия // Федеральная налоговая служба. 14.03.2019. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/8532147/ (дата обращения: 30.07.2023).

⁴ Лермонтов Ю.М. Постатейный комментарий к части первой Налогового кодекса Российской Федерации, 2013 г. // Гарант: справочно-правовая система. URL: <https://base.garant.ru/57798626/> (дата обращения: 30.07.2023).

⁵ Налогообложение в условиях цифровой реальности: вызовы налогового администрирования и решения для бизнеса // Палата налоговых консультантов. URL: <https://palata-nk.ru/about/news/nalogooblozhenie-v-usloviyakh-tsifrovoy-realnosti-vyzovy-nalogoogo-administrirovaniya-i-resheniya-d/> (дата обращения: 30.07.2023).

Таким образом, вопросы выделения периодов цифрового развития налогообложения и налоговых обязанностей, а также установления их продолжительности с точки зрения критерия времени исследуются фрагментарно, что обуславливает актуальность разработки соответствующей проблематики.

В то же время отметим наличие сформированной позиции государственных органов по вопросу определения понятий и разграничения цифровизации и автоматизации в сфере налогообложения. Согласно определению Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, цифровизация (цифровое развитие) – это процесс организации выполнения в цифровой среде функций и деятельности (бизнес-процессов), ранее выполнявшихся людьми и организациями без использования цифровых продуктов⁶. Схожий по своей сути подход содержится в документах ФНС. Например, перевод документов в электронную форму, в том числе их оборот и хранение, понимается как цифровизация финансово-хозяйственной деятельности⁷. Исходя из этого, можно заключить, что органы исполнительной власти оценивают автоматизацию отдельных направлений своей работы и функций, связанных с администрированием налогов и сборов, в том числе осуществляемую за счет перевода взаимодействия с частными субъектами в формат ЭДО, как проявление цифровизации их деятельности, признавая тем самым цифровизацию и автоматизацию полностью или частично синонимичными понятиями (Лютюва 2022b: 44-45).

Что касается цифровых технологий и упорядочения их множества, то в отношении сферы налогообложения и различных видов налоговых отношений имеются отдельные высказывания представителей государственных органов. В 2017 г. М.В. Мишустин, занимавший на тот момент пост руководителя ФНС, в своем выступлении на Московском финансовом форуме выделил четыре основных блока прорывных технологий, которые позволят России приобрести конкурентное преимущество перед зарубежными налоговыми администрациями:

- 1) большие данные – *Big Data* (аналитика в реальном времени, создание единого файла налогоплательщика);
- 2) умные порталы (единая точка доступа к электронным услугам; совершение транзакций онлайн);
- 3) мобильные технологии (доступ к сервисам в режиме 24/7);

⁶ Приказ Минкомсвязи России от 1 августа 2018 г. № 428 «Об утверждении разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы “Цифровая экономика Российской Федерации”» // КонсультантПлюс. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minkomsvjazi-rossii-ot-01082018-n-428-ob-utverzhdanii/?ysclid=lt9rlpch8o672200998> (дата обращения: 30.07.2023).

⁷ Утверждены документы для электронного взаимодействия бизнеса, госорганов и операторов ЭДО // Федеральная налоговая служба. 17.06.2021. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/11046072/?ysclid=lt9t75x0wn880767197 (дата обращения: 30.07.2023).

4) искусственный интеллект (работа с новыми видами данных, автоматизация ряда процессов)⁸.

Надо полагать, что глава ФНС перечислил технологии, которые, по его мнению, играют ключевую роль в контексте цифровизации налогообложения. Признавая безусловную ценность каждой из них в вопросе влияния на совершенствование правового регулирования налоговых обязанностей, отметим, что если придерживаться концепции трех этапов цифровой эпохи (автоматизация, цифровизация, роботизация), выработанной в рамках теории государственного управления и в работах по теории права, то технологии 1–3 относятся ко второму этапу, а технология 4 – к третьему.

Таким образом, цифровая эпоха развития института налоговой обязанности ранее не была предметом самостоятельных научных исследований. Данное обстоятельство актуализирует ее рассмотрение с точки зрения деления на три этапа – автоматизация, цифровизация и роботизация. Прежде чем приступить к их характеристике, выделим ряд особенностей данной периодизации:

– относительная непродолжительность цифровой эпохи развития правового регулирования института налоговой обязанности и налогообложения в целом (для нашего государства она насчитывает не более 25–30 лет);

– условность следования периодов друг за другом, связанная с их незавершенностью. Так, в условиях преимущественного перехода к роботизации реализуются проекты по автоматизации, например, внедрение механизма единого налогового платежа;

– «обращенность в будущее», предполагающая актуальность реализации мероприятий этапов цифровой эпохи правового регулирования налоговых обязанностей. Например, развитие правового регулирования внедрения технологии искусственного интеллекта в налоговое администрирование.

Характеристика этапов цифрового развития налоговых обязанностей

Первый этап – автоматизация (информатизация) налоговых обязанностей. Под ней мы понимаем внедрение в процесс исполнения налоговых обязанностей современных цифровых технологий, автоматизирующих процессы взаимодействия налоговых органов с налогоплательщиками путем замены отдельных действий технологичными решениями. Автоматизация предполагает использование ряда технологий, которые будут рассмотрены нами далее.

Электронные (онлайн) сервисы. На сегодняшний день на сайте ФНС России представлено более 50 онлайн-сервисов. С.А. Ядрихинский, подчеркивая значимость использования таких сервисов, указывает, что они

⁸ Пленарная сессия II Московского финансового форума (Москва, 8 сентября 2017 г.) // Московский финансовый форум. URL: https://vk.com/video/playlist/-169401082_2?z=video-169401082_456239113%2Fclub169401082%2Fpl_-169401082_2 (дата обращения: 03.12.2023).

представляют собой инструментальную основу построения партнерской модели отношений государства и налогоплательщиков (Ядрихинский 2021). Некоторые сервисы обладают исключительно информационным функционалом: «Узнай ИНН»; «Создай свой бизнес»; «Адрес и платежные реквизиты вашей инспекции»; «Справочная информация о ставках и льготах по имущественным налогам»; «Письма ФНС России, направленные в адрес территориальных налоговых органов»; «Часто задаваемые вопросы»; «Онлайн-запись на прием в налоговый орган»; «Риски бизнеса: проверь себя и контрагента» и т.д. Другие сервисы позволяют получать информацию, относящуюся к конкретному налогоплательщику и его обязанностям: «Обратиться в ФНС России», «Узнать о жалобе», «Подача заявления физического лица о постановке на учет» и пр.

Основным онлайн-сервисом в силу универсальности его функционала является личный кабинет налогоплательщика. Как отмечает Р.Г. Домов, различные авторы рассматривают его и как информационный ресурс, и как правовой механизм, и как систему обеспечения ЭДО в налоговой сфере, и как одно из направлений информатизации и даже цифровизации налоговых правоотношений (Домов 2020). По справедливому замечанию В.Ю. Абрамова и Ю.В. Абрамова, в случаях, предусмотренных Налоговым кодексом Российской Федерации (далее – НК РФ), личный кабинет может быть использован для реализации налогоплательщиками и налоговыми органами своих прав и обязанностей (Абрамов, Абрамов 2023), то есть совершаемые в нем действия имеют правовое значение и соответствующие последствия.

Коллектив авторов Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ характеризует личные кабинеты налогоплательщиков как цифровые способы взаимодействия с налоговым органом, которые появляются в результате выбранных Россией направлений развития налогового администрирования, соответствующих общемировым тенденциям (Кучеров, Сеницын 2022).

Личные кабинеты обеспечивают влекущее юридические последствия информационное взаимодействие налоговых органов и налогоплательщиков в онлайн-формате, в результате чего осуществляется исполнение обязанностей налогоплательщиков при отсутствии необходимости его дублирования посредством бумажного документооборота.

Сервис предусмотрен ст. 11.2 НК РФ, введен в эксплуатацию ФНС в полном объеме, актуальном на сегодняшний день, для физических лиц, индивидуальных предпринимателей и организаций⁹. Соответственно, в зави-

⁹Приказ ФНС России от 10 марта 2016 г. № ММВ-7-6/125@ «О вводе в промышленную эксплуатацию модернизированного программного обеспечения интерактивных сервисов “Личный кабинет налогоплательщика для физических лиц”, “Личный кабинет налогоплательщика индивидуального предпринимателя”, “Личный кабинет налогоплательщика юридического лица”» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195330/?ysclid=lt9zvnvqape363133167; Приказ ФНС России от 21 марта 2017 г. № ММВ-7-6/230@ «О вводе в промышленную эксплуатацию мобильных приложений для интерактивного сервиса “Личный

симости от субъекта налоговых отношений различается, какие налоговые обязанности трансформируются.

С точки зрения уплаты налогов, сервис «Личный кабинет налогоплательщика – физического лица» выполняет, прежде всего, информационную функцию, поскольку позволяет получить сведения о суммах начисленных и уплаченных налогов; наличии или отсутствии налоговой задолженности, ее размере; объектах движимого и недвижимого имущества, подлежащих налогообложению; помогает контролировать состояние расчетов в рамках исполнения обязанности по уплате налогов. Сервис «Личный кабинет налогоплательщика – юридического лица» также позволяет осуществлять расчеты с бюджетом, автоматизируя налоговые обязанности юридических лиц. Сервис обеспечивает возможность заполнить налоговую декларацию и представить ее в налоговый орган, а также осуществить постановку на учет в налоговых органах в качестве налогоплательщика.

Принципиально важной новеллой сервиса «Личный кабинет налогоплательщика – физического лица» является введение в действие норм о едином налоговом платеже, осуществлять который, отслеживать его динамику и состояние возможно при использовании личного кабинета. Также налогоплательщик может уплачивать налоги и получать уведомления об исчисленных суммах налогов. Таким образом, сервис становится средством осуществления контроля налогоплательщиком за состоянием своего единого налогового счета, то есть за тем, каким образом исполняется обязанность по уплате налога.

Внедрение механизма единого налогового платежа является новым этапом цифрового развития обязанности по уплате налога, меняет структуру и порядок исполнения самой обязанности. На наш взгляд, реализация норм о едином налоговом платеже как новом налоговом-правовом феномене сопряжена с рядом сложностей практического характера, а также вызывает некоторые вопросы у теоретиков налогового права, в связи с чем такой механизм исполнения налоговой обязанности заслуживает отдельного исследования за рамками настоящей статьи.

Электронная система документооборота. ЭДО может применяться не только в моделях B2G (business-to-government/бизнес – госорганы), но и B2B (business-to-business/бизнес – бизнес), B2C (business-to-consumer/бизнес – потребители) и G2C (government-to-citizen/государство – граждане)¹⁰. Здесь необходимо отметить следующее.

кабинет налогоплательщика индивидуального предпринимателя” для оперативных систем iOS и Android» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214392/?ysclid=lt9zq0igw777940708; Приказ ФНС России от 22 августа 2017 г. № ММВ-7-17/617@ «Об утверждении порядка ведения личного кабинета налогоплательщика» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285308/?ysclid=lt9zrfgy5v838846440 (дата обращения: 30.07.2023).

¹⁰ Зарипов В. Электронный документооборот позволит собирать налоги незаметно // Pepeliaev Group. 11.01.2021. URL: <https://www.pgplaw.ru/analytics-and-brochures/articles-comments-interviews/elektronnyy-dokumentoorot-pozvolit-sobirat-nalogi-nezametno/> (дата обращения: 30.07.2023).

Во-первых, для обеспечения процессов обработки документов в электронном виде, участниками которых являются хозяйствующие субъекты (продавцы и покупатели), а также операторы ЭДО, утверждена Концепция электронного документооборота в хозяйственной деятельности, а также план мероприятий для ее реализации, которые разрабатывались совместно с ФНС России Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованием информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности.

Во-вторых, являясь одним из направлений использования цифровых технологий с точки зрения трансформации налоговых обязанностей, система ЭДО призвана обеспечить процесс представления налоговых деклараций и бухгалтерской отчетности по телекоммуникационным каналам связи. Такой документооборот осуществляется на основании внедрения изначально прошедшего опытную эксплуатацию программного обеспечения «Система юридически значимого электронного документооборота при представлении налоговых деклараций (расчетов), бухгалтерской отчетности и других документов в электронном виде»¹¹.

Ценность ЭДО состоит в возможности представления налоговой и бухгалтерской (финансовой) отчетности в электронной форме по телекоммуникационным каналам связи через операторов с применением усиленной квалифицированной электронной цифровой подписи. Операторы ЭДО должны отвечать установленным требованиям и иметь определенную технологическую готовность для обеспечения процесса представления отчетности.

Следовательно, у налогоплательщика появляется новая обязанность – привлечение посредника и выбор оптимального сервиса ЭДО. Через оператора ЭДО можно передать не только налоговые декларации, но и сведения об уплате страховых взносов, а также счета-фактуры и бухгалтерские отчеты. Это обуславливает необходимость широкого рассмотрения понятия налоговой обязанности, а также дискуссию о «налоговых целях» бухгалтерского учета. Полный переход на ЭДО должен привести, по оценкам экспертов (Брызгалин, Федорова, Королева 2021), к исчислению всех налогов не налогоплательщиками, а налоговыми органами, то есть к постепенному отказу от установления на законодательном уровне обязанности по представлению налоговой отчетности.

¹¹ Приказ ФНС России от 12 ноября 2012 г. № ММВ-7-6/839@ «О проведении опытной эксплуатации программного обеспечения «Система юридически значимого электронного документооборота при представлении налоговых деклараций (расчетов), бухгалтерской отчетности и других документов в электронном виде» // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=544873#VZ1Gs5UEdZvRWLnJ1>; Приказ ФНС России от 30 мая 2014 г. № ММВ-7-6/307@ «О вводе в промышленную эксплуатацию программного обеспечения «Система юридически значимого электронного документооборота при представлении налоговых деклараций (расчетов), бухгалтерской отчетности и других документов в электронном виде» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_152353/ (дата обращения: 30.07.2023).

Иные IT-проекты – онлайн-кассы, маркировка товаров, система прослеживаемости товаров и т.п. Сюда можно отнести различные электронные услуги, разработанные и внедренные ФНС с целью обеспечения электронного взаимодействия с налогоплательщиками, например, осуществление государственной регистрации юридических и физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей. Наиболее ярким примером является исполнение налоговых обязанностей посредством использования мобильного приложения «Мой налог», а также онлайн-касс организациями-налогоплательщиками для передачи сведений о совершенных ими реализационных операциях. Отметим, что онлайн-проекты ФНС фактически затрагивают такие основные налоговые обязанности, как уплата налога, осуществление постановки на налоговый учет, сдача налоговой и бухгалтерской отчетности и пр.

Второй этап – цифровизация налоговых обязанностей. Он включает внедрение блокчейн и иных цифровых технологий. Блокчейн предполагает качественную трансформацию осуществления полномочий по налоговому администрированию, что, в свою очередь, задействует новых участников налоговых правоотношений, которые должны будут реализовывать отношения по цифровому посредничеству в виде обеспечения уплаты налогов, а также передачи сведений от налогоплательщика налоговым органам. Помимо этого, внедрение блокчейн, облачных решений и прочих умных технологий существенным образом меняет традиционные представления о самом налоге, понятие которого лежит в основе толкования большинства налогово-правовых категорий, в первую очередь налоговой обязанности. Это может привести к появлению так называемых умных налогов, уплата которых будет осуществляться в транзакционном порядке, то есть автоматически в момент совершения операции, облагаемой таким налогом.

В качестве своеобразного прообраза умных налогов можно рассматривать налог на профессиональный доход через мобильное приложение «Мой налог», обеспечивающее взаимодействие налогоплательщиков, налоговых органов и цифровых платформ-операторов электронных площадок. На сегодняшний день уплата такого налога не является в полной мере автоматизированной. Именно внедрение блокчейн-технологии при одновременном развитии правового регулирования статуса участников соответствующих налоговых отношений (в частности, цифровых платформ и банков) позволит реализовать идею умного налога на практике (Лютова 2020).

Третий этап – роботизация и применение технологии искусственного интеллекта. На сегодняшний день эти процессы находятся на начальной стадии своего развития – в налоговое администрирование постепенно внедряется так называемый слабый искусственный интеллект. При этом рассмотрение вопросов трансформации налогообложения осложняется отсутствием в правовой науке единого подхода к толкованию понятия «искусственный интеллект». На наш взгляд, при анализе перспектив роботизации исполнения налоговых обязанностей целесообразно основываться на трактовке искусственного интеллекта как некой самоорганизующейся

компьютерно-аппаратно-программной виртуальной или киберфизической системы (юнита) (Морхат 2018).

Необходимо учитывать, что налоговые последствия от внедрения технологии искусственного интеллекта будут вторичными по отношению к трансформации трудовых правоотношений в результате полной или частичной замены роботами отдельных профессий или видов деятельности. Соответственно, роботизация затронет содержание и структуру всех налоговых обязанностей, так или иначе связанных с вознаграждением за трудовую деятельность либо за осуществление работ и оказание услуг. В этой связи представляется целесообразным рассматривать налоговую обязанность в широком смысле как совокупность обязанностей по уплате не только налогов, но и иных обязательных платежей, в частности, страховых взносов, исчисление и уплата которых также регулируется налоговым законодательством.

В случае активизации процессов роботизации вероятная трансформация содержания и видов налоговых обязанностей видится следующим образом:

- введение нового платежа в систему подоходного налогообложения – налог на искусственный интеллект;
- дальнейшее развитие правового регулирования налоговых льгот для организаций в целях стимулирования производства и приобретения отечественных ИТ-технологий, связанных с применением оборудования на основе искусственного интеллекта;
- изменение правового регулирования исчисления страховых взносов вследствие замены роботами отдельных профессий и категорий работников.

Если говорить о налоге на искусственный интеллект, то, на наш взгляд, принципиально важна экономическая обоснованность его введения. Увеличение налогового бремени налогоплательщиков за счет новых налогов представляет собой весьма сложную проблему, требующую взвешенных подходов, основанных на экономических данных о трансформации системы налогообложения доходов и прибыли в результате внедрения технологии искусственного интеллекта.

Возможная активизация использования данной технологии способна повлечь за собой замену роботами отдельных категорий работников и профессий, что, в свою очередь, приведет к возникновению ситуации выпадающих доходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, получаемых в настоящее время от уплаты налогов с доходов таких работников. При этом налог на искусственный интеллект в случае его введения должен иметь собственный объект налогообложения, отличный от объектов иных налогов. Сложность обоснования самостоятельного объекта обложения в отношении доходов, получаемых с использованием искусственного интеллекта, заключается, прежде всего, в отсутствии однозначного понимания самого феномена, что переводит введение соответствующего налога в разряд преждевременных вопросов.

Что касается страховых взносов в условиях роботизации, то обложение такими обязательными платежами доходов, получаемых при использовании технологии искусственного интеллекта, требует разработки новых

подходов к установлению размера взносов. Это может быть осуществлено путем использования двух групп правил расчета: с одной стороны, для сервисных роботов, предназначенных для обслуживания объектов инфраструктуры и применяемых в сфере связи и коммуникаций, с другой – для промышленных роботов, выполняющих задачи по автоматизации. Такой подход обусловлен тем, что промышленные роботы с трудом идентифицируются с точки зрения профессии, поскольку могут замещать нескольких работников с разными трудовыми функциями, а сервисные роботы выполняют отдельные типовые функции, результаты их работы просчитываются с большей степенью вероятности, для них возможно осуществление «привязки» к конкретной профессии или выполняемой трудовой функции.

Заключение

Объективная сложность и многогранность цифровизации дает возможность рассматривать ее в качестве процесса поступательного развития и внедрения цифровых технологий, условно называемого цифровой эпохой, или эрой цифрового развития. Ее этапами выступают автоматизация, цифровизация и роботизация, выделение которых напрямую связано с технологическими решениями, существенным образом меняющими ландшафт правового регулирования общественных отношений.

Цифровая трансформация налоговой обязанности, являющейся основной обязанностью налогоплательщика, также проходит в своем развитии ряд стадий, что позволяет говорить о наступлении цифровой эпохи развития содержания налоговых обязанностей. Это выражается в развитии правового регулирования различных элементов налоговых обязанностей, а также в изменении их содержания.

Анализ процесса развития института налоговой обязанности в цифровую эпоху показывает, что в результате цифровой трансформации сферы налогообложения формируется трехмерная модель периодизации развития правового регулирования налоговых обязанностей, предполагающая установление соотношения между периодом цифровой эпохи, используемым в этот период набором цифровых технологий и видом налоговых обязанностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абрамов В.Ю., Абрамов Ю.В. 2023. Правовое регулирование новых видов предпринимательской деятельности. Москва : Юстицинформ. 320 с.

Анисина К.Т. 2019. Цифровая экономика как инструмент стимулирования в системе налоговых доходов // Финансовое право. № 12. С. 29-33.

Брызгалин А.В., Федорова О.С., Королева М.В. 2021. Налоги России. Итоги 2020. Топ-10/2020. Самые значимые события 2020 года в сфере налогообложения и налоговой политики // Налоги и финансовое право. № 1. С. 12-116.

Галиев М.С. 2018. Право на защиту как общеправовой принцип права в эпоху цифровой трансформации // Право и государство: теория и практика. № 8. С. 60-62.

Грачева Е.Ю. (ред.) 2020. Актуальные проблемы финансового права в условиях цифровизации экономики. Москва : Проспект. 256 с.

Домов Р.Г. 2020. Цифровизация взаимодействия налоговых органов с налогоплательщиками: проблемный комментарий к статье 11.2 Налогового кодекса РФ // *Налоги*. № 1. С. 10-14.

Евневич М.А., Иванова Д.Б. 2023. Исследование реформ налогового управления в российской практике // *Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях*. № 3. С. 7-20.

Коваленко Н.С., Леонов Е.М. 2021. Налоговый мониторинг как инструмент налоговой цифровизации // *Закон*. № 4. С. 50-59.

Ковлер А.И. 2022. Антропология прав человека в цифровую эпоху (опыт сравнительного анализа) // *Журнал российского права*. Т. 26, № 12. С. 5-29. DOI 10.12737/jrl.2022.125

Кравец И.А. 2023. Модели конституционных изменений и конституционная реформа в цифровую эпоху: правовые, методологические и практические аспекты // *Государственная власть и местное самоуправление*. № 6. С. 3-8.

Кузякин Ю.П., Кузякин С.В. 2023. Правовое регулирование цифровых технологий в государственном управлении // *Административное право и процесс*. № 3. С. 55-58.

Кучеров И.И., Сеницын С.А. (ред.) 2022. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования. Москва : Норма : ИЗИСП. 376 с.

Лютлова О.И. 2020. Операторы электронных площадок как участники налоговых отношений цифровой эпохи (на примере налога на профессиональный доход) // *Правоприменение*. Т. 4, № 4. С. 56-67. DOI 10.24147/2542-1514.2020.4(4).56-67

Лютлова О.И. 2022а. К вопросу развития института «налоговая обязанность» в условиях цифровизации экономики // *Правоприменение*. Т. 6, № 3. С. 109-119. DOI 10.52468/2542-1514.2022.6(3).109-119

Лютлова О.И. 2022б. Обязанность постановки на учет в налоговых органах в условиях цифровизации // *Актуальные проблемы российского права*. Т. 17, № 9. С. 42-48. DOI 10.17803/1994-1471.2022.142.9.042-048

Морхат П.М. 2018. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва. 420 с.

Мошкова Д.М. 2021. Трансформация налоговых правоотношений в условиях цифровизации экономики России // *Право и цифровая экономика*. № 4. С. 56-62.

Пашенцев Д.А., Залоило М.В. (ред.) 2019. Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху. Москва : Инфра-М. 213 с.

Покачалова Е.В., Беликов Е.Г. (ред.) 2022. Правосубъектность участников финансовых правоотношений и ее трансформация в условиях развития цифровой экономики. Москва : Русайнс. 236 с.

Серова О.А. 2019. Проблемы развития методологии гражданско-правовых исследований в цифровую эпоху // *Методологические проблемы цивилистических исследований*. № 1. С. 351-362. DOI 10.33397/2619-0559-2019-1-1-351-362

Силкин В.В. 2021. Транспарентность исполнительной власти в цифровую эпоху // *Российский юридический журнал*. № 4. С. 20-31.

Смирнова Е.Е. 2017. Налоговый контроль в цифровой экономике // *Финансы*. № 11. С. 32-34.

Трунцевский Ю.В., Курмаев И.Т. 2015. Совершенствование налоговой системы России с использованием информационных технологий // *Налоги*. № 3. С. 35-38.

Хабриева Т.Я. 2018. Право перед вызовами цифровой реальности // *Журнал российского права*. № 9. С. 5-16. DOI 10.12737/art_2018_9_1

Цинделиани И.А. (ред.) 2023. Институты бюджетного и налогового права в условиях развития цифровой экономики. Москва : Проспект. 472 с.

Южаков В.Н., Талапина Э.В., Ефремов А.А. 2018. Правовые ограничения для использования прорывных цифровых технологий в государственном управлении // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. Т. 5, № 3. С. 235-247. DOI 10.22363/2312-8313-2018-5-3-235-247

Ядрихинский С.А. 2021. Цифровые технологии в налоговой сфере как инструмент конвергенции публичных и частных интересов // Трансформация моделей правового регулирования объектов инновационной инфраструктуры в современном праве: российский и зарубежный опыт / под ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. Москва : Проспект. С. 426-437.

References

Abramov V.Yu., Abramov Yu.V. *Legal Regulation of New Types of Entrepreneurial Activity*, Moscow, Justicinform, 2023, 320 p. (In Russ.).

Anisina K.T. Digital Economy as a Stimulation Tool in the Tax Income System, *Finansovoe pravo* [Financial Law], 2019, no. 12, pp. 29-33. (In Russ.).

Bryzgalin A.V., Fedorova O.S., Koroleva M.V. Taxes in Russia. Results 2020. Top 10/2020. The Most Significant Events of 2020 in the Field of Taxation and Tax Policy, *Nalogi i finansovoe pravo* [Taxes and Financial Law], 2021, no. 1, pp. 12-116. (In Russ.).

Domov R.G. Digitalization of the Interaction of Tax Authorities and Taxpayers: Problematic Comment to Article 11.2 of the Tax Code of the Russian Federation, *Nalogi* [Taxes], 2020, no. 1, pp. 10-14. (In Russ.).

Evnovich M.A., Ivanova D.B. Research on Tax Administration Reforms in the Russian Practice, *Buhgalterskij uchet v byudzhethnyh i nekommercheskih organizacijah* [Accounting in Budgetary and Non-Profit Organizations], 2023, no. 3, pp. 7-20. (In Russ.).

Galiev M.S. The Right to Protection as a General Legal Principle of Law in the Era of Digital Transformation, *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: The Theory and Practice], 2018, no. 8, pp. 60-62. (In Russ.).

Gracheva E.Yu. (ed.) *Current Problems of Financial Law in the Conditions of Digitalization of the Economy*, Moscow, Prospekt, 2020, 256 p. (In Russ.).

Khabrieva T.Ya. Law Facing the Challenges of Digital Reality, *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2018, no. 9, pp. 5-16. (In Russ.). DOI 10.12737/art_2018_9_1

Kovalenko N.S., Leonov E.M. Tax Monitoring as a Way of Tax Digitalization, *Zakon* [Law], 2021, no. 4, pp. 50-59. (In Russ.).

Kovler A.I. Anthropology of Human Rights in the Digital Age (the Essay of the Comparative Legal Method), *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2022, vol. 26, no. 12, pp. 5-29. (In Russ.). DOI 10.12737/jrl.2022.125

Kravets I.A. Models of Constitutional Changes and Constitutional Reform in the Digital Age: Legal, Methodological and Practical Aspects, *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State Power and Local Self-government], 2023, no. 6, pp. 3-8. (In Russ.).

Kucherov I.I., Sinitsyn S.A. (eds.) *Digital Economy: Current Directions of Legal Regulation*, Moscow, Norma & IZiSP, 2022, 376 p. (In Russ.).

Kuzyakin Yu.P., Kuzyakin S.V. Legal Regulation of Digital Technologies in Public Administration, *Administrativnoe pravo i process* [Administrative Law and Process], 2023, no. 3, pp. 55-58. (In Russ.).

Ljutova O.I. Electronic Platform Operators as Participants of Tax Relations in the Digital Era (the Case of Professional Income Tax), *Pravoprimenenie* [Law Enforcement], 2020, vol. 4, no. 4, pp. 56-67. (In Russ.). DOI 10.24147/2542-1514.2020.4(4).56-67

Lyutova O.I. On the Question of Development of the Institute of “Tax Obligation” in the Conditions of the Digitalization of the Economy, *Pravoprimerenie* [Law Enforcement], 2022, vol. 6, no. 3, pp. 109-119. (In Russ.). DOI 10.52468/2542-1514.2022.6(3).109-119

Lyutova O.I. The Obligation to Register with Tax Authorities in the Conditions of Digitalization, *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2022, vol. 17, no. 9, pp. 42-48. (In Russ.). DOI 10.17803/1994-1471.2022.142.9.042-048

Morkhat P.M. *Legal Personality of Artificial Intelligence in the Field of Intellectual Property Law: Civil Law Problems*: D.Sc. thesis, Moscow, 2018, 420 p. (In Russ.).

Moshkova D.M. Transformation of Tax Legal Relations in the Conditions of Digitalization of the Russian Economy, *Pravo i cifrovaya ekonomika* [Law and Digital Economy], 2021, no. 4, pp. 56-62. (In Russ.).

Pashentsev D.A., Zaloilo M.V. (eds.) *Transformation of Legal Reality in the Digital Age*, Moscow, Infra-M, 2019, 213 p. (In Russ.).

Pokachalova E.V., Belikov E.G. (eds.) *Legal Personality of Participants in Financial Legal Relations and Its Transformation in the Conditions of Digital Economy Development*, Moscow, Rusains, 2022, 236 p. (In Russ.).

Serova O.A. Problems of Development of the Methodology of Civil Law Research in the Digital Age, *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy* [Methodological Problems of the Civil Law Researches], 2019, no. 1, pp. 351-362. (In Russ.). DOI 10.33397/2619-0559-2019-1-1-351-362

Silkin V.V. Transparency of Executive Power in Digital Epoch, *Rossiiskij yuridicheskij zhurnal* [Russian Juridical Journal], 2021, no. 4, pp. 20-31. (In Russ.).

Smirnova E.E. Tax Control in the Digital Economy, *Finansy* [Finance], 2017, no. 11, pp. 32-34. (In Russ.).

Truntsevskiy Yu.V., Kurmaev I.T. Improvement of the Tax System of Russia with the Aid of Information Technology, *Nalogi* [Taxes], 2015, no. 3, pp. 35-38. (In Russ.).

Tsindeliani I.A. (ed.) *Institutions of Budget and Tax Law in the Conditions of Development of the Digital Economy*, Moscow, Prospect, 2023, 472 p. (In Russ.).

Yadrikhinskiy S.A. Digital Technologies in the Tax Sphere as a Tool for Convergence of Public and Private Interests, *Blazheev V.V., Egorova M.A. (eds.) Transformation of Models of Legal Regulation of Innovative Infrastructure Objects in Modern Law: Russian and Foreign Experience*, Moscow, Prospekt, 2021, pp. 426-437. (In Russ.).

Yuzhakov V.N., Talapina E.V., Efremov A.A. Legal Limitations for the Use of Breakthrough Digital Technologies in Public Administration, *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie* [RUDN Journal of Public Administration], 2018, vol. 5, no. 3, pp. 235-247. (In Russ.). DOI 10.22363/2312-8313-2018-5-3-235-247

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ольга Игоревна Лютова

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Института государственного и муниципального управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия;
ORCID: 0000-0002-6603-8859;
ResearcherID: AAD-7366-2019;
Scopus AuthorID: 57223397628;
SPIN-код: 5690-1270;
E-mail: olyutova@hse.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga I. Lyutova

Candidate of Law, Leading Researcher, Institute of Public Administration and Governance, National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0002-6603-8859;
ResearcherID: AAD-7366-2019;
Scopus AuthorID: 57223397628;
SPIN-code: 5690-1270;
E-mail: olyutova@hse.ru

Пономарев Д.Е. Римское право без греческой философии: трудный путь к рождению догматического правоведения // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 89-111. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_1_89

УДК 340.115

DOI 10.17506/26867206_2024_24_1_89

Римское право без греческой философии: трудный путь к рождению догматического правоведения

Дмитрий Евгеньевич Пономарев

Уральский государственный юридический университет

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: dmitrii.ponomarev@usla.ru

*Поступила в редакцию 27.11.2023, поступила после рецензирования 02.02.2024,
принята к публикации 07.02.2024*

В статье анализируются особенности рецепции римского права в Европе V–XII вв. Подчеркивается, что и греческая логика, и римское право, будучи неотъемлемыми элементами античного культурного наследия, плохо сочетались с раннехристианскими культурными установками. Поэтому эти области светского знания длительное время находились вне фокуса интеллектуальных изысканий и разработок. Логика, представленная весьма немногочисленными переведенными и прокомментированными греческими сочинениями, не имела статуса полноценной интеллектуальной технологии. А без развернутого логического аппарата римское право могло осваиваться лишь как дошедший со времен Античности литературный массив, то есть крайне скудными средствами, редуцированными, по сути, к средствам риторики и грамматики. В институциональном аспекте такое отношение к праву и способы его интеллектуального освоения дают основание называть рассматриваемый период эпохой «права без юристов». Иначе говоря, вследствие «стигматизации» греческой логики (и рациональности в целом) римское право существовало как некий массив «молчащих» текстов, которые доступные способы осмысления могли раскрыть лишь как литературу, а не систему юридических конструкций. Во время так называемого Ренессанса XII в. произошла радикальная переоценка рациональности как базовой ценности культуры, что выразилось в том числе в «реабилитации» греческой логики. Прежде всего, это коснулось логического учения Аристотеля, ставшего тем интеллектуальным инструментом, который позволил создать основу для продолжающейся до настоящего времени традиции европейского права и правоведения, укорененных в римской юриспруденции. По мнению автора статьи, специфические особенности рецепции римского права в раннесредневековый период истории юридической мысли можно рассматривать как иллюстрацию и

© Пономарев Д.Е., 2024

частный случай общего правила – полноценное восприятие римской (и, возможно, любой) правовой традиции возможно только при условии возведения рациональности в ранг высшей культурной ценности.

Ключевые слова: рецепция римского права, рациональность, логика, юридические конструкции, глоссаторы, Ирнерий, Аристотель, Ренессанс XII в., образование, христианство

Roman Law Without Greek Philosophy: A Hard Way Towards a Beginning of Dogmatic Jurisprudence

Dmitrii E. Ponomarev

Ural State Law University

Yekaterinburg, Russia

E-mail: dmitrii.ponomarev@usla.ru

Received 27.11.2023, revised 02.02.2024, accepted 07.02.2024

Abstract. The article analyzes the features of the reception of Roman law in Europe from the 5th to the 12th centuries. It is emphasized that both Greek logic and Roman law, as inherent elements of the cultural heritage of Antiquity, did not fit well with the early-Christian cultural basics. Therefore, these areas of secular knowledge had not remained in the focus of intellectual research and development for a long time. Logic, being represented by very few translated and commented Greek works, was not in demand as a meaningful intellectual technology. And without a fully developed logical apparatus, Roman law could only be explored as a set of Antique literature texts, i.e. via very scarce instruments reduced to rhetoric and grammar only. From the institutional point of view, that attitude to law and the methods of its intellectual development give grounds to call the period under consideration the era of “law without lawyers”. In other words, due to “stigmatization” of Greek logic (and rationality in general), Roman law existed as a set of “silent” texts, which available methods of comprehension could only reveal as literature, and not as a system of legal constructions. During the so-called Renaissance of the 12th century, there was a radical re-evaluation of rationality as a basic value of culture, which was manifested, among other things, in the “rehabilitation” of Greek logic. First of all, it affected Aristotle’s logic, which became an intellectual tool that made it possible to create a basis for lasting tradition of European law and legal science, deeply rooted in Roman jurisprudence. It is concluded that the specific features of the reception of Roman law during the early medieval period of the history of legal thought may be regarded as an illustration and particular case of a general rule – full apperception of Roman legal tradition (and probably any legal tradition) is possible only if rationality receives the grade of the highest value of culture.

Keywords: reception of Roman law, rationality, logic, juridical constructions, glossators, Irnerius, Aristotle, Renaissance of the 12th century, education, Christianity

For citation: Ponomarev D.E. Roman Law Without Greek Philosophy: A Hard Way Towards a Beginning of Dogmatic Jurisprudence, *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 89-111. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_1_89

Введение

Феномен рецепции римского права справедливо рассматривается юристами как одно из оснований, конституирующих европейскую континентальную (романо-германскую) традицию права и правоведения (Аннерс 1996; Цвайгерт, Кетц 1998; Давид, Жоффре-Спинози 1999; Леже 2009; Томсинов 2010; Марей 2012; Plessis, Ando, Tuori 2016). Подобные оценки оспариваются, пожалуй, лишь отдельными философами, усматривающими в нем роковую историческую ошибку, под влиянием которой постантичная Европа вместо того, чтобы пойти по свободному пути творческого созидания собственной правовой системы на основе самобытного права германских народов, «гальванизировала» наследие мертвой римской культуры, подчинив этому призраку всю последующую жизнь (Шпенглер 1998: 61-87).

В науке сложилось несколько объяснений рецепции римского права как исторически необходимого, закономерного явления. Традиционным для отечественной мысли является подход, акцентирующий главным образом факторы социально-экономического порядка – усложнение экономических отношений, рост народонаселения, урбанизация Европы и т.п. (Новицкий, Перетерский 1948; Гутнова 1992; Иоффе 2000). Также подчеркиваются объективные достоинства самого римского права как регулятивной системы, качественно превосходящей традиционное национальное право европейских народов (см., напр.: Голубцова 1985: 247; Дживелегов 1998: 16; Спасский 2009: 98).

Эти объяснительные модели могут быть дополнены как минимум двумя планами рассмотрения. Во-первых, социально-политические факторы, к которым относят в первую очередь политическую конкуренцию церкви и светской власти, обусловившую обращение к римскому праву как общей нормативной системе, на основе которой можно разграничить сферы социального регулирования (Берман 1998: 91-123; Кенигсбергер 2001: 182-183). Во-вторых, активно разрабатывается новаторский, перспективный в исследовательском отношении план культурных предпосылок рецепции (Аннерс 1996: 148-153), в рамках которого римское право осмысливается не только как «полезное изобретение» Античности, удачно и своевременно извлеченное из полузабвения для нужд средневековой политики и экономики, но и как особый продукт мысли, своего рода античный интеллектуальный артефакт. Причем важнейшей особенностью этого древнего артефакта было то, что он сам по себе оказался настолько сложно устроенным, что до полного его раскрытия и освоения Европе потребовалось подниматься в интеллектуальном отношении около пяти столетий¹.

Перспективность подобного плана анализа видится в том, что он позволяет соотнести взрывной интерес к изучению, а затем и практическому освоению римского права с многоплановым общекультурным явлением революционного масштаба, которое вслед за Ч. Хаскинсом (Haskins 1955) стали называть Ренессансом XII в. Оно связывается с общим ростом образованности,

¹ Считаю от сборников варваризированного римского права конца V – начала VI в. или от кодификации Юстиниана VI в.

возрождением научно-философского дискурса, развитием переводческой деятельности, возникновением и становлением системы университетов и иными духовно-интеллектуальными изменениями, в основании которых лежит возвращение европейской интеллектуальной культуры к античному рационализму (Haskins 1955; Брук 1992; Benson, Constable, Lanham 1999; Swanson 1999; Ле Гофф 2008; Novikoff 2017). В качестве одного из элементов этого общекультурного движения рассматривается и возрождение юриспруденции в виде специализированного и систематического изучения и преподавания римского права (Haskins 1955: 193-223; Bellomo 1995: 52-54; Benson, Constable, Lanham 1999: 299-323, 324-338; Brundage 2008: 75-125; Lesaffer 2009: 235-249; Padoa-Schioppa 2018: 2, 11).

В этой объяснительной модели Европа смогла в полной мере начать осваивать римское право только после коренного изменения своего отношения к другому античному сокровищу – греческой рационалистической философии, возвратив тем самым разуму статус легитимного, а не стигматизированного инструмента познания. В качестве примера обстоятельного разворачивания такого анализа можно привести исследования Г. Бермана (Берман 1998: 135-164). Среди немногих отечественных авторов, предметно артикулирующих связь между развитием правовой мысли в XI–XII вв. и возрождением античного рационализма, выделим Д.Ю. Полдникова, разрабатывающего данный план применительно к учению о договоре (Полдников 2008: 59-78; Полдников 2011: 232-284, 310-326; Полдников 2013: 59-123; Полдников 2016: 141-188).

Вместе с тем данный план позволяет поставить вопросы, значимые для понимания истории интеллектуального освоения римского юридического наследия с момента прекращения на Западе в V в. н.э. оригинальной традиции римского правоведения до Ренессанса XII в. Какие особенности духовно-интеллектуальной культуры постантичной Европы выступали для полноценной рецепции римского права препятствиями, которые удалось преодолеть лишь к XI–XII вв.? В силу каких причин интеллектуального порядка римское право, одна из вершин античной мысли, оставалось свыше 500 лет закрытым и недосыгаемым для сознания постантичного европейского социума? Если считать «бессмысленной басней» (Пухта 1864: 558) случайное и произвольное «воскрешение» римского права светской властью² и исходить из того, что сами источники римского права не были полностью утрачены и, следовательно, не были абсолютно неизвестны, то чего недоставало западноевропейской мысли до XII в. для того, чтобы увидеть в этих текстах не памятники латинского языка и литературы, а источники юридических конструкций римлян? Каким было осмысление римского юридического наследия, если исходить из тех интеллектуальных средств, которыми располагало раннесредневековое знание?

Актуальность этих вопросов в общетеоретическом аспекте видится в

² Н.М. Коркунов также упоминает в ироническом ключе легенду о случайном обнаружении Дигест (Коркунов 1915: 92-93). Интересно, однако, что еще Ш. Монтескье относился к таким сведениям как вполне достоверным (Монтескье 1999: 486).

том, чтобы на конкретном историческом материале выделить и осмыслить культурные условия, которые, с одной стороны, будучи достаточно общими, зачастую ускользают от внимания юристов, с другой – являются абсолютно необходимыми предпосылками для формирования, закрепления в культуре и последующего развития полноценной правовой традиции.

Поставленная задача определяет стратегию анализа. Во-первых, поскольку предмет исследования ограничивается только культурными условиями, необходимо выделить общие идейно-духовные доминанты постантичной европейской культуры, задававшие вектор ее отношения к античному прошлому в целом. Во-вторых, сужая поле исследования, следует проанализировать отношение к римскому праву как части античного наследия, с которым была вынуждена иметь дело новая (во многом иная античной) культура. В-третьих, нужно оценить место, которое при таких условиях занимало юридическое знание в структуре европейской интеллектуальной культуры рассматриваемой эпохи. Иными словами, для ответа на основной вопрос работы необходимо раскрыть постантичное отношение к знанию, римскому праву и знанию о римском праве.

Христианство и античное культурное наследие

Вряд ли нуждается в развернутом обосновании тезис о том, что культурной доминантой, задававшей идейно-духовный облик Западной Европы после падения в V в. Западной Римской империи, стало христианство, поднявшееся до уровня универсальной и фактически единственной «легитимной» системы координат, в которой воспринималось и оценивалось все античное культурное наследие – языческое и потому неприемлемое. А поскольку римское право составляло неотъемлемую часть этого наследия, оно, очевидно, не могло не разделить общее отношение христианства к античной религии, философии, науке, архитектуре, драматургии, прозе, поэзии и пр.

Если представить христианство как систему взглядов, то в центр следует поместить идею, которую в самом общем виде можно назвать этической как по содержанию, так и по интенциональности – направленности на активную трансформацию существующего положения дел, исходя из заданного представления о должном, причем на уровне как человека, так и социума. Важно учитывать монопольный статус этой системы координат, исключавший конкуренцию со стороны иных социальных регуляторов, в особенности тех, которые были укоренены в античном прошлом Европы.

Это во многом определило соответствующее отношение христианства к побежденной античной духовной культуре, что было сформулировано апостолом Павлом: «Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философией и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу» (Кол. 2:8). Ни философия, названная апостолом напрямую, ни литература, риторика и история («пустое обольщение» и «предание человеческое»), ни иные области светского знания³ не могут быть подлинной основой духовно-интеллектуальной жизни настоящего христианина, ею является только вера. При таком понимании все знание, действительное не-

обходимое христианину, исчерпывающим образом содержится в Священном Писании, и после превращения христианства в единственную религию Европы именно эти слова апостола стали идейным фундаментом того, как христианская церковь длительное время воспринимала и оценивала античные культурные достижения. Поэтому и философия, и логика, и история, и грамматика, и риторика, и иные дисциплины и области знания, прежде составлявшие круг античного образования, в эпоху раннего Средневековья (V–XI вв.) подвергались серьезному риску если не полного запрета и последующего исчезновения, то как минимум обеднения и упрощения.

В этой связи в исторической литературе справедливо утверждается: «...чтобы стать окончательно вселенской религией, овладеть не только политическим кормилом, но и сознанием каждого человека, христианство должно было преодолеть уже не языческие культы, но целую культуру огромной эпохи, культуру, сохранявшуюся и в недрах народного сознания, и в высочайших образцах духовной деятельности общества, во всей системе воспитания и образования и в самом образе жизни. То была античная эллинистически-римская культура, в глубинах которой христианство некогда черпало идеи для своих постулатов и которую, возникнув и слегка окрепнув, оно отринуло как порождение враждебного ему языческого мира. Светное мирское знание, которым так гордился эллинский и римский мир, вообще не имело в глазах первоначальных христиан никакой ценности, ибо оно противостояло подлинной, с их точки зрения, мудрости, которую бог мог вложить в души тех, кого он избрал» (Уколова 1989: 147-148).

Об соответствующем отношении авторитетов раннехристианской церкви к античному интеллектуализму можно судить, например, по страстным и обличительным риторическим вопросам Тертуллиана – ярчайшего христианского автора II–III вв., который, по некоторым сведениям, получил юридическое образование и, возможно, даже был адвокатом. Тертуллиан вопрошал: «Что есть похожего между философом и христианином, учеником Греции и учеником неба, стяжателем славы и стяжателем жизни?» (Тертуллиан 2005: 183). Особенно резких оценок удостоивается греческая философия – «материя языческой мудрости, безрассудная толковательница Божественной природы и установления. <...> Жалкий Аристотель! Он сочинил для них диалектику – искусство строить и разрушать, притворную в суждениях, изворотливую в посылках, недалекую в доказательствах, деятельную в пререканиях, тягостную даже для самой себя, трактующую обо всем, но так ничего и не выясняющую. Отсюда их нескончаемые рассказы и родословия, и бесплодные вопросы, и словеса, ползучие, как рак. <...> Что Афины – Иерусалиму? Что Академия – Церкви? <...> Господа должно искать в простоте сердца... Да запомнят это все, кто хотел сделать христианство и стоическим, и платоническим, и диалектическим» (Тертуллиан 1994: 109)⁴.

³ Говоря о стихиях мира, апостол Павел, очевидно, имеет в виду античный натурфилософский элементаризм, наподобие учения Эмпедокла о стихиях.

⁴ Принципиальная несовместимость христианства и светского знания декларировалась и в XI столетии, например, Петром Дамиани: «Замышляя навести на

Раннехристианский писатель IV–V вв. Иероним Стридонский, переводчик Ветхого Завета на латынь, в одном из писем признавал личным грехом то, что, став ревностным христианином, не нашел в себе сил избавиться от своей античной библиотеки и «намеревался читать Туллия (Цицерона. – Д.П.) и держал в руках Плавта», тем самым внутренне оставаясь «цицеронианином, а не христианином» (Иероним 1893: 131-132). Для юристов особенно символичным является тот факт, что именно «Письма» Иеронима были тем христианским сочинением, ради распространения которого с исходного пергамента были варварски стерты Институции Гая, в результате чего полнота этого правового памятника оказалась утраченной навсегда.

Позднее с подобных позиций осуждению подвергались даже такие, казалось бы, безразличные религии светские дисциплины, как грамматика. Так, папа Григорий I Великий (VI–VII вв.), порицая одного из епископов за занятия «вздорными светскими науками», писал: «... дошло до нас, и о чем мы не можем вспомнить без стыда, а именно, что ты обучаешь кого-то грамматике. Известие об этом поступке, к которому мы чувствуем великое презрение, произвело на нас впечатление очень тяжелое... одними устами нельзя воздавать хвалу Христу вместе с хвалами Юпитеру» (цит. по: Стасюлевич 2001: 270)⁵.

Такая оценка, очевидно, вполне приложима и к иным светским интеллектуальным занятиям и дисциплинам. Поэтому неудивительно, что VI столетие в восточной части бывшей Римской империи ознаменовалось созданием Свода Юстиниана, над которым трудились профессора права, стремившиеся «возродить в едином созвучии римские узаконения, накапливавшиеся от эпохи основания Рима», в то время как в западной части империи «изучение благородных наук пришло в упадок, вернее сказать, пресеклось», так что «угасло у нас усердие к наукам и не найти в народе такого человека, который на страницах своей летописи поведал бы о делах наших дней» (Григорий Турский 1987: 5).

Вместе с тем многие западные христианские интеллектуалы понимали, что полного разрыва с античной культурной традицией все же необходимо избегать, поскольку в ее наследии содержится много ценного, что может быть обращено на пользу христианской культуре. Например, еще в IV в. принявший христианство римский ритор Лактанций в трактате «Божественные установления», порицая сам себя за прежние занятия «порочной» риторикой, тем не менее призывал извлечь из сочинений античных авторов все то, что, не будучи напрямую языческим, носит универсальный характер и поэтому может быть имплементировано в ткань новой культуры. В этой связи автор признает, что «нам весьма полезен и тот опыт выдуманных споров (имеются в виду такие дисциплины, как логика, философия и риторика. – Д.П.), чтобы теперь, используя ораторское богатство и умение, мы раскрыли основание истины (христианское вероучение. – Д.П.).

нас полчища всяческих пороков, он (дьявол. – Д.П.) поставил жажду знания как бы предводителем войска, и таким образом, через нее, двинул на несчастный мир отряды всевозможных нечестий» (цит. по: Жильсон 2011: 10-11).

⁵ О позиции Григория Великого, основанной на отторжении «нищеты мирских знаний», см.: (Уколова 1989: 181-186).

И пусть истина могла быть утверждена без помощи красноречия, поскольку защищена она многими средствами, однако ее следует дополнительно осветить блеском и изяществом слога, и, в известной мере, нужно говорить велеречиво, чтобы она увереннее проникала в души как собственной силой вооруженная, так и в изящные фразы облаченная» (Лактанций 2007: 34).

В условиях такого, в целом негативного, хотя и разнонаправленного, отношения христианства к античному наследию в активном интеллектуальном обращении сохранились лишь некоторые диалоги Платона и небольшая часть логических трактатов, входивших в «Органон» Аристотеля, а именно «Категории» и «Об истолковании». Массив этих сочинений Аристотеля и некоторые комментарии к ним, в первую очередь комментарии неоплатоника Порфирия (III–IV вв.) к «Категориям» и комментарий Боэция (V–VI вв.) на комментарии Порфирия, получил последующее название *logica vetus* («древняя логика») (Попов, Стяжкин 1974: 185, 199; Майоров 2009: 251)⁶. Во многом именно благодаря Боэцию греческая логика (под названием «диалектика»), пусть и в очень упрощенном виде, закрепились в структуре средневекового образования, войдя в стандартный корпус семи свободных искусств, состоявших из «дисциплин слова» (тривиум: грамматика, риторика, диалектика) и «дисциплин числа» (квадривиум: арифметика, геометрия, астрономия, музыка/гармония) (Исидор Севильский 2006: 7)⁷.

«Стигматизация» римского права

Что касается римского права как части отвергаемого античного наследия, то его положение, по-видимому, отягощалось еще и тем, что по отношению к христианству оно выступало своего рода конкурирующей социорегулятивной системой, глубоко укорененной в сложившихся социальных отношениях и институтах. Поэтому неудивительны слова того же Лактанция, который, специально противопоставляя нормы христианской религиозной этики и светского римского права, подчеркивает посюсторонний и потому подчиненный, второстепенный статус последнего: «И если образованные люди и ревнители справедливости создали установления гражданского права, с помощью которых устраняются разногласия и тяжбы спорящих между собой граждан, то не будет ли лучше и правильнее, если мы изложим в сочинении своем божественные установления, в которых мы

⁶ Относительно логических сочинений Боэция следует сказать, что его интеллектуальный (переводы и комментирование Аристотеля) и жизненный (был казнен по заведомо ложному доносу) подвиг неоченим. Именно Боэций, переведя в VI в. с греческого языка на латынь и прокомментировав два указанных трактата Аристотеля, тем самым фактически сохранил для европейской культуры эту часть его логического учения. Вплоть до XII в. европейские интеллектуалы были знакомы с логикой Аристотеля по тем сочинениям, которые вошли в состав *logica vetus* (Попович 1979: 118).

⁷ Считается, что средневековую систему семи свободных искусств в завершеном виде сформулировал на основе античной образовательной традиции философ V в. Марциан Капелла в сочинении «Бракосочетание Филологии и Меркурия» (Капелла 2019: 6-51).

будем говорить не об охране кровельного желоба или воды, или о повреждении, нанесенном рукой, но об уповании, о жизни, о спасении, о бессмертии, о Боге, чтобы устранить тлетворные суеверия и постыднейшие заблуждения?» (Лактанций 2007: 35). Автор, на наш взгляд, явно дает понять, что римское право, названное здесь через иски о защите прав из сервитутов – «охрана кровельного желоба или воды» (см., напр.: *Iust. Inst.* 2.3.1, *Iust. Inst.* 2.3.4, D. 8.1), и иски из закона Аквилы – «о повреждении, нанесенном рукой» (см., напр.: *Gai Inst.* 3.210-3.225, D. 9.2), для христианина должно быть предметом если не полного отрицания, то как минимум пренебрежения, ибо ему намного важнее разделять основы веры, нежели заботиться о таких приземленных и суетных в сравнении с ней предметах, как сервитуты⁸.

Такое отношение, декларируемое ранними церковными авторитетами, в совокупности с отмеченным выше сложным отношением церкви к светскому знанию вообще, закономерно отражалось на том, какое место римское право заняло в системе интеллектуальных занятий раннего Средневековья. Соответствующее положение, которое сложилось в данную эпоху в области юридического образования, в зарубежной литературе оценивается как «эпоха без юристов» (Bellomo 1995: 34-54) или «право без юристов» (Brundage 2008: 46-74).

Для расстановки акцентов в последующем обсуждении имеет смысл опереться на идею С.С. Алексеева о том, что сама по себе юридическая норма (правило поведения) является лишь формой внешнего выражения «изделий юридической мысли» – юридических конструкций, без осознания и осмысления которых юридический текст, содержащий правовые нормы, остается не более чем просто текстом, то есть единицей литературы, а не права (Алексеев 2000: 37-40; Алексеев 2001а: 277-282; Алексеев 2001b: 38-41; Алексеев 2001с).

Принимая такое различие, можно утверждать, что с момента прекращения полноценной традиции римского правоведения (условно в V в.) и до Ренессанса XII в. в Западной Европе римское право существовало, скорее, не в виде полноценных юридических конструкций, а как светская литература, «растворенная» в свободных искусствах, которые составляли систему светского знания и образования.

Важно подчеркнуть, что качество самих текстов было чрезвычайно низким. Соответствующую оценку, например, Бревиария Алариха⁹, который был основным текстом римского права в Западной Европе в период раннего

⁸ Примечательно, что христианин Лактанций воспроизводит здесь пафос и даже стиль язычника Цицерона, который, упрекая римских юристов в уклонении от перестройки римского права по принципам, заимствованным из греческой философии, и стремясь подчеркнуть их приземленную озабоченность мелочными в сравнении с этой сверхзадачей вопросами, пренебрежительно говорил о составлении ими «книжечек насчет падения капель дождя и общих стен», то есть о сервитутах (Цицерон 1966: 93). Очевидно, что признание Лактанция «христианским Цицероном» вполне справедливо (Лактанций 2007: 6).

⁹ Бревиарий Алариха – свод римских законов, составленный вестготским королем в 506 г., то есть примерно за 30 лет до грандиозной кодификации Юстиниана.

Средневековья, дает П.Г. Виноградов. Несмотря на структурное сходство с византийским сводом (институции – сочинения юристов – акты императоров), содержание Бревиария в сравнении с ним крайне примитивизировано: это касается и вошедших в вестготскую кодификацию упрощенных Институций Гая, и части, содержащей труды юристов, откуда взяты лишь краткие извлечения из сочинений Павла и случайный текст Папиниана. Более поздние варварские компиляции римского права в отношении своего качества отстают от классической традиции еще дальше (Виноградов 2010: 186-203).

Что касается институциональных структур юридического образования, то в западной части Римской империи в этом отношении оно оставалось в значительной степени неоднородным, как и во времена единого Рима. Известно, что в крупнейших городах империи существовали специализированные государственные (Константинополь, Бейрут) и частные (Рим) юридические школы, которые на Западе не исчезли полностью даже после варварского завоевания. Как утверждает Ф.К. фон Савиньи, общий социально-политический и социально-экономический кризис действительно стал причиной резкого упадка юридического образования на Западе, но такая оценка справедлива только в отношении специализированных юридических школ. Рядовые школы общего плана, ставшие основой европейского образования того времени, сохранили преподавание римского права в прежнем виде и на прежнем уровне. Однако здесь предельно важно зафиксировать, что римское право преподавалось отнюдь не как единственный, основной предмет, которому посвящалось бы все обучение целиком, а лишь в общей структуре тривиума и квадривиума (Savigny 1829: 441). В подтверждение данного тезиса немецкий правовед приводит биографические сведения о таких выдающихся исторических личностях раннесредневековой эпохи, как епископ Клермонтский Бонит (Франция, VII–VIII вв.), епископ Шерборна Альдельм (Англия, VII–VIII вв.), советник Карла Великого Алкуин (Франция, VIII–IX вв.). Из этих сведений видно, что в структуре их образования было римское право, которое преподавалось и изучалось не обособленно, а в одном ряду с такими дисциплинами, как, например, музыка и поэзия. После фундаментальных исследований Савиньи эти выводы нашли дополнительное фактологическое подтверждение в работах других немецких правоведов¹⁰.

Неспециализированный статус юридического знания подтверждается также результатами классической работы Г. Рэшдэлла по истории средневековых европейских университетов (Rashdall 1895). Исследуя состояние системы европейского юридического образования, предшествующее формированию университетских корпораций, автор констатирует, в частности, что преподаваемая в городских школах Ломбардии (Северная Италия) риторика, традиционно входившая в структуру семи свободных искусств, подразделялась на три вида: доказательная, дискуссионная, судебная. При этом последняя предполагала овладение текстами римских юридических источников.

Примечательно также, что изображенная в основополагающем для системы раннесредневекового светского образования сочинении Марциана

¹⁰ Более подробно см.: (Сокольский 1891: 316-318).

Капеллы «Бракосочетание Филологии и Меркурия» «значительная женщина» (дисциплина) Риторика, о которой «ходила молва, что она подчинила себе сенат, форум и суды в Ромуловом племени, а в Афинах вертела по своему усмотрению и курией, и гимнасиями, и театрами», раскрывая собственную значимость, демонстрирует свои возможности именно на материале римских юридических практик (состязательное судопроизводство, толкование законов, составление юридических документов и т.п.) (Капелла 2019: 174-220).

Кроме того, как отмечает Г. Рэшдэлл, в школах Болоньи, до создания знаменитого университета, в рамках курса грамматики преподавался предмет, который именовался *dictamen*, то есть «искусство сочинения» в стихах и прозе. При этом прозаическая часть включала обучение умению правильно составлять в том числе и юридические документы (договоры, завещания и пр.) (Rashdall 1895: 89-111).

Более отчетливое представление о таком условно «риторическом» типе юридического дискурса можно составить, исходя из педагогического сочинения «Диалог мудрейшего короля Карла и Альбина, учителя, о риторике и добродетелях», написанного Алкуином в VIII в. В этом явно вымышленном диалоге автор наставляет короля в искусстве риторики, убеждая, что она является важнейшим интеллектуальным средством политической деятельности. Существо риторики здесь фактически заключается в разработке интеллектуальных техник убеждения в споре, актуализируемых в «торжественном, совещательном и судебном красноречии». Раскрывая «судебное красноречие», автор отмечает такие структурно-композиционные элементы, как лицо (кто сделал?), поступок (что сделал?), место (где сделано?), способ действия (как это могло случиться?) и т.п. Выделяются также «положения спора» – логические и юридические; применительно к последним обсуждаются такие «юридические» вопросы, как, например, идет ли спор о смысле закона или о букве? В качестве иллюстрации приводится следующий вымышленный правовой спор: «Например, закон гласит: “Бросившие корабль во время бури теряют все, а кто останется на корабле, тем будет принадлежать и груз, и корабль”. Двое плыли по морю: одному принадлежал корабль, другому – груз; в море они выбрали из жалости потерпевшего кораблекрушение. Потом и сами попали в сильную бурю. Владелец корабля, он же кормчий, перебрался в привязанный к кораблю челнок и оттуда помогал как мог; владелец товара там же на корабле бросился на меч; а спасенный встал к рулю и повел корабль. Буря утихла, корабль пришел в гавань, бросившийся на меч отделался легкой раной и быстро выздоровел, и вот каждый из трех объявляет своим корабль с грузом, ссылаясь на писанный закон. Так рождается спор о букве закона: “чей корабль?”, а решается он определением: “Что значит “покинуть корабль”, и что значит “остаться на корабле”» (Алкуин 2017: 549)¹¹. Здесь для автора вполне очевидно, что подобные юридические вопросы могут и должны решаться только посредством того интеллектуального инструментария, который предоставляет риторика, причем в традиции, восходящей к римским истокам (Цицерон, Квинтилиан и др.).

¹¹ Также см.: (Преображенский 1881: 87-91).

Из изложенного можно заключить, что с момента краха Западной Римской империи до Ренессанса XII в. изучение римского права на Западе распределялось в основном между несколькими дисциплинами из числа «дисциплин слова», а само римское юридическое наследие было скорее редуцировано до литературно-текстового материала для отработки логических, риторических и литературных навыков учащихся, нежели являлось специализированным предметом профессионального изучения и образования. Поэтому в каком-то смысле можно говорить, что в этот период римское право было общим достоянием образованных людей, интеллектуалов в целом, а не юристов. Например, франкский историк VI в. Григорий Турский, подчеркивая высокую образованность одного из персонажей своего сочинения «История франков», говорит, что тот «занимался словесностью и получил, таким образом, хорошее образование. А именно, он достаточно хорошо знал произведения Вергилия, свод законов Феодосия и искусство счета» (Григорий Турский 1987: 108). Испанский богослов Исидор Севильский в своем главном труде «Этимологии, или Начала» в 20 книгах, который в VII в. стал, по сути, первой энциклопедией раннесредневекового знания, отвел римскому праву отдельную (пятую) книгу. Но мы сможем лучше понять и полнее оценить отношение этого выдающегося европейского интеллектуала к праву, если учтем, что, например, четвертая книга его сочинения озаглавлена «О медицине», одиннадцатая называется «О людях и чудовищах», шестнадцатая – «О камнях и металлах», девятнадцатая – «О кораблях, зданиях и одеяниях».

Соответственно, некоторые авторы вообще высказывают сомнение относительно существования в эту эпоху «профессии юриста» в близком нам значении данного слова (Brundage 2008: 31). М. Белломо, характеризуя мышление, например, анонимных составителей компиляций и бревиариев римского права VI–VIII вв., отмечает: «Если в Западной Европе и были “юристы”, то их умения не выходили за рамки простого умения читать и понимать прочитанное. Они не утруждали себя ни усилиями по исключению из составляемых антологий тех текстов, которых они не понимали, ни размышлениями над теми текстами, с которыми они работали, ни сомнениями по поводу того, могла ли такая антология вообще стать “правом”. Им даже не приходила в голову мысль о том, получит ли их труд высокую оценку современников, потому что они прекрасно знали, что большинство этих современников было людьми невежественными, неграмотными, терзаемыми голодом и холодом, угнетенными насилием и эпидемиями» (Bellomo 1995: 36).

В свете изложенного совершенно закономерным и особенно значимым представляется один из немногих известных нам фактов биографии Ирнерия (XI–XII вв.), который считается основателем Болонской школы глоссаторов, положивших начало формированию традиции догматического правоведения. Как сообщает более поздний глоссатор Одофред (XIII в.), Ирнерий изначально был магистром свободных искусств (*magister in artibus*), то есть прошел только стандартную для того времени грамматическую, диалектическую и риторическую подготовку (Rashdall 1895: 114). Поэтому, при всей парадоксальности этого обстоятельства, следует признать, что у истоков традиции юридической догматики стоял вовсе не «юрист по образованию», а, как мы бы сейчас сказа-

ли, специалист в области изящной словесности, «юрист-самоучка».

Подобные особенности институциональных форм изучения римского права до Ренессанса XII в. во многом предопределяли методологические основания, способы и, соответственно, результаты его осмысления. Особое значение приобретает тот факт, что инструментарий, которым располагали интеллектуалы, ограничивался, как указано выше, «древней логикой», а не всем корпусом логических сочинений Аристотеля. Более того, несмотря на усилия Боэция и других авторов, стремившихся сохранить античное культурное наследие, историки логики оценивают степень освоения логики Аристотеля в эту эпоху как чрезвычайно низкую, признавая, например, что силлогизм как способ рассуждения начал использоваться лишь в IX в. в сочинениях философа и богослова Иоанна Скота Эриугены, а статус стандартной мыслительной техники силлогистика Аристотеля приобрела намного позже. Отмечается, что в целом труды Боэция по сохранению греческой логической традиции начали давать свои плоды лишь к XI в. (Gabbay, Woods 2008: 20). Для большинства ученых (scholars) логика была не более чем диковинкой, которую можно было обнаружить в литературном наследии христианского Рима (Kneale, Kneale 1962: 199). Неудивительно поэтому, что в труде Капеллы, который являлся базовым европейским учебником по тривиуму и квадривиуму на протяжении столетий, среди дисциплин тривиума именно диалектике (логике) отведен наименьший объем.

Таким образом, сама институциональная форма, в которой находилось знание о римском праве в Западной Европе V–XII вв., допускала осмысление его лишь весьма скудными средствами, которые предлагались системой общего (неспециализированного) образования, сводимой к семи свободным искусствам. Основными, если не единственными, «поставщиками» способов понимания текстов римского права были риторика, диалектика (логика) и грамматика, сами являвшиеся предельно упрощенными и сокращенными версиями исходных античных учений.

Эти соображения общего характера можно проиллюстрировать обращением к непосредственному интеллектуальному продукту юридического мышления рассматриваемой эпохи – глоссам основателя одноименной школы Ирнерия. На наш взгляд, вполне допустимо полагать, что, при всем безусловном новаторстве по сравнению с предшествующим способом изучения римского права (систематичность и монопредметность преподавания, обращение именно к Дигестам, а не к разного рода бревиариям и т.п.), реализованный Ирнерием методологический подход в целом не может не воспроизводить современную ему традицию осмысления римского права теми средствами, которые могла предоставить система образования, основанная на тривиуме и квадривиуме¹². Соответственно, по глоссам Ирнерия

¹² К схожим выводам о том, что «глоссаторы унаследовали свои научные приемы от школ самого начала средних веков, от того раннего периода, когда не составлены были еще Юстиниановы сборники» приходит в конце XIX в. В.В. Сокольский. Он считает возможным отнести подход глоссаторов и их предшественников напрямую к тем стандартным методам толкования, которые существовали в практиках юристов времен Юстиниана (Сокольский 1891: 287).

можно представить и то, как осмысливалось римское право его предшественниками.

Рассмотрим исходный текст – «О законном решении...» (D. 42.1.51.1): «Если кто не допустит, чтобы кредитор вступил во владение вещью ради ее сохранения, то если продавец (этой вещи) предоставит кредитору гарантии в такой сумме, за которую он приобрел (вещь), то спрашивается, освобождается ли в этом случае должник?»

Безусловно, для автора, известнейшего и авторитетнейшего римского юриста Павла (II–III вв.), который вошел в число пяти великих юристов, упомянутых в «Законе о цитировании» 426 г., сочинения которого составляют шестую часть Дигест (Бартошек 1989: 341), никаких сложностей в понимании содержания не было и быть не могло. Для него и других римских юристов в тексте выражена разработанная римской правовой традицией полноценная юридическая конструкция. Более того, эта отдельная конструкция была увязана с иными конструкциями римского права и в этом смысле «сворачивала» в себе всю систему так же, как одна деталь механизма в особенностях своей конфигурации «сворачивает» в себе весь объемлющий ее механизм. Отсюда предельная лаконичность, «скупость», свернутость и схематичность изложения, а также пропуск и умолчание о неявных (ввиду самоочевидности для автора) и предполагаемых элементах «гипотезы и диспозиции» сформулированного в тексте правила.

Глосса же Ирнерия к данному тексту имеет совершенно иной характер: «Поскольку ты не заплатил, твой кредитор подает петицию судье о том, чтобы его ради сохранения вещи ввели во владение ею, что судья ему и разрешает. Когда же кредитор вступал во владение, кто-то запретил ему (это делать), поэтому кредитор возбудил против него иск по факту содеянного (...) и добился, чтобы тот был присужден (к уплате) на столько, за сколько он приобрел эту вещь, и получил эту сумму. С тобой же он впоследствии тоже хотел судиться из первоначального основания, но Павел запретил ему это делать» (цит. по: Крашенинникова 1999: 310).

Очевидно, что через тысячу лет после Павла исходный текст перестал быть для европейских интеллектуалов «таблицей умножения», превратился в «высшую математику», требовавшую специальных усилий для исчерпывающего восстановления и понимания элементов исходной смысловой конструкции. Поэтому из глоссы Ирнерия видно, что его мысль сконцентрирована на том, чтобы максимально дополнить изложенную картину недостающими «сюжетными элементами», смысловыми связками, устранить ее неполноту и неопределенность, раскрыть в виде развернутой структуры отношений всех участвующих субъектов с объяснением обстоятельств возникновения спора, а также мотивов и интересов его участников.

Здесь еще нет ни развернутых схоластических классификаций по родовидовому признаку, ни теоретических обобщений, ни формулирования универсальных принципов, ни выстроенных силлогизмов, перерабатывающих исходный материал в новое знание, ни тем более построения на этом материале развернутых профессиональных юридико-догматических «учений», «доктрин» и т.п. Все это дело будущих поколений глоссаторов и особенно

постгlossаторов, которые, в отличие от Ирнерия и его предшественников, получают доступ ко всему логическому инструментарию Аристотеля и будут превращать Дигесты в непосредственный источник правового регулирования.

Глоссы Ирнерия, по которым мы можем представить методологический подход и его предшественников, носят характер лишь пояснительного «литературного переложения» римских текстов доступными средствами тривиума. Очевидно, Ирнерий подходит к текстам римского права, решая ту же задачу «истолкования темных мест», которую решали богословы в отношении Священного Писания (Абеляр 1959: 17-18), используя идентичные методы.

Поэтому следует согласиться с мнением Д.Ю. Полдникова о том, что «Ирнерий в абсолютном большинстве своих глосс разъясняет содержание фрагментов», «никаких следов логически связанной передачи собственного учения в глоссах не заметно», а «темы комментариев целиком и полностью определяются изучаемыми фрагментами античного текста». Более того, российский исследователь констатирует серьезные ошибки, неточности и неясности глосс основателя традиции европейской юридической догматики (Полдников 2000).

Однако это никоим образом не может давать оснований для упреков в адрес ранних глоссаторов и их предшественников, равно как и для обвинений их в «профнепригодности», недооценки или принижения их роли в истории становления европейской юридической традиции. Подобные оценки были бы основаны на некорректных, неисторичных критериях. Напротив, как следует из изложенного, реализованный первыми глоссаторами и их предшественниками «литературно-риторический» подход к осмыслению текстов римского права не мог быть иным, он полностью соответствовал общему уровню духовно-интеллектуальной культуры эпохи, предшествовавшей Ренессансу XII в.

«Реабилитация» греческой логики

Для того чтобы простое разъяснение текстов римского права средствами риторики, грамматики и диалектики начало перерождаться в полноценную догматическую юридическую традицию в том виде, в котором ее начали формировать глоссаторы, продолжили комментаторы и довели до предельного совершенства пандектисты, европейской правовой мысли до XII в. недоставало инструмента, который мог бы эти тексты, во-первых, «открыть», во-вторых, переработать. Таким инструментом стала логика Аристотеля.

К XI–XII вв. в интеллектуальной культуре Европы, по-прежнему находившейся под идейным контролем христианства, накопилась критическая масса проблем, решение которых требовало, прежде всего, эффективного интеллектуального инструментария. Построение единого гармоничного христианского вероучения, идейная борьба с ересями и расколами, необходимость внесения порядка в накопившийся за столетия массив актов, регулировавших внутреннюю жизнь церкви и ее отношения со светской

властью, – все это постепенно сформировало своего рода «запрос на логику», прежде изгоняемую из христианского культурного пространства. Реабилитированная Пьером Абеляром в его богословском трактате «Да и нет», яростно преследуемая вдохновителем Второго крестового похода мистиком Бернаром Клервоским, ставшая методологической основой трактата Грациана по каноническому праву «Согласование разноречивых канонов», окончательно «христианизированная» Фомой Аквинским в XIII столетии, логика на волне Ренессанса XII в. все-таки закрепилась в статусе мыслительной нормы европейской интеллектуальной культуры. «Жалкий Аристотель», благодаря переоткрытию и переводу на латынь всего объема его сохранившихся сочинений, занял подобающее ему место «учителя тех, кто знает»¹³.

Европейское правоведение обязано Аристотелю тем, что благодаря разработанной им логике, полностью освоенной к XIII в., юристы, изучающие тексты римского права, перестали быть только «карликами, сидящими на плечах гигантов». Они превратились в творцов – разработчиков построенной на римском материале системы юридических конструкций, которые до сих пор составляют основу и «канон» профессионального юридического мышления (Иеринг 2006: 28).

Вместе с тем представляется, что «реабилитацию» логики и превращение ее в норму профессионально-специализированной мысли (философской, богословской, юридической и т.п.) как фактор, обусловивший качественно новый и взрывной интерес к римскому праву в рамках Ренессанса XII в., целесообразно рассматривать в более широком контексте. На наш взгляд, сам по себе «запрос на право и логику» является следствием более глубокой первопричины – изменения образующей основания культуры системы духовных ценностей и их баланса.

Во II в. римский юрист Помпоний, современник Павла, предвзято свой очерк-хронику римской юриспруденции, включенный впоследствии в Дигесты, заметил: «Право не может сохраняться, если нет знатока права, посредством которого оно может постоянно улучшаться» (D. 1.2.2.13). Мы также знаем, что для традиции Павла и Помпония право было «искусством добра и справедливости»¹⁴, находящимся в руках людей (понтификов), которые «руководят как служением бессмертным богам, так и важнейшими государственными делами» (Цицерон 1962: 57). Равным образом мы видим, что для традиции Ирнерия право из языческой ветоши мелочных правил, посвященных, в отличие от религии, не возвышенным духовным предметам, а приземленной брэнной суете, смогло подняться на один уровень с нормами религиозной этики, превратившись, как показал Г. Берман в своей работе (Берман 1998), по сути, в светскую религию и даже в корпоративное право католической церкви¹⁵.

¹³ Таковую оценку дал ему Данте Алигьери в своей «Божественной комедии».

¹⁴ *Ius est ars boni et aequi* – известное выражение римского юриста Цельса (I–II вв.).

¹⁵ Это нашло отражение в формуле *Ecclesia vivit lege Romana* («церковь живет по римским законам»).

Для традиции Павла именно мысль (*responsa prudentium* – ответы знатоков права) была источником права, находившимся в одном ряду с волей народа (законы, акты сената и пр.) и волей государственной власти (акты императоров и т.п.). Равным образом традиция Ирнерия верила в мысль Аристотеля так же, как верила в римское право и Библию (Берман 1998: 126).

Завершая наше исследование, перефразируем вопрос известного советского философа (Мамардашвили 1993: 5): где была римская юридическая мысль, когда римляне исчезли, а адресат еще не появился? И ответим следующим образом: до Ренессанса XII в. она была законсервирована в юридических текстах, которые из памятников словесности начали превращаться в систему юридических конструкций тогда, когда античная правовая мысль соприкоснулась с античной логико-философской мыслью. Соответственно, 500-летний период между Сводом Юстиниана и глоссаторами действительно можно считать эпохой «права без юристов».

Анализ контраста между этой эпохой и юридическим Ренессансом XII в. показывает, что подлинные знатоки права вновь появляются, когда европейская культура накопила в себе то же аксиологическое отношение к праву и мысли (и шире – к рациональности, знанию), которое в свое время способствовало рождению римской юриспруденции: возведение права и знания в статус высших духовных ценностей. На неразрывную связь между правом и рациональностью как высшими ценностями, конституирующими западную культуру, обращал внимание в своих исследованиях М. Вебер (Вебер 2006: 8, 14; Вебер 2018: 54-58, 141-158). Справедливость данного вывода подтверждается и «от обратного» – через обращение к отечественной традиции, в которой ни право¹⁶, ни логика Аристотеля¹⁷ такого статуса, кажется, не приобрели.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абеляр П. 1959. История моих бедствий. Москва : Академия наук СССР. 257 с.
- Аверинцев С.С. 1996. Христианский аристотелизм как внутренняя форма западной традиции и проблемы современной России // Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. Москва : Языки русской культуры. С. 319-329.
- Алексеев С.С. 2000. Право на пороге нового тысячелетия. Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. Москва : Статут. 256 с.
- Алексеев С.С. 2001а. Восхождение к праву. Поиски и решения. Москва : Норма. 752 с.
- Алексеев С.С. 2001б. Тайна права. Его понимание, назначение, социальная ценность. Москва : Норма. 176 с.
- Алексеев С.С. 2001с. Юридические конструкции – ключевое звено права // Цивилистические записки / под ред. С.С. Алексеева, Б.М. Гонгалло, Д.В. Мурзина, С.А. Степанова. Москва : Статут. С. 5-20.

¹⁶ По мнению выдающегося правоведа С.С. Алексеева (Алексеев 2010: 254).

¹⁷ По утверждению крупнейшего знатока истории культуры С.С. Аверинцева (Аверинцев 1996: 327-328).

Алексеев С.С. 2010. Самое святое, что есть у Бога на земле: Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху // Алексеев С.С. Собрание сочинений : в 10 т. Москва : Статут. Т. 5. С. 9-294.

Алкуин. 2017. Диалог мудрейшего короля Карла и Альбина, учителя, о риторике и добродетелях // Возлюблю слово как ближнего. Учебный текст в позднюю Античность и раннее Средневековье: исследование состава школьного канона III–IX вв. / под ред. М.Р. Ненароковой. Москва : Индрик. С. 543-584.

Аннерс Э. 1996. История европейского права. Москва : Наука. 397 с.

Бартошек М. 1989. Римское право. Понятия, термины, определения. Москва : Юридическая литература. 448 с.

Берман Г.Дж. 1998. Западная традиция права: эпоха формирования. Москва : Издательство МГУ : Инфра-М : Норма. 624 с.

Брук К. 1992. Возрождение XII века // Богословие в культуре Средневековья / под ред. Л. Лутковского. Киев : Путь к истине. С. 119-227.

Вебер М. 2006. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма. Москва : РОССПЭН. 656 с.

Вебер М. 2018. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии : в 4 т. Т. 3. Москва : Издательский дом ВШЭ. 336 с.

Виноградов П.Г. 2010. Римское право в Средневековой Европе // Виноградов П.Г. Очерки по теории права. Римское право в Средневековой Европе. Москва : Зерцало. С. 186-261.

Голубцова Е.С. (ред.) 1985. Культура Древнего Рима : в 2 т. Т. 1. Москва : Наука. 429 с.

Григорий Турский. 1987. История франков. Москва : Наука. 464 с.

Гутнова Е.В. (ред.) 1992. История Европы : в 8 т. Т. 2. Москва : Наука. 808 с.

Давид Р., Жоффре-Спинози К. 1999. Основные правовые системы современности. Москва : Международные отношения. 400 с.

Дживелегов А.К. 1998. Творцы итальянского Возрождения : в 2 кн. Кн. 1. Москва : Терра-Книжный клуб. 352 с.

Жильсон Э. 2011. Дух средневековой философии. Москва : Институт теологии, философии и истории святого Фомы. 560 с.

Иеринг Р. 2006. Дух римского права // Иеринг Р. Избранные труды : в 2 т. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс. Т. 2. С. 21-317.

Иероним Стридонский. 1893. Творения блаженного Иеронима Стридонского. Ч. 1. Киев : Типография Г.Т. Корчак-Новицкого. 224 с.

Иоффе О.С. 2000. Цивилистическая доктрина феодализма // Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. Москва : Статут. С. 41-60.

Исидор Севильский. 2006. Этимологии, или Начала : в 20 кн. Кн. 1–3. Санкт-Петербург : Евразия. 352 с.

Капелла М. 2019. Бракосочетание Филологии и Меркурия. Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив : Петроглиф. 400 с.

Кенигсбергер Г.Г. 2001. Средневековая Европа, 400–1500 годы. Москва : Весь мир. 384 с.

Коркунов Н.М. 1915. История философии права. Санкт-Петербург : Типография М.М. Стасюлевича. 502 с.

Крашенинникова Н.А. (ред.). 1999. Антология мировой правовой мысли : в 5 т. Т. 2. Москва : Мысль. 829 с.

Лактанций. 2007. Божественные установления. Кн. 1–7. Санкт-Петербург : Издательство Олега Абышко. 514 с.

Ле Гофф Ж. 2008. Рождение Европы. Санкт-Петербург : Alexandria. 391 с.

Леже Р. 2009. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. Москва : Волтерс Клувер. 584 с.

Майоров Г. Г. 2009. Формирование средневековой философии: Латинская патристика. Москва : Либроком. 296 с.

Мамардашвили М.К. 1993. Картезианские размышления. Москва : Прогресс : Культура. 352 с.

Марей А.В. 2012. К осмыслению феномена рецепции римского права: формирование *ius commune* в Западной Европе в XII–XIV вв. // Государство и право. № 5. С. 96-102.

Монтескье Ш.Л. 1999. О духе законов. Москва : Мысль. 674 с.

Новицкий И.Б., Перетерский И.С. 1948. Римское частное право. Москва : Юридическое издательство Министерства юстиции СССР. 584 с.

Полдников Д.Ю. 2000. «Критический метод» Ирнерия как вклад в возрождение изучения римского права // *Ius Antiquum*. Древнее право. № 1. С. 228-240.

Полдников Д.Ю. 2008. Договорные теории глоссаторов. Москва : Academia. 345 с.

Полдников Д.Ю. 2011. Договорные теории классического *jus commune* (XIII–XVI вв.). Москва : Academia. 526 с.

Полдников Д.Ю. 2013. Институт договора в правовой науке Западной Европы XI–XVIII веков. Москва : Издательский дом ВШЭ. 368 с.

Полдников Д.Ю. 2016. Формирование учения о договоре в правовой науке Западной Европы (XII–XVI вв.) : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва. 571 с.

Попов П.С., Стяжкин Н.И. 1974. Развитие логических идей от Античности до эпохи Возрождения. Москва : Издательство Московского университета. 223 с.

Попович М.В. 1979. Очерк развития логических идей в культурно-историческом контексте. Киев : Наукова думка. 244 с.

Преображенский В.Х. 1881. Восточные и западные школы во времена Карла Великого, их отношение между собою, к классическим и древнехристианским и постановка в них богословия. Санкт-Петербург : Типография Ф.Г. Елеонского. 468 с.

Пухта Г.Ф. 1864. История римского права. Москва : Типография А. Семена. 585 с.

Сокольский В.В. 1891. Очерк истории науки и литературы римского права в ранний период Средних веков по новейшим исследованиям // Журнал Министерства народного просвещения. Т. 273 (январь). С. 273-325.

Спасский А.А. 2009. Лекции по истории западно-европейского Средневековья. Санкт-Петербург : Издательство Олега Абышко. 288 с.

Стасюлевич М.М. (сост.) 2001. История Средних веков: от падения Западной Римской империи до Карла Великого (476–768 гг.). Москва : АСТ ; Санкт-Петербург : Полигон. 496 с.

Тертуллиан. 1994. Избранные сочинения. Москва : Прогресс. 448 с.

Тертуллиан. 2005. Апологетик. К Скапуле. Санкт-Петербург : Издательство Олега Абышко. 256 с.

Томсинов В.А. 2010. О сущности явления, называемого «рецепцией римского права в Европе в Средние века» // Виноградов П.Г. Очерки по теории права. Римское право в средневековой Европе. Москва : Зерцало. С. 262-279.

Уколова В.И. 1989. Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V – середина VII в.). Москва : Наука. 317 с.

Цвайгерт К., Кетц Х. 1998. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : в 2 т. Т. 1. Москва : Международные отношения. 480 с.

Цицерон. 1962. Речи : в 2 т. Т. 2. Москва : Наука. 452 с.

Цицерон. 1966. Диалоги: О государстве. О законах. Москва : Наука. 224 с.

- Шпенглер О. 1998. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Москва : Мысль. 606 с.
- Bellomo M. 1995. *The Common Legal Past of Europe: 1000–1800*. Washington : Catholic University of America Press. 252 p.
- Benson R.L., Constable G., Lanham C.D. (eds.) 1999. *Renaissance and Renewal in the Twelfth Century*. Toronto : University of Toronto Press. 737 p.
- Brundage J. 2008. *The Medieval Origins of the Legal Profession. Canonists, Civilians, and Courts*. Chicago : University of Chicago Press. 607 p.
- Gabbay D.M., Woods J. (eds.) 2008. *Handbook of the History of Logic* : in 11 volumes. Vol. 2. Oxford : Elsevier. 716 p.
- Haskins C.H. 1955. *The Renaissance of the Twelfth Century*. Harvard : Harvard University Press. 437 p.
- Kneale W., Kneale M. 1962. *The Development of Logic*. Oxford : Clarendon Press. 783 p.
- Lesaffer R. 2009. *European Legal History. A Cultural and Political Perspective*. Cambridge : Cambridge University Press. 549 p.
- Novikoff A.J. (ed.) 2017. *The Twelfth-Century Renaissance: A Reader*. Toronto : University of Toronto Press. 480 p.
- Padoa-Schioppa A. 2018. *A History of Law in Europe. From the Early Middle Ages to the Twentieth Century*. Cambridge : Cambridge University Press. 808 p.
- Plessis P.J. du, Ando C., Tuori K. (eds.) 2016. *The Oxford Handbook of Roman Law and Society*. Oxford : Oxford University Press. 728 p.
- Rashdall H. 1895. *The Universities of Europe in the Middle Ages* : in 2 volumes. Vol. 1. Oxford : Clarendon Press. 562 p.
- Savigny F.C. von. 1829. *The History of the Roman Law During the Middle Ages*. Vol. 1. Edinburgh : Printed for Adam Black ; London : Longman, Rees, Orme, Brown, and Green. 459 p.
- Swanson R.N. 1999. *The Twelfth-Century Renaissance*. Manchester : Manchester University Press. 256 p.

References

- Abelard P. *The History of My Calamities*, Moscow, Akademija nauk SSSR, 1959, 257 p. (In Russ.).
- Alcuin. *Dialogue Between the Wisest King Karl and Albin, Teacher, on Rhetoric and Virtues*, Nenarokova M.R. (ed.) *I Will Love the Word as My Neighbor: An Educational Text in Late Antiquity and the Early Middle Ages*, Moscow, Indrik, 2017, pp. 543-584. (In Russ.).
- Alekseev S.S. 2010. The Holiest Thing that God Has on Earth: Immanuel Kant and Problems of Law in the Modern Age, *Alekseev S.S. Collected Works in 10 volumes*, Moscow, Statut, 2010, vol. 5, pp. 9-294. (In Russ.).
- Alekseev S.S. *Juridical Constructions – Key Elements of Law*, *Alekseev S.S., Gongalo B.M., Murzin D.V., Stepanov S.A. (eds.) Civilisticheskie zapiski [Civilist Notes]*, Moscow, Statut, 2001, pp. 5-20. (In Russ.).
- Alekseev S.S. *Law on the Threshold of a New Millennium. Some Trends in Global Legal Development – Hope and Drama of the Modern Age*, Moscow, Statut, 2000, 256 p. (In Russ.).
- Alekseev S.S. *Mystery of Law. Its Understanding, Function, and Social Value*, Moscow, Norma, 2001, 176 p. (In Russ.).
- Alekseev S.S. *The Ascent to the Law. Searching and Solving*, Moscow, Norma, 2001, 752 p. (In Russ.).

- Anners E. *History of European Law*, Moscow, Nauka, 1996, 397 p. (In Russ.).
- Averintsev S.S. Christian Aristotelism as an Internal Form of the Western Tradition and Problems of the Modern Russia, *Averintsev S.S. Rhetoric and Roots of European Literature Tradition*, Moscow, Jazyki russkoj kul'tury, 1996, pp. 319-329. (In Russ.).
- Bartošek M. *Roman Law. Concepts, Notions, and Definitions*, Moscow, Juridicheskaja literature, 1989, 448 p. (In Russ.).
- Bellomo M. *The Common Legal Past of Europe: 1000–1800*, Washington, Catholic University of America Press, 1995, 252 p.
- Benson R.L., Constable G., Lanham C.D. (eds.) *Renaissance and Renewal in the Twelfth Century*, Toronto, University of Toronto Press, 1999, 737 p.
- Berman H.J. *Western Legal Tradition: Age of Formation*, Moscow, Izdatel'stvo MGU, Infra-M & Norma, 1998, 624 p. (In Russ.).
- Brook Ch. The Twelfth Century Renaissance, *Lutkovsky L. (ed.) Theology in the Culture of the Middle Ages*, Kiev, Put' k istine, 1992, pp. 119-227. (In Russ.).
- Brundage J. *The Medieval Origins of the Legal Profession. Canonists, Civilians, and Courts*, Chicago, University of Chicago Press, 2008, 607 p.
- Cicero. *Dialogues: On the Commonwealth. On the Laws*, Moscow, Nauka, 1966, 224 p. (In Russ.).
- Cicero. *Speeches in 2 volumes*, vol. 2, Moscow, Nauka, 1962, 452 p. (In Russ.).
- David R., Jauffret-Spinozi C. *Main Legal Systems of Our Time*, Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija, 1999, 400 p. (In Russ.).
- Dzhivelegov A.K. *Creators of the Italian Renaissance in 2 volumes*, vol. 1, Moscow, Terra-Knizhnyj klub, 1998, 352 p. (In Russ.).
- Gabbay D.M., Woods J. (eds.) *Handbook of the History of Logic in 11 volumes*, vol. 2, Oxford, Elsevier, 2008, 716 p.
- Gilson E. *The Spirit of Mediaeval Philosophy*, Moscow, Institut teologii, filosofii i istorii svjatogo Fomy, 2011, 560 p. (In Russ.).
- Golubtsova E.S. (ed.) *The Culture of Ancient Rome in 2 volumes*, vol. 1, Moscow, Nauka, 1985, 429 p. (In Russ.).
- Gregory of Tours. *History of the Franks*, Moscow, Nauka, 1987, 464 p. (In Russ.).
- Gutnova E.V. (ed.) *History of Europe in 8 volumes*, vol. 2, Moscow, Nauka, 1992, 808 p. (In Russ.).
- Haskins C.H. *The Renaissance of the Twelfth Century*, Harvard, Harvard University Press, 1955, 437 p.
- Ioffe O.S. Civilistic Doctrine of Feudalism, *Ioffe O.S. Selected Works on Civil Law*, Moscow, Statut, 2000, pp. 41-60. (In Russ.).
- Isidore of Seville. *Etymologies, or Origins in 20 books*, books 1–3, Saint Petersburg, Evrazija, 2006, 352 p. (In Russ.).
- Jerome of Stridon. *The Works of Saint Jerome, part 1*, Kiev, Tipografija G.T. Korchak-Novickogo, 1893, 224 p. (In Russ.).
- Jhering R. Spirit of Roman Law, *Jhering R. Selected Works in 2 volumes*, Saint Petersburg, Juridicheskij centr Press, 2006, vol. 2, pp. 21-317. (In Russ.).
- Kapella M. *On the Marriage of Philology and Mercury*, Moscow & Saint Petersburg, Centr gumanitarnyh iniciativ & Petroglif, 2019, 400 p. (In Russ.).
- Kneale W., Kneale M. *The Development of Logic*, Oxford, Clarendon Press, 1962, 783 p.
- Koenigsberger H.G. *Medieval Europe, 400–1500*, Moscow, Ves' mir, 2001, 384 p. (In Russ.).
- Korkunov N.M. *History of Philosophy of Law*, Saint Petersburg, Tipografija M.M. Stasjulevicha, 1915, 502 p. (In Russ.).

- Krashennnikova N.A. (ed.) *Anthology of World Legal Thought in 5 volumes*, vol. 2, Moscow, Mysl', 1999, 829 p. (In Russ.).
- Lactantius. *The Divine Institutes*, books 1–7, Saint Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2007, 514 p. (In Russ.).
- Le Goff J. *The Birth of Europe*, Saint Petersburg, Alexandria, 2008, 391 p. (In Russ.).
- Leger R. *The Great Legal Systems of Our Time. Comparative Legal Approach*, Moscow, Volters Kluver, 2009, 584 p. (In Russ.).
- Lesaffer R. *European Legal History. A Cultural and Political Perspective*, Cambridge, Cambridge University Press, 2009, 549 p.
- Mamardashvili M.K. *Cartesian Reflections*, Moscow, Progress & Kul'tura, 1993, 352 p. (In Russ.).
- Marey A.V. The Phenomenon of the Reception of Roman Law: Formation of Ius Commune in Western Europe from the 12th to the 14th Centuries, *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2012, no. 5, pp. 96-102. (In Russ.).
- Mayorov G.G. *Creation of Medieval Philosophy: Latin Patristics*, Moscow, Librokom, 2009, 296 p. (In Russ.).
- Montesquieu Ch.L. *The Spirit of Laws*, Moscow, Mysl', 1999, 674 p. (In Russ.).
- Novikoff A.J. (ed.) *The Twelfth-Century Renaissance: A Reader*, Toronto, University of Toronto Press, 2017, 480 p.
- Novitsky I.B., Peretersky I.S. *Roman Private Law*, Moscow, Juridicheskoe izdatel'stvo Ministerstva justicii SSSR, 1948, 584 p. (In Russ.).
- Padoa-Schioppa A. *A History of Law in Europe. From the Early Middle Ages to the Twentieth Century*, Cambridge, Cambridge University Press, 2018, 808 p.
- Plessis P.J. du, Ando C., Tuori K. (eds.) *The Oxford Handbook of Roman Law and Society*, Oxford, Oxford University Press, 2016, 728 p.
- Poldnikov D.Yu. "Critical Method" of Irenaeus as a Contribution to the Renaissance of Roman Law Studies, *Ivs Antiquvm. Drevnee pravo* [Ivs Antiquvm. Ancient Law], 2000, no. 1, pp. 228-240. (In Russ.).
- Poldnikov D.Yu. 2016. *The Formation of Contract Doctrine in the Legal Science of the Western Europe (12th – 16th Centuries)*: D.Sc. thesis, Moscow, 2016, 571 p. (In Russ.).
- Poldnikov D.Yu. *Contract Theories of Classical Jus Commune (13th – 16th Centuries)*, Moscow, Academia, 2011, 526 p. (In Russ.).
- Poldnikov D.Yu. *Glossators' Theories of Contract*, Moscow, Academia, 2008, 345 p. (In Russ.).
- Poldnikov D.Yu. *Institute of Contract in the Legal Science of Western Europe from the 11th to the 18th Centuries*, Moscow, Izdatel'skij dom Vyshej shkoly jekonomiki, 2013, 368 p. (In Russ.).
- Popov P.S., Styazhkin N.I. *The Development of Logic Ideas from Antiquity to the Renaissance*, Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1974, 223 p. (In Russ.).
- Popovich M.V. *An Essay on the Development of Logical Ideas in a Cultural and Historical Context*, Kiev, Naukova dumka, 1979, 244 p. (In Russ.).
- Preobrazhensky V.Kh. *The Eastern and Western Schools in the Time of Charlemagne, Their Relationship to Each Other and to Classical and Ancient Christian Schools, and the Way of Posing Theology in Them*, Saint Petersburg, Tipografija F.G. Eleonskogo, 1881, 468 p. (In Russ.).
- Puhta G.F. *The History of Roman Law*, Moscow, Tipografija A. Semena, 1864, 585 p. (In Russ.).
- Rashdall H. *The Universities of Europe in the Middle Ages in 2 volumes*, vol. 1, Oxford, Clarendon Press, 1895, 562 p.

Savigny F.C. von. *The History of the Roman Law During the Middle Ages*, vol. 1, Edinburgh, Printed for Adam Black, London, Longman, Rees, Orme, Brown, and Green, 1829, 459 p.

Sokolsky V.V. An Essay on the History of Science and Literature of Roman Law in the Early Middle Ages Based on Recent Research, *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija* [Journal of the Ministry of Public Education], 1891, vol. 273 (January), pp. 273-325. (In Russ.).

Spassky A.A. *Lectures on the History of Western European Middle Ages*, Saint Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2009, 288 p. (In Russ.).

Spengler O. *The Decline of the West. Essays on the Morphology of World History*, vol. 2, Moscow, Mysl', 1998, 606 p. (In Russ.).

Stasyulevich M.M. (ed.) *A History of the Middle Ages: From the Fall of the Western Roman Empire to Charlemagne (476–768)*, Moscow, AST, Saint Petersburg, Poligon, 2001, 496 p. (In Russ.).

Swanson R.N. *The Twelfth-Century Renaissance*, Manchester, Manchester University Press, 1999, 256 p.

Tertullian. *Apologeticus. To Scapula*, Saint Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2005, 256 p. (In Russ.).

Tertullian. *Selected Works*, Moscow, Progress, 1994, 448 p. (In Russ.).

Tomsinov V.A. On the Essence of the Phenomenon Called the Reception of Roman Law in Europe in the Middle Ages, *Vinogradoff P.G. The Sketch of the Theory of Law. Roman Law in Medieval Europe*, Moscow, Zercalo, 2010, pp. 262-279. (In Russ.).

Ukolova V.I. *The Ancient Heritage and Culture of the Early Middle Ages (the late 5th century – the mid-7th century)*, Moscow, Nauka, 1989, 317 p. (In Russ.).

Vinogradoff P.G. Roman Law in Medieval Europe, *Vinogradoff P.G. The Sketch of the Theory of Law. Roman Law in Medieval Europe*, Moscow, Zercalo, 2010, pp. 186-261. (In Russ.).

Weber M. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology in 4 volumes*, vol. 3, Moscow, Izdatel'skij dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2018, 336 p. (In Russ.).

Weber M. *Selected Works. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*, Moscow, ROSSPEN, 2006, 656 p. (In Russ.).

Zweigert K., Kötz H. *Introduction to Comparative Law in the Field of Private Law in 2 volumes*, vol. 1, Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija, 1998, 480 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Евгеньевич Пономарев

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: 0000-0003-1989-9012;
SPIN-код: 5973-5687;
E-mail: dmitrii.ponomarev@usla.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitrii E. Ponomarev

Candidate of Law, Associate Professor, Theory of State and Law Department, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia;
ORCID: 0000-0003-1989-9012;
SPIN-code: 5973-5687;
E-mail: dmitrii.ponomarev@usla.ru

Правила подачи рукописей

1. Рукописи статей в формате .docx или .doc отправляются в редакцию по электронной почте: admin@instlaw.uran.ru.

2. Статьи, представляемые на русском или английском языке, должны соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука, право.

3. Принимаются только рукописи ранее не опубликованных, оригинальных работ. Все статьи проверяются на плагиат, самоплагиат и иные формы нарушения этических норм. В случае их обнаружения на любой стадии работы со статьей авторам направляется уведомление об отказе в публикации.

4. Все поступившие рукописи проходят двойное слепое рецензирование. К рецензированию привлекаются как внешние эксперты – специалисты по проблематике представленной статьи, так и члены редакционной коллегии. Если мнения двух рецензентов принципиально расходятся, редакция привлекает третьего рецензента или принимает решение самостоятельно. Процедура рецензирования обычно не занимает больше двух месяцев. Однако в случае рекомендации статьи к доработке и повторному рецензированию общий срок ее рассмотрения может быть увеличен до четырех месяцев.

5. По результатам рецензирования статья может быть принята к печати, направлена на доработку или отклонена. При принятии к печати статья пополняет редакционный портфель, из материалов которого редколлегия комплектует ближайшие номера журнала.

6. Рецензии хранятся в редакции в течение пяти лет. Редакция направляет авторам рукописей отзывы рецензентов или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

7. Рукопись оформляется в соответствии с принятыми в журнале техническими требованиями. Рекомендуемый объем – от 30 до 60 тысяч знаков с учетом пробелов. Шрифт – 14 Times New Roman, полуторный межстрочный интервал. Текст должен быть отформатирован по ширине без переносов. Абзацный отступ – 1 см (выполняется без использования пробелов или табуляции). Поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 3 см, правое – 1,5 см. Основной вид кавычек в текстах на русском языке: « ». Однако, если внутри цитаты есть заковыченный фрагмент, он выделяется с помощью “ ”, а вся цитата – с помощью « ». Основной вид кавычек в текстах на английском языке: “ ”. Подзаголовки основных разделов статьи набираются полужирным шрифтом по центру.

8. В самом начале рукописи, в левом верхнем углу, указывается код УДК. Затем набирается полужирным шрифтом название статьи, под которым указываются имя,

отчество (при наличии), фамилия автора, аффилиация (полное название организации без почтового адреса; возможно указание нескольких организаций), город, страна, адрес электронной почты автора. Далее размещается аннотация объемом от 2000 до 2200 знаков с учетом пробелов. Желательно, чтобы в ней была отражена следующая информация: актуальность, цель, теоретико-методологическая основа, краткое содержание и основные выводы исследования. После аннотации приводится список из 5–10 ключевых слов.

9. В разделе «Благодарности» дается информация о финансировании исследования (финансирующее агентство и номер гранта). Также в этом разделе можно выразить благодарность людям, которые помогли автору в работе над статьей.

10. В конце статьи приводятся сведения об авторе: имя, отчество (при наличии), фамилия, ученая степень, звание, должность и место работы; ORCID; ResearcherID (при наличии); Scopus AuthorID (при наличии); SPIN-код; адрес электронной почты.

11. Информация, указанная в пунктах 8–10 (название статьи, аннотация, ключевые слова, благодарности и информация об авторе), предоставляется также на английском языке.

12. Все таблицы и рисунки должны иметь последовательную нумерацию, название; быть включены как в основной файл статьи, так и представлены отдельными файлами.

13. Библиографический список в конце рукописи включает только научную литературу. Примечания, ссылки на нормативно-правовые акты, статистические данные, интернет-ресурсы, словари, газеты и т.д. оформляются в виде постраничных сносок (12 Times New Roman, одинарный межстрочный интервал, отступ – 1 см). Внутритекстовые ссылки на научную литературу даются в круглых скобках, где указывается фамилия автора или составителя (главного или ответственного редактора), год издания и при необходимости после двоеточия страница(ы). Например: (Луман 1999: 204).

14. В Библиографическом списке сначала идут в алфавитном порядке работы на русском языке, затем на иностранных языках. В книге (монографии, сборнике) указывается год, место издания, издательство, общее число страниц. В статье указывается диапазон страниц. При наличии нескольких работ одного автора, вышедших в одном календарном году, к цифровому обозначению года добавляются строчные буквы латинского алфавита – a, b, c..., что отражается и во внутритекстовых ссылках. Если публикация имеет DOI, следует обязательно указать его.

Все представленные в Библиографическом списке работы оформляются также в виде *References* в алфавитном порядке, где источники на кириллице даются в транслитерации и переводе на английский язык: название журнала, сборника – в транслитерации и переводе; заглавие книги или статьи, место издания – только в переводе; издательство – только в транслитерации. Работы на английском языке приводятся без изменений, источники на иных языках также даются в переводе на английский язык.

15. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно. Гонорар автору не выплачивается.

16. К представленной в редакцию рукописи автор прилагает письменное согласие на размещение опубликованной в журнале статьи в электронных базах данных; письменное согласие на опубликование персональных данных.

Более подробно с требованиями к рукописям и примерами их оформления можно ознакомиться на сайте журнала по адресу: <http://yearbook.uran.ru/avtoram/trebovaniya-k-statiam>

Manuscript Submission Guidelines

1. Manuscripts of articles in .docx or .doc format should be sent to the editorial board's email address: admin@instlaw.uran.ru.

2. Manuscripts submitted in Russian or English have to correspond to the subject areas of the Journal – philosophy, political science, and law.

3. Only manuscripts of previously unpublished and original articles are acceptable. All manuscripts are checked for plagiarism, self-plagiarism and other forms of ethical violations. In case of their detection at any stage of editing, the authors are notified of the refusal to publish.

4. Every submitted manuscript is subjected to a double-blind peer review. Peer reviewers involved are both external experts, specialists in the same subject area as the submitted manuscript, and members of the editorial board. If peer reviews fundamentally differ, the article will either be passed for evaluation to a third reviewer, or the decision will be taken by the editorial board itself. The reviewing procedure usually takes no more than two months. However, if the manuscript is recommended for revision and re-reviewing, the total consideration period can be extended to four months.

5. Based on the results of the review, the manuscript may be accepted for publication, sent back to the author for revision, or rejected. When accepted for publication, the article replenishes the editorial portfolio which materials are used for completing the next issues of the Journal.

6. Peer reviews are retained in the editorial office for five years. The editorial board sends reviews or reasonable rejections to the authors. It is also committed to sending copies of reviews to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in case of being requested.

7. The manuscripts should be designed in accordance with the Journal's technical specifications. The recommended length is between 30,000 and 60,000 characters, including spaces. Font – 14 Times New Roman, line spacing – 1.5. Justified text alignment, no automatic hyphenation. First-line indent (without the use of tabs or space) – 1 cm. Page layout: top margin – 2 cm, bottom – 2 cm, left – 3 cm, right – 1.5 cm. The main type of quotation marks in Russian language manuscripts: « ». However, if there is a quoted extract inside the quote, it is marked with “ ”, and the whole quote is marked with « ». The main type of quotation marks in English language manuscripts: “ ”. The subheadings of the main sections of the article are typed in bold in the center of the page.

8. At the very beginning of the manuscript, in the top-left corner, a universal decimal classification (UDC) code should be indicated if possible. Then the article title is typed in bold, under which the author's personal data should be provided: the name, patronymic (if any), and the surname of the author, affiliation (full name without a postal

address; multiple affiliations are permitted), city, country, e-mail of the author. Next, an abstract comprising 2,000–2,200 characters in length (including spaces) is placed. It is advised to contain the following information: relevance, purpose, theoretical and methodological basis, summary, and main conclusions of the study. After the abstract, a list of 5–10 keywords is to be provided.

9. Acknowledgement section includes information on the financial support (the funding agency and the grant number). Also in this section, it is possible to express gratitude to those who helped the author in working on the article.

10. At the end of the manuscript, information about the author should be placed: first name, patronymic (if any), and the surname, academic degree, title, and position held; ORCID; ResearcherID (if any); Scopus AuthorID (if any); SPIN-code (if any); E-mail.

11. The information specified in paragraphs 8–10 (the article title, abstract, keywords, acknowledgements, and information about the author) is also provided in Russian if possible.

12. All tables and figures should be numbered in order of appearance and have captions. They should be both placed within the text of the manuscript and provided in separate files.

13. The Bibliography at the end of the manuscript includes only scientific literature. Notes, links to regulatory legal acts, statistical data, Internet resources, dictionaries, newspapers, etc. are given in the footnotes (12 Times New Roman, single line spacing, first-line indent – 1 cm). In-text references to scholarly sources are placed in parenthesis with the surname of the author or the compiler (chief or responsible editor), the year of publication, and, if necessary, the page(s) after a colon. For example: (Luhmann 1999: 204).

14. The Bibliography first includes alphabetically ordered works in Russian, then in other languages. A book (monograph, collection) indicates the year, place of publication, publisher, and a total number of pages. An article specifies the range of pages. When there are several works of the same author, published in the same calendar year, lowercase letters of the Latin alphabet (a, b, c, etc.) are added to the numerical year designation; this should also be reflected in the in-text references. If the publication has DOI, it is obligatory to be stated.

All works in the Bibliography are also arranged as References in alphabetical order with Cyrillic sources given in transliteration and translation into English: the name of the journal, collection – in transliteration and translation; the title of the book or the article, place of publication – only in translation; the publisher – only in transliteration. Sources originally written in English are given without changes, sources in other languages are also cited in English translation.

15. Publication of accepted articles is free of charge. No honorarium is paid to the author.

16. In addition to the manuscript, the author provides a written consent to display the published article in the electronic databases, as well as a written consent to make public his/ her personal data.

More detailed information about manuscript submission guidelines and design samples are provided on the Journal's website: <http://yearbook.uran.ru/en/for-authors/accepted-papers>

Научное издание

АНТИНОМИИ

Том 24

Выпуск 1

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института философии и права
Уральского отделения РАН*

Ответственные за выпуск
В.С. Мартьянов, В.В. Руденко

Редактор *И.И. Арсентьева*
Компьютерная верстка *А.Э. Якубовского*
Дизайн обложки *Е. Ширяевой, «РА4»*

Подписано в печать: 15.03.2024. Дата выхода в свет: 1.04.2024.
Формат 70x100/16. Бумага типографская.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 9,2 Уч.-изд. л. 8,2
Тираж 500 экз. Заказ №

Институт философии и права УрО РАН
620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16.

Изготовлено ООО «Издательство УМЦ УПИ»
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 17, офис 134.